

# СУРА

ЖУРНАЛ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

6 (136)

НОЯБРЬ - ДЕКАБРЬ



*Народу кажется, что он свободен в революциях,  
это — страшный самообман. Он — раб темных стихий...  
В революции не бывает и не может быть свободы,  
революция всегда враждебна духу свободы...*

**Николай Бердяев**

## В НОМЕРЕ:

### **ПОЭЗИЯ И ПРОЗА**

|   |     |
|---|-----|
| Ольга ДЕНИСОВА. Просто быть. Стихи .....  | 3   |
| Михаил ФЁДОРОВ. Ольга Алмазова.<br>Рассказ жены белогвардейского генерала.<br>Окончание. Начало в № 5 за 2016 г. .... | 11  |
| Дмитрий БОБЫЛЁВ. Пирожки со счастьем. Стихи .....   | 92  |
| Дмитрий ДАРИН. Исповедь. Рассказ .....  | 97  |
| Адаль ХОЛЬМ. Молитва о чуде. Стихи.....   | 112 |
| Ольга ПРАВДИНА. Она любила Стивена Кинга. Рассказы .....  | 117 |
| Максим ТОКАРЕВ. Путь через дождь. Стихи .....   | 129 |
| Владимир ГОЛЬДШТЕЙН. Первоапрельский велосипед. Рассказ .....   | 132 |
| Татьяна ИВАШИНА. С тобой и без тебя. Стихи .....  | 141 |
| Владимир РОГОЖКИН. Время дождя. Рассказы .....  | 145 |

### **ПОД ЛЕРМОНТОВСКОЙ ЗВЕЗДОЙ**

|   |     |
|---|-----|
| Александр КНЯЗЕВ. Невеяно Лермонтовым ..... | 157 |
|---|-----|

### **ПАМЯТЬ**

|  |     |
|--|-----|
| Геннадий ГОРЛАНОВ. «Я ничего не значу без России...»<br>К 80-летию Дины Злобиной.....        | 170 |
| Дмитрий МУРАШОВ. Пензенская муза Немировского.<br>К 125-летию Лермонтовской библиотеки ..... | 178 |
| Владимир МЫШИНСКИЙ. Отец и дочь. К 80-летию В.С. Мышинского .....                            | 183 |

### **ДЕБЮТ**

|   |     |
|---|-----|
| Владимир ЛЕЗИН. Время мерить. Стихи ..... | 187 |
| Юрий ГУЗЁНИН. Колокольчики. Рассказ.....  | 191 |

### **КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ**

|  |     |
|--|-----|
| Ирина МОНАХОВА, Вячеслав НЕФЁДОВ. Мыльные пузыри сплетен<br>под видом лермонтоведения. О статье Л. Беловой ..... | 193 |
| Анастасия КОЧЕНОВА. Литературные предпочтения студентов .....  | 199 |
| Александр ЗЕВАЙКИН. Миры Ольги Правдиной.<br>Отзыв о книге О. Правдиной «Самый длинный день лета».....           | 208 |
| Вера ДОРОШИНА. Неторопливый реализм Юрия Гузёнина .....  | 211 |

### **ПЕСЕННАЯ ПЕНЗА**

|   |     |
|---|-----|
| Роман ДАВЫДОВ. «Ты как праздник в моей суете» ..... | 213 |
| Новогоднее ассорти. Стихи.....                      | 215 |
| Об авторах .....                                    | 219 |

**Ольга ДЕНИСОВА**

**ПРОСТО  
БЫТЬ**

**Стихи**



\* \* \*

Когда из минуса к нулю —  
Неосязаемое дыма —  
Душа текла непоправимо  
В земное «больно» и «люблю»,

Где, кем тогда она была,  
Когда ей не было печали,  
Когда ее не различали  
Ни свет пронзающий, ни мгла?

Что видела она, входя,  
Как море в суженное гирло?  
Она рождалась или гибла  
В глотке апрельского дождя?

\* \* \*

Ты в состоянии нуля —  
Непостижимом равновесье,  
Где вечной раной поднебесье  
И счастьем полная земля;

Где спорят боль и красота —  
Неведомо, вокруг, в тебе ли,  
А в быстро старящемся теле  
Растет и зреет пустота.

И тихо клонится сосуд  
К паденью, выходу из точки...

В последнем чаянье отсрочки  
Зачем, куда тебя зовут?

\* \* \*

Еще во впадинах белеет  
Трухлявый снег, и до утра  
Мороз еще землей владеет.  
Но половодье у двора.

Но в полдень снег дымится влажно,  
Как будто только из печи.  
Но с веток медленно и важно  
Перекликаются грачи.

И солнце бережно, как ватой,  
Лучами трогает лицо.  
И сладко пахнет горьковатой  
Смолой — облешее крыльцо.

\* \* \*

Мошкара в потоке света  
Вьется, кружится, плывет.  
Одnodневка верит в лето,  
В то, что вечен хоровод.

На закате, на закате,  
Там, куда они летят,  
На небесном Арарате  
Зреет красный виноград.

...Тихо-тихо в полом-полом  
Жарком конусе луча...  
Скоро-скоро будет полон  
Виноцветным жаром чан.

\* \* \*

День начинают воробы,  
Рассыплют щебеты по саду,  
Щекой почувствуешь прохладу  
Сквозь сна воздушные слои.

В сны и обратно переход  
Под шепот яблонь у окошка.

Прожектор солнечный сторожо  
Со стенки на кровать ползет.

И бьет в глаза слепящий круг.  
В окне открытом — взмахи шторок.  
Задетых веток хруст и шорох  
И яблока о землю стук.

АНЕ

Для чего-то родишься —  
Не подскажет никто.  
Словно сам себе снишься  
В не по росту пальто

При расхристанных петлях —  
Так, что ветер в поле;  
В вечных поисках светлых  
Птичьих нот в феврале

Снова свищешь синицей  
На трамвайных путях,  
Чтобы солнцу пробиться  
В снеговых облаках,

Чтобы крестик и нулик  
Вновь играли в ничьи,  
Чтобы слезы сосулук  
Собирались в ручьи.

\* \* \*

На листьях задрожали капли ртутно  
Под теплыми губами ветерка.  
Текут, преображаясь поминутно,  
Торопяся куда-то облака.

И все неуловимей год от года,  
Бессвязней отраженья на стекле.  
И запах застоявшегося меда  
От яблок, позабытых на столе.

Тревожная открытость поднебесья,  
Тень тополя, растущая в длину...

Последние мгновенья равновесья  
Пред зимним, долгим спуском в тишину.

\* \* \*

Какой был свет! Березовый, прямой,  
Сияющий, звенящий тишиной.  
И только уводила лето вдаль  
Кукушки гулкополая печаль.

Молчи! Ведь он не слышит ничего.  
Тебе не докричаться до него.  
И шум травы на тихий плач похож.  
Его ведь нет — кого же ты зовешь?

\* \* \*

Во сне я говорила по-монгольски,  
Раскатывая камешки согласных,  
Я упивалась вкусом их забытым,  
Вдыхала воздух радостно и вольно,  
И резвые слова, как жеребятя,  
Вдогонку друг за дружкой к горизонту  
Скакали, вздернув куцые хвосты.  
Степь пахла солью. Утренней прохладой  
Чуть веял над травой ветерок.  
Над белой юртой плыли струйки дыма.  
В высоком небе тихо круг за кругом  
Чертил, расправив крылья, белый коршун.  
И перламутром иней зажигая,  
Всплывало солнце красным поплавком...

ГЛИНА

*Только глина знает, как близко Бог.  
Анна Акчурина*

Мнут, и бьют, и гнут — а чего ты ждешь? —  
Ты уже не глина.  
Перерезана — знает, чей был нож —  
Пуповина.

И в замес — вода, и вода — в руке,  
Высохнешь до звона.

Полнись до краев, схорони в песке —  
С кона, с кона.

Сохнет горло — в нем по пескам пески,  
Жар пустыни.  
Трещинки легки, как же черепки  
Все, что ныне?

Все ушло в песок, до последних крох —  
Капли ни единой.  
Близок, близок Бог, как последний вздох,  
Стань же глиной.

\* \* \*

И снова слепящая взор синева  
Без дна, без конца и без края.  
И пахнет смолой молодая листва,  
Зеркально лучи отражая.

От солнца и запаха влажной земли  
На миг пресечется дыханье.  
И трубно гудят золотые шмели  
Бессмертную песнь обещаья.

Так было вчера, и сегодня, и впредь —  
Поют и не думают, долго ли петь...

\* \* \*

Все дождь и дождь — и каждый день обычен,  
Живешь как придорожная трава.  
Мой образ до того неромантичен,  
Что стыдно выговаривать слова,  
Желающие жизни беспричинно,  
Дыханья — звука — запаха — лица,  
Пока темно, гудит вдали машина  
И флоксы облетают у крыльца.

## БАБОЧКИ

Слетает желтый лист несмело  
На желтый праздничный покров,

И все, о чем молчать хотела,  
Так и останется без слов,

Как нити солнца ни прядутся  
В узор с тенями кружевной,  
Где бабочки как ленты вьются  
Над выгорающей травой.

\* \* \*

Последний жар последних летних дней.  
Как высоко стояли облака,  
И в подступенье — медленном — теней  
Мерцающий, частящий пульс сверчка  
Над звуками клонящегося дня,  
В забвенье, растворяющем меня...

## СЕНТЯБРЬ

Гремит, но тучи ходят мимо,  
И только пасмурно опять.  
И сладковатый запах дыма  
Так упоительно вдыхать.

И так черемуха сияет  
Желто-оранжевой листвой,  
Как будто праздник ожидает  
Ее за тучей грозовой.

Как может кончиться все это,  
На час дарованное нам:  
И в сердце предвкушенье света,  
И тень вокруг, по сторонам...

\* \* \*

Черный шмель тяжело-важный  
С низким бархатным гуденьем  
Покачнул многоэтажный  
Флокс  
И медленным движеньем —  
Колыханье там, где был —  
От цветка к цветку поплыл.



## ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ ОТ МЕНЯ?

*Отчего же так неумолим  
Праздник жизни?  
Анна Акчурина*

*Тихие вспышки  
невидимого огня.  
Максим Перминов*

Чего ты хочешь от меня,  
Священный праздник? Я немею  
И отзываться не умею  
На вспышки тихие огня.  
А он горит, неумолим,  
Неопалим, неупиваем,  
И, бывши праздником моим,  
Все больше мной не узнаваем.  
Как этот серенький забор,  
Травой заросшая тропинка  
И через весь пустынный двор  
Протянутая паутинка.  
Круженье белых мотыльков,  
Игра и в свет перетеканье.  
Сиянье тихих облаков  
В ультрамариновом сиянье.  
Ожоги зимнего огня  
Еще в листве не проступили.  
Не отпускай, храни меня  
В своей живой последней силе!

## БАБОЧКА

Как тихо бабочка летит,  
Кружась в потоке восходящем, —  
Все вверх и вверх — над настоящим —  
В простор, который ей открыт,

В прошитый солнцем океан,  
Не затененный облаками,  
В лазурно-золотое пламя,  
Куда без крыльев вход не дан

И мне заказаны пути,  
Пока душа не оперится  
И от обид не отрешится.  
Лети же, бабочка, лети!

\* \* \*

Снег как зерна льется —  
Душу подставляй!  
Скоро испечется  
Белый каравай.

Белый, свежий, пышный —  
На весенний стол  
Мельнички неслышной  
Праздничный помол.

В тихие излуки  
Замерших равнин,  
В поднятые руки  
Кленов и рябин.

Словно в метрономе,  
Паузы слышны.  
Что еще мне, кроме  
Этой тишины?

ПРОСТО БЫТЬ

Уоллес Стивенс

Пальма у самого края сознания,  
Вне связи с последней мыслью, встает  
В бронзовеющем небе.

Златоперая птица  
Поет на пальме — не для людей с их знанием,  
Не для людей с их чувствами — странную чужую песню.

И ты сознаешь,  
Что счастью не нужно никаких оснований.  
Птица поет. Перья ее горят.

Пальма на границе космоса.  
Тихо трогающий ветви ветер.  
Узких и длинных перьев вспыхивающий огонь.

**Михаил ФЁДОРОВ**

**ОЛЬГА  
АЛМАЗОВА**

**Рассказ жены  
белогвардейского генерала**



## **ЧАСТЬ 2**

### **1**

Войска 1-й и 2-й армий откатывались по левобережью Днепра к городу Геническу и станции Сальково на границе Херсонщины и Крыма. Мой брат Сергей отходил вместе с дроздовцами. По ночам выл лютый зимний ветер — спутник всех удач большевиков. Налетала пурга, отпуская только под утро. Дроздовцы порой за тридцать шесть часов с боем проходили до ста верст. Перед Агайманом им перерезали путь передовые части буденовцев. Дроздовцы с ходу сбили их и вошли в Агайман. Небольшой отдых в поселке, и ночью выступили снова. От ледяного ветра коченели люди и кони. Солдаты мерзли в шинелях. Всадники спрыгивали с лошадей и шли, чтобы согреться. Складывалось впечатление, что повторялась поздняя осень 19-го, когда мы уходили от Касторной.

Вместе с другими частями дроздовцы повернули к селению Отрада. Вошли в Отраду... Оказывается, Буденный находился в Отраде! Он даже не успел пообедать — и бежал! На окраине Отрады захватили конных трубачей вахмистра — всадников с серебряными трубами, обвитыми красными лентами. Вывезли их в поле, где маячили разъезды красных, и заставили исполнить своим однополчанам похоронный марш. Белые конники в переулке обстреляли серую машину: она оказалась броневиком. На ней-то и убегал пышноусый вахмистр. Подъезд конники ближе, усач угодил бы в руки белых!

Как нам порой не везло!

Трудно сказать, где смоленцы соединились с дроздовцами, но я вскоре встретилась с братом. Наши войска теперь двигались че-

---

\* Окончание. Начало в № 5 за 2016 г.

тырмя колоннами. Для сокращения длины колонн движение в каждой колонне было организовано в два ряда. Артиллерия шла в резервной колонне. Только одна колонна двигалась по дороге, остальные — прямо по полю. После долгих разговоров с братом я спросила:

— Вот только не знаю, удастся ли отдохнуть в Крыму? Набраться сил? Снова продолжить борьбу?

— Оля! А я себе не задаю таких вопросов. Если я буду думать о них, мне будет трудно сражаться, — ответил Сергей. — Ты же будущая мать. Думай лучше об этом...

При заходе на Чонгарский перешеек достигли станции Сальково. Перед Сальково вытянулись неглубокие, наспех вырытые окопы с проволочным заграждением. Дроздовским полкам приказали занять окопы: от станции до Сиваша — 2-му Дроздовскому полку, от станции до моря — 3-му Дроздовскому. С дроздовцами остался Сергей. Я прощалась с ним, как будто видела его в последний раз. Мне почему-то сдавалось, что мой конец уже близок, что я уже не жалею на белом свете, и только хотела, чтобы все произошло как можно скорее и безболезненнее для меня, моего дитя (как жаль его!), родных и Новикова.

Досталось брату и в Сальково! Было холодно, мучил голод. Раздобыть что-нибудь съедобное не было никакой возможности. А мимо окопов проходили части армии, до самой темноты все шли и шли мелкими отрядами и в одиночку полузамерзшие измученные люди. А потом поток иссяк: темная степь замерла. Со станции уползли последние эшелоны, оставив два бронепоезда. Они прикрывали открытое пространство между 2-м и 3-м Дроздовскими полками.

Около десяти часов вечера началась стрельба, и ничего нельзя было увидеть и разобрать. Батареи открыли заградительный огонь. Бронепоезда стали на позиции немного позади, а не на линии окопов, и... красные в полной темноте прошли по рельсам в тыл 2-му Дроздовскому и во фланг 3-му Дроздовскому полкам.

Вот как об этом днями позже на Чонгарском мосту мне рассказал Сергей:

— Пули летели отовсюду. В темноте ничего нельзя было понять. Стрельба то затихала, то возобновлялась. Лошади, привыкшие к стрельбе, жались от каждой пролетававшей пули. Отошедший бронепоезд по ошибке открыл огонь по нам...

Дроздовцы отступили. Всю ночь шли вдоль железной дороги. Вокруг стелилась голая степь. Не было видно ни села, ни какого-нибудь жилья. До костей пронизывал лютый ветер. Было настолько холодно, что ехать верхом, на повозке или на орудии больше десяти минут было невозможно. Казалось, все конечно. Но люди шли, потому что согреться можно было только во время ходьбы.

Миновали Джимбулук. На рассвете достигли последней станции перед Чонгарским мостом. Там горело множество костров. Дроздовцы снова встретились со смоленцами, которым было приказано оборонять переправу. Здесь я опять встретилась и простилась с Сергеем, который с дроздовцами уходил дальше на Джанкой.

— Оля! — попросил меня брат. — Если я... Сама понимаешь... Если увидишь наших в Медвежьем... То скажи, что я до конца выполнял офицерский долг... И не моя вина, что мы откатились до Новороссийска... Теперь в Крым... Прости, если что не так... Но я тебя, тебя...

Он не произнес того слова, которое мы всегда хотим услышать от дорогого человека и не слышим. Мой мужественный брат плакал, на его щеках в льдинки превращались слезы, я стояла и сама не знала, что мне делать: реветь, обхватить шею брату и уже не отпустить. Сергей обмороженными пальцами расцепил мои руки, коснулся потрескавшимися губами моего лба и скрылся в густой темноте за строем дроздовцев.

## 2

Белые считали Крым своим домом и верили, что он неприступен. Теперь в него стекались остатки войск. Как выразился Новиков, «влезали в крымскую бутылку». В мае, когда мы выходили в Северную Таврию, он высказался иначе: «Высочили из... бутылки». Последними покидали материк по Арбатской стрелке марковцы — оставляли приазовский город Геничевск. Красные бросились им вдогонку, но марковцы контратаковали, вновь взяли город, захватили более тысячи пленных. С пленными поступили ловко: забрали штаны, рубашки и сапоги и оставили в хатах раздетыми. Одежду и оружие сложили в кучи и подожгли. Пусть по морозу преследуют. Нагишом! Чем только не удивляли марковцы! За ними, конечно, никто не побежал.

Смоленцы прикрывали Чонгарские переправы, обороняли укрепления, которые укреплениями мог назвать только далекий от военного дела человек. Вдоль переправ тянулись мелкие окопы с жидкой линией проволочных заграждений. Они и в подметки не годились преградам на Перекопе — его Турецкому валу со рвом. Еще недавно на Чонгар катили поезда из Мелитополя в Крым. Теперь все замерло в ожидании бури. Сильно морозило. Соленые озера покрылись льдом, и по ним кое-где можно было пройти лошадям и людям. Но снега не было. Поля застелило засохшей на стебле травой. До костей пронизывал морской ветер, гуляя с запада на восток, с востока на запад, с юга на север. Он убивал в человеке все живое, превращая его в полуавтомат. Мы жгли траву, чтобы согреться. Полураздетые, экипированные не по зиме, с набитой под рубахи для тепла соломой, не покидали линии окопов.

Красные и здесь повалили. Смоленцы отбивали нескончаемые атаки и даже кидались на врага врукопашную. Но красные форсировали чонгарские переправы и, покрыв своими трупами проволочные заграждения, завладели укрепленным узлом у станции Таганаш.

Смоленцы вынуждены были отходить. Они не отставали друг от друга и, несмотря на отступление, гордо несли винтовки. Наташа ехала со мной в коляске, куталась в шинель и говорила:

— Какой живучий человек!.. Сделается холодно, он разожжет костер. Найдет что-нибудь вроде соломы, сухих листьев, обложит себя и согреется.

Почувствует голод, раскопает черемшу — дикий чеснок, луковицу тюльпана. В конце концов, оторвет корневище у камыша — кугу... Жажду испытает — соберет росу, растопит снег. Его ранят — он прижжет рану горящим порохом... Приложит лист подорожника...

— Сколько ты почерпнула! — я хвалила Наташу.

— Но я не получила главного... Москвы!

— Да, наша победа не приблизилась к столице и на воробьиное перо, — вспомнила пташек, которых распугала война.

Чем дольше тянулось время, тем дальше мы оказывались от Первопрестольной.

Моих мыслей не покидал брат, который ушел с дроздовцами. Как он там? Жив? Здоров? Узнала: дроздовцы, голодные и обесилевшие, пришли в Таганаш. Станцию забили отступающие части. Квартир не было, разместиться было негде, и они остановились в поле. Им удалось захватить склад с продуктами. Впервые за последние месяцы раздали горячее питание: суп с галушками и волокнами из мясных консервов. Слабая, но все-таки кормежка. Дали про запас по фунту хлеба. Дроздовцы подкрепились, немного отдохнули и в темноте тронулись дальше.

При переходе из Таганаша на Перекоп не прекращался сильный мороз. Дроздовцы шли по голой степи, точно по обледеневшей пустыне. Крутила колючая пурга. От холода и мороза многие выбивались из сил и отставали. Что с ними случилось? Трудно сказать... Дроздовцы добрались до села Ишунь, прошли ишуньские позиции. Бросалась в глаза небрежная работа тыловиков. Окопы вырыли в три ряда, но не сплошные, без землянок и блиндажей. Проволочные заграждения натянули в несколько рядов, но с разрывами. И не было видно ни досок, ни кольев, ни проволоки для латания дыр. Никто не думал, что белые так глубоко откатятся.

6 ноября — я называю даты по новому стилю, а если по старому, то это было 24 октября — дроздовцы выступили маршем на Армянск. Уже в сумерки стали втягиваться в Армянский базар. Там оказалось мало свободных помещений, и большинство дроздовцев снова разместилось прямо на улицах. Только 1-й Дроздовский полк ушел дальше на Перекоп сменить воинские части.

Сколько надежд было связано с Перекопом, Турецким валом, рвом, этой укрепленной полоской суши, которая связывала Крымский полуостров с материком. Его оседлали корниловцы и дроздовцы — воины знаменитых дивизий, которые столько раз противостояли во много раз превосходящему противнику. Линия окопов тянулась по гребню вала. Снаряды неприятеля попадали либо в обращенный к ним склон, либо перелетали вал, что спасало залегших в окопах солдат и офицеров. Но беда была с подвозом боеприпасов, пополнением живой силой и питанием. Десятки лошадей были разорваны в клочья, и их останки лежали на земле.

8 ноября в 10 часов все пространство перед валом, насколько хватало видимости, покрыла красная пехота: наши насчитали двенадцать линий. Был дан при-

каз не стрелять до подхода красных ко рву. Ров, когда-то наполнявшийся водой, по обоим скатам обтянули проволочными заграждениями. Красные, все в теплых зипунах, с новеньким оружием, приближались. Хотя белые были уверены в себе, нервы были напряжены до предела. Вот первая цепь подбежала ко рву. Отдельные бойцы совсем осмелели и полезли через проволочные заграждения. И тут заговорили десятки пулеметов, сотни винтовок. Сраженные падали. Задние напирали. Через четверть часа вся атакующая масса смешалась и залегла. Лучших мишеней нельзя было придумать. Белые методично уничтожали пехотинцев, которым негде было укрыться. Всю проволоку и поле перешейка усеяли зипуны.

Казалось, свершалось долгожданное. Перебьем красных, латышских, эстонских — кто его знает, каких еще стрелков — и покатим по херсонской равнине. Но красные обошли вал по лиману на границе с 1-м Дроздовским полком. И 9 ноября наши войска были вынуждены покинуть Турецкий вал и отступить на ишуньские позиции.

### 3

Снова все складывалось не лучшим образом. На участке Сиваша красные перешли залив и завладели Литовским полуостровом. 9 ноября 2-й и 3-й дроздовские полки пытались сбросить красных в Сиваш и вернуть Литовский полуостров. Но столкнулись с такой вражеской лавиной, которую было не остановить. На них ползли тучи пехоты. Не подоспела и обещанная конница. В том бою погибли почти все офицеры 2-го и 3-го Дроздовских полков. Но к этому я еще вернусь в своем рассказе.

Корниловцы с остатками дроздовцев зацепились за ишуньские позиции. Еще до полудня перед окопами стали маячить конные разъезды красных, а после полудня появились колонны пехоты, которые стали разворачиваться, чтобы атаковать. Через час по всему фронту закипел бой. Красные двигались на позиции — их отбивали ружейным и пулеметным огнем. Бесперебойно била артиллерия.

Все это хронологично ложилось на страницы моих дневников.

10 ноября наши полки с ишуньских позиций предприняли попытку изменить положение и прорваться в районе Карповой балки к Армянскому базару. Хотели отрезать красных на перешейке. Пехота пошла в атаку, было взято много пленных, орудий. Пехотинцы ждали подхода конницы для завершения удара. Но повторылась драма Литовского полуострова. Конницы не было видно. Солдаты шли в одиннадцатую атаку. Вот тут-то бы конников, и тогда бы рванули на Перекоп!

Красные атаквали с фланга и прорвались в тыл белых. С подходом конницы положение было восстановлено, но о захвате Армянского базара уже никто не помышлял.

Покрыв трупамн проволочные заграждения, красные овладели ишуньскими позициями. После захвата красными чонгарских и ишуньских позиций в штабе Врангеля решили прекратить сопротивление и приступить к эвакуации армии. Но этот приказ еще не скоро дошел до войск.

Оказывается, мой брат попал на Литовский полуостров в самое пекло. Туда, где красные перешли Сиваш. 3-й Дроздовский полк вытянулся в цепь и пошел на ползущие по замерзшему озеру толпы красноармейцев. С возвышенностей били наши орудия. Лед был такой толстый, что снаряды не пробивали его. Цепь дроздовцев устремилась вперед, столкнулась с противником и откатила. Снова кинулась на ползущую массу, которую нещадно дробила артиллерия, но остановиться не могла. Сергей шел в линии дроздовцев, стрелял из нагана, видел, как падали красноармейцы, но за упавшими вырастали другие. От вспышек разрывов в глазах бегали зайчики. От пулеметного, ружейного треска уши закладывало. Одна атака переходила в другую... Третью... Седьмую... Дроздовцы жидкой цепью пошли в одиннадцатую атаку... И вдруг остановились... Солдаты вбивали винтовки штыками в землю... В воздухе закачались приклады... Сергей остолбенел... Вокруг одни солдаты, и те из бывших пленных... Офицеры все убиты... Он покрутил барабан нагана: патроны кончились... Бросил наган... Рванулся на пеших в шапках с красными лентами... Попятился... И побежал... Спотыкаясь, падая, поднимаясь... Сзади слышалась стрельба... Кто-то пронесся на коне... Зловеще выл ветер... Мела поземка... «Куда бегу? — спрашивал себя. — Зачем?.. Не проще ли упасть, и будь что будет?» Но ноги несли тело... Измотанное, истощенное... В груди давило... Легкие жгло от мороза... Ноги стали заплетаться... Голова закружилась... Сергей упал... Сколько лежал, как нашел силы, чтобы подняться, сколько брел, в какую сторону, где плутал, трудно сказать... Но, когда он вывалился из морозного тумана перед окопами, его было не узнать.

— Во! Привидение — Дед Мороз таврический! — воскликнул молодой марковец, опуская винтовку. — Вы откол, господин?

У Сергея не было сил, чтобы вымолвить слово. Оглушенный от стрельбы, воя ветра, ослепший от взрывов, обледеневший, как сосулька, он рухнул в окоп.

— Я с Сиваша... — прохрипел, теряя сознание.

Ему повезло: 3-й Марковский полк по случайности задержался в окопах. Он пришел сюда сутки назад с приказом оборонять подходы к Джанкою. Полк стоял в степи, мимо проходили обозы, проезжали подводы с чинами разных частей, лошади с ездоками, пулеметные двуколки. На рассвете в порядке прошел отряд в четыреста штыков — остатки 6-й пехотной дивизии, Смоленского и Самурского полков, под общим командованием Новикова. Полным ходом проехало два броневедомокола. И никто не остановился, никто не сказал марковцам про уже известный всем приказ. Все только с удивлением смотрели на лежащую пехоту.

Что-то зловещее творилось на душе у каждого марковца. Если раньше утешение давали бывшие всегда при воинской части подводы, то теперь и их не было.

Все прошли, образовалась какая-то жуткая пустота, но противника видно не было.

В 10 часов утра в сторону Симферополя пронесся бронепоезд.

Офицеры потребовали от командира полка сниматься. Командир полка подполковник Сагайдачный медлил:



— Приказа нет!

Но в 10 часов 15 минут скомандовал отходить. Прямо перед отходом марковцев и вывалился из зимней пелены Сергей Алмазов. Его уложили на повозку к сестрам милосердия. Полк выдвинулся вдоль железнодорожного пути на юг. Вскоре марковцам стало не так одиноко: их нагнали две батареи других 1-го и 2-го Марковских полков.

#### 4

Переваливая через возвышенность, марковцы увидели к западу идущие параллельно им большие колонны кавалерии. Прошли десять верст, а чьи колонны, было неизвестно. Выслали разъезд, он вернулся и доложил: головные колонны красных.

Бой был неизбежен! Быстрым ходом колонну опять обогнал бронепоезд. Было за полдень, когда прискакали гонцы из штаба корпуса и передали пакет Сагайдачному. В нем была команда к 9 часам оставить Джанкой и направиться в Севастополь на погрузку на пароходы. Тут марковцы узнали, что отдан приказ Врангеля всем войскам следовать к портам Крыма и какой части в какую бухту.

Сагайдачный и офицеры были ошеломлены: приказание получено с трехчасовым запозданием! Они бы снялись еще в 9 утра! А теперь для них был неизбежен бой без надежды на какую-либо поддержку. Марковцы заметили хвост колонны, которая тянулась к станции Курман. Была видна и другая колонна к востоку.

Подполковник Сагайдачный решил связаться с попутчиками, чтобы при необходимости совместно с ними принять бой. Передовой батальон уже догнал хвост впереди идущей колонны. Через некоторое время к марковцам подъехали командир саперного батальона, шедшего впереди, командиры батарей и полковник Новиков — командир отряда, который двигался восточнее.

Если бы я знала, что в повозке Марковского полка находится мой брат! Если бы! Но всех нас тогда волновало только одно: скорее добраться до побережья и уплыть из этой кошмарной страны, где, видимо, никогда не наступит спокойствие. Подполковник Сагайдачный предложил встретить кавалерию противника общими силами под командой старшего по званию офицера. Старшим оказался полковник Новиков, командующий 6-й пехотной дивизией. Новиков сначала отказывался, но, после того, когда Сагайдачный заявил, что берет руководство на себя, согласился.

И сразу отдал команду: марковцы обеспечивают отход с севера, саперы с запада, он — Новиков — с востока. Командиры разъехались. Около 15 часов красные приблизились к марковцам, которые шли последними. Артиллерийский и пулеметный огонь сдержал красных. Загремели орудия в голове: саперный батальон рассеял лавы спереди. Белые подходили к станции Курман. До нее оставалось шесть верст.

Едва колона Марковского полка поднялась на последний перед станцией бугор, как развернулась непонятная картина. Пространство от железной доро-

ги покрылось скачущими точками, оказавшимися сотнями повозок, все бросилось врассыпную со станции. Послышалась ружейная и пулеметная стрельба, и над станцией появились разрывы шрапнелей. Почти одновременно со станции выскочили два бронепоезда и, открыв огонь из орудий и пулеметов, стали отходить на юг.

Стало понятно: станция занята красными. Путь отхода перерезан. С запада, с севера, с северо-востока наседали противник. Новиков, не оказывая сопротивления, быстро отводил наш отряд к юго-востоку, удаляясь от марковцев. Может, он был не прав: оставил их один на один с врагом, но, видимо, в эти минуты он больше думал о смоленцах, о том, как спасти своих людей, обо мне. И, конечно же, не знал о моем брате, находившемся в колонне марковцев.

Марковская батарея открыла огонь по станции. Подполковник Сагайдачный отдал приказ обходить станцию с востока. Саперный батальон с двумя орудиями и 3-й Марковский полк перешли железную дорогу. Налетевшую лаву отбила батарея полка. Но путь на юг пересекался с новыми лавами. Марковцы были вынуждены повернуть к востоку. Они шли откатами, с бугра на бугор, под прикрытием огня орудий.

Полк охватили с обоих флангов. Батальоны остановились. Подпустив конницу на двести шагов, залпами открыли огонь. Кони сбитых кавалеристов не носились по полю, а оставались на месте или медленно отходили назад. Видно было, как выдохся противник. Саперный батальон не выдержал одновременной атаки с запада и юга. Его смяли. Марковские батальоны сжимались. Раздавались крики:

— Кавалерия слева!

— Кавалерия справа!

Марковцев со станции начали громить батареи красных. Лавы атаковывали волнами. Врывались в цепи. Батальонные ряды разорвало. Марковцы отбивались небольшими группами. Батареи марковцев меняли позиции. Одну из них накрыли снаряды. На голом поле перемешались всадники, пешие, кто-то завяз в топкой низине. Пулеметы и орудия били и по красным, и по марковцам. Вот в какой ад после Сиваша и плутаний по джанкойским степям попал мой брат. Приходя в себя, он хватал винтовку у раненого возницы, целился во врага и снова терял сознание.

## 5

Оставался небольшой проход на возвышенность, к которой спешили батареи, пулеметчики, отдельные группы белых. Те, у кого не оставалось выхода, срывали погоны. С возвышенности орудия расстреливали последние снаряды, пулеметы не позволяли лавам замкнуть круг. Темнело. Ночь скрывала спешивших оторваться от противника.

Про бой на станции Курман я услышала от марковцев в Симферополе. Они почему-то не упрекали, понимая всю безвыходность своего и нашего положе-

ния. Только чудо позволило вырваться из котла. А что с моим братом? Пленных окружили. Искали среди них офицеров.

— Где офицерьё?! — кричали.

Зарубили одного солдата, который скрыл командира. Раздалось:

— Строиться! Бегом!

Всех сбили в колонну и погнали. Сергею повезло: его оставили в повозке с сестрами милосердия. Пленные быстро сжались толпой и почти бежали в направлении Джанкоя. Их собралось до ста пятидесяти человек. Среди них было всего шесть-семь офицеров и Сергей. Солдаты их не выдали. Внешностью они ничем не отличались от рядовых. Пока гнали до Джанкоя, толпа увеличилась до пятисот человек. В Джанкое сестер милосердия отделили, а мужчин усадили во дворе у похожего на гроб здания гимназии. Раздели до нижнего белья. Время от времени кого-то уводили. Раздавались одиночные выстрелы. Сергея и здесь не раскрыли: в нижнем белье он еще больше походил на солдата, чем на офицера.

Вскоре пленных погнали дальше на север. Сергей замотался попавшимся под руку тряпьем, держался за палку и шел, выбиваясь из сил. Какие только думы не посетили моего брата! Они прошли Чонгарский полуостров, вышли в Северную Таврию.

— Кончили войну! Ну, теперь и мы, и вы — все по домам, — говорили одни красноармейцы.

— Порубить бы вас всех! — другие.

Довели до Мелитополя и... распустили по домам. Кто направился в родные края, кто остался в Приазовье подрабатывать у колонистов, кто направился к румынской границе, перешел ее и искал уцелевших белых, чтобы мстить. Но в Крыму этого я еще не знала.

Обойдя залегших в окопах марковцев — бой у станции Курман был еще впереди, — остатки 6-й пехотной дивизии — смоленцы и самурцы — двинулись на Симферополь. Было морозно. Но после Северной Таврии, Чонгара и злого норд-оста казалось тепло. Бесконечная вереница подвод, до отказа набитых людьми в английских шинелях, медленно двигалась на юг. На душе у всех было какое-то тупое равнодушие. Многими овладели усталость или смирение перед судьбой. Даже жгучий вопрос, найдется ли место на пароходе, не очень волновал. Оставаться было, конечно, нельзя, выбор был сделан еще тогда, когда записывались в Добровольческую армию. И ни на какое «милосердие» рассчитывать не приходилось. Мы с Натальей ни о чем таком не думали, а во всем полагались на Новикова и не сомневались, что он всех спасет.

Когда нас нагнал 3-й Марковский полк и Новиков ускакал на встречу с командиром марковцев, мы испугались. Вернувшись, он приказал ускорить шаг. Мы видели, как сзади, с запада и востока, марковцев обтекали конные массы. Мы слышали стрельбу на станции Курман. Видели обход конницей марковцев, как смешались марковцы и конники, как из мешка на бугор вырвалась пехота. На

душе шевельнулось: не кинуться ли на подмогу? Но никто даже не выстрелил в сторону наседавшего на марковцев врага. Мы сами были на волосок от гибели.

Мы взяли влево, и это нас спасло. Пришлось дать большой крюк, пока мы не добрались до Симферополя. Когда вошли в город, то узнали о смертельной схватке под Курманом и о том, что остатки марковцев уже проследовали в Севастополь. По приказу Врангеля пехота двигалась на Севастополь, конница — на Ялту, кубанцы — Феодосию, донцы — Керчь.

В Симферополе царил анархия. По улицам шныряли мародеры. Попадались офицеры, которые срывали погоны и говорили:

— Все кончено!

Одним из таких оказался уцелевший на станции Курман марковец — он вырвался из окружения и все в деталях рассказал, но больше воевать не хотел и оставался в городе. Лошади моей коляски сдали, и пришлось искать им замену. Новиков с Уманцем направились по городу. На углу церковной ограды их остановили солдаты с красными повязками.

— Стой! Кто идет? — воскликнул солдат.

— Свои, — ответил Новиков. — А вы кто такие?

— Части революционного гарнизона. Если примкнете к нам, мы вас пропустим!

— Ви главе нашего военно-риволюционного комитета бивший офицер Шнейдер! — солдата поддержал другой с повязкой.

— Иван Федорович? — улыбнулся Уманец.

— А вы, что, его знаете? — удивились солдаты.

— С Феодосийского полка? — спросил Новиков.

— Увсе теперя за красных...

Новиков потянулся к кобуре.

— Вячеслав Митрофанович! Не надо, — сжал его руку Уманец.

Солдаты наперебой уговаривали их остаться. Внушали, что штабы белых давно на пароходах, а пароходов отступающим не приготовлено, что среди моряков забастовка и они в море не пойдут, что если какой пароход и выйдет, то будет потоплен подводными лодками — они прибыли из Одессы, что красные объявили амнистию и сдавшимися ничего не будет...

— А ты уверен? — спросил Новиков.

— Да, поэтому и решил остаться!

Видя несговорчивость смоленцев, дали им несколько воззваний, подписанных Шнейдером.

— Сохраню на память! — сунул листовку за пазуху Вячеслав Митрофанович.

На окраине им удалось раздобыть пару кобыл.

## 6

Мы двигались без всякой связи: неизвестно, где наши, где противник. Двигались в Севастополь, спрашивая, что в порту? Навстречу попадались люди.

Они были панически настроены. По их словам, пароходы все ушли, а на шоссе нападают с гор «зеленые». Отряд продолжал путь, высылая вперед разъезды и принимая меры предосторожности на случай боя. Чем ближе оказывался Севастополь, тем чаще встречались крестьяне-подводчики. Они отвозили своих пассажиров в порт и возвращались назад.

Добрались до станции с названием, которое в другой обстановке обрадовало бы, — Сирень. А теперь оно прозвучало совсем неприметно. Да и кустов, которые расцветают метелками, не заметили. В округе не было видно никого. Только зияли раскрытые двери вагонов разграбленных поездов. На самой станции тоже не оказалось ни души, а на столе коменданта лежал приказ Врангеля об отступлении и эвакуации за границу. Неожиданно увидели воинскую команду. Солдаты решали: что им делать? Уходить в Севастополь, оставаться, рассчитывая на милость красных, или прятаться в горах? Оказывается, команда охраняла шахты, и про нее забыли. Каким-то образом прослышала про эвакуацию и спустилась с гор.

Мы поспешили вперед. Вскоре на дрезине нас обогнали несколько солдат, которые остались в Сирени. Они крикнули:

— Команда вернулась в горы!

«Зачем? — подумала я. — Или их поразило то, что их забыли? Подумали, что так же обойдутся с ними на берегу? А что, они не знают о том, скольких бросили под Джанкоем? Неужели они еще не усвоили, что каждый выживает сам!»

Солнце осветило Графскую пристань — широкую, сходящую к морю лестницу. Над городом полыхало зарево догоравшего пожара. Свет и огонь сопровождали последние часы пребывания белой армии в Севастополе. Все подступало к завершающему аккорду. Белые собрали в Севастополе все возможные корабли, баржи, все, что мало-мальски держалось на воде. Раненые грузились на госпитальные суда, войска — на вытянувшиеся вдоль пристани пароходы, тральщики, паровые шхуны, буксиры. Причалил к молу и натужно гудел пароход-угольщик «Бештау», на который стали грузиться опаздавшие на погрузку марковцы и лейб-казаки. Команды столкнутых бронепоездов тоже спешили на «Бештау».

14 ноября 1920 года в 10 часов утра Врангель объехал на катере суда. Погрузка почти закончилась. Он сошел на пристань. Несмотря на холод, на набережной толпилась гражданская и военная публика. Подъезжали экипажи, всадники. Врангель выступил перед не захотевшими уезжать, поблагодарил их за помощь, пожелал им удачной жизни. Оставались те, кто поверил обещаниям Фрунзе, что преследовать не будут.

Какие наивные! Они и предположить не могли, как чесались руки у сподручных командарма Белы Куна и Землячки.

Врангель прощался. Люди плакали, желали успешного пути тому, кто уходил в море.

— Господь вас храни! — махали платками женщины.

Врангель спустился по ступеням пристани на катер, катер отвалил от причала, бойко направился на рейд к крейсеру «Генерал Корнилов». Врангель останавливался около перегруженных судов, благодарил белогвардейцев за лихую службу, говорил, что они уходят в неизвестное, но унывать не стоит, что им должны помочь государства Запада, ибо Белая армия сражалась против общего врага.

С кораблей несло ура. И вот корабли потянулись в открытое море.

В то время, когда транспорты, набитые людьми, снимались с якорей и уже уходили в море, в опустевший и замерший Севастополь со своим отрядом прибыл полковник Новиков. Я пережила жуткие минуты: корабли удалялись, а мы металась по Графской пристани, не в силах ничего сделать. Случилось худшее: мы оставались на полуострове.

Новиков приказал стрелять из всех видов оружия, чтобы привлечь внимание уплывавших. Но ни один корабль не сбавил ход и не развернулся. Мне с горечью вспомнилось, как в Новороссийске миноносец генерала Кутепова пошел на спасение Дроздовского полка, и я до боли терла глаза, высматривая в море спасительное судно.

Наташа плакала:

— Что с нами будет, Вячеслав Митрофанович?

Я неотрывно смотрела в море, сердце екало, снизу обдавало теплом будущего ребенка, и глупо успокаивала себя:

— Хоть Сережа спасется...

Почему-то считала, что брат погрузился на пароход. Новиков послал Уманца разведать, куда направились корабли.

— В Ялту, — вскоре вернулся адъютант.

— Нельзя терять ни минуты!

Измотанные, голодные, мы повернули на дорогу вдоль Южного берега Крыма. Мы должны были догнать суда.

— В Ялте грузится конница корпуса Барбовича... — добавил Новиков.

Долго выбирались из Севастополя. Табунами и поодиночке попадались брошенные кони. Кто менял лошадей, а безлошадные ловили коней и теперь скакали. Округа выглядела необыкновенно красочно. Морскую гладь облило яркой дорожкой. За тенью высоченных кипарисов светились особняки аристократии. Все это вскоре должно было достаться большевикам.

## 7

Когда стемнело, от черного берега по синеве воды потянулась ледяная полоса. Скалы окружили таинственные бухты. Шелестели вечнозеленые деревья. Накидками роц и лесов скрыло склоны гор. Несмотря на нежный ветер, меня знобило: «Неужели не успеем?» И утешало: «С Новиковым всегда везло. Добралась до Новороссийска, уплыла в Керчь». Все говорило о том, что благополучно завершится и крымская эпопея. Но по телу бежал холодок: мне никак

нельзя было попадать к большевикам. Во мне жил ребенок, и я не могла рисковать его жизнью.

В лучах рассвета вырисовались контуры зубцов горы Ай-Петри, башни английского замка у ее подножия. Наташа смотрела на стены замка и всхлипывала.

— Ты что?

— Мне тошно от всего... Ты представляешь, как все складывается...

Колоритно забелел Ливадийский дворец. Мы спешили, не чувствуя усталости в суставах, ломоты в спине от бесконечной тряски. И вот показалась Ялта с кораблями в бухте.

— Прибавить шаг!

15 ноября 1920 года в 9 часов 30 минут крейсер «Генерал Корнилов» вошел на внешний рейд Ялты и бросил якорь. Рядом остановились французский крейсер и миноносцы. К молу были пришвартованы корабли «Крым», «Русь», которые грузили последние части генерала Барбовича.

На набережной скопилось много публики, бродили кони, кучковались повозки и коляски. Главнокомандующий с адъютантом сошли с крейсера в шлюпку. Резко взмахнули весла. Шлюпка направилась к молу. Когда Врангель выступил перед остававшимися в Ялте и собирался снова сесть в шлюпку, на ялтинский мол на взмыленном коне влетел Уманец:

— Ваше превосходительство!.. Смоленцы... Самурцы... Прибыли...

— Смоленцы-самурцы?.. Мне доложили, что вас пленила красная конница, — Врангель задержался.

— Мы целы, Ваше превосходительство! — подскакал Новиков на Дарьяле.

— Молодцы!

Что было дальше? Мне трудно об этом рассказывать, но я расскажу. Врангель обнял спрыгнувшего с коня Новикова, взял под локоть и отвел в сторону.

— Вячеслав Митрофанович, это все ваши? — посмотрел в сторону подъехавших воинов 6-й пехотной дивизии.

Смоленцы и самурцы выглядели неряшливо. Вымотанные до предела, они еле держались на ногах, кто-то не слез с коня при виде главнокомандующего, у кого-то болталась винтовка, коляска со мной и Натальей остановилась и накренилась. Все представляли собой жалкое зрелище. Но были счастливы!

— Полковник, я могу забрать только штаб.

— Почему, Ваше превосходительство?

— Посмотрите, корабли переполнены, — показал на медленно отходящие от мола транспорты «Крым» и «Русь».

Палубы ломились от казаков. Что творилось в эти минуты на душе Новикова, не знаю, но, думаю, нелегко дались ему слова, которые он произнес:

— Я не могу бросить тех, с кем прошел от Воронежа...

— Вы настоящий командир! — подтянулся Врангель. — Такие, как вы, достойны самого высокого. Дорогой Вячеслав Митрофанович, присваиваю вам звание генерала!

К чему это? Зачем? В разгромленной армии... Генерал... Я не слышала, что ответил на это Новиков, но, когда Врангель подошел к пехотинцам, он остался в стороне. Врангель говорил, что сам не знает, куда плывут остатки Добровольческой армии, что будет с ними, что благодарен за верную службу, что готов был помочь, но посадить на корабли всех не может. Поместиться мог только штаб...

Ах, вот оно что! — дошло. Из Наташи вырвалось:

— А меня?!

Новиков посмотрел на племянницу, потом на главнокомандующего — Врангель сухо повторил:

— Только штаб...

Выходило, что простым смоленцам, ни Уманцу, ни Мыльцеву-Минашкину, ни Королеву, ни Златоустову... на корабле места не было. Во мне встрепенулось: «Даже для меня, будущей матери? Неужели не дрогнет сердце у Врангеля?» Но было видно, что главнокомандующий непоколебим, а Новиков без солдат на корабль не сядет. Плыть без него? Без отца ребенка? Я еще раз посмотрела на Вячеслава Митрофановича, он поднял исподлобья глаза и глянул в сторону корабля: поплывешь? Я отрицательно замотала головой. Мне тоже было невыносимо тяжело, но я не могла оставить его... Да и пренебречь теми, с кем столько прошла... Мое сердце разрывалось... Мои переживания мало что представляли для Наташи, но ее не брали...

Я еще верила, что все разрешится лучшим образом: найдут какое-нибудь судно, самый небольшой бот; по мановению волшебной палочки прилетит самолет и нас унесет, и мы еще раньше кораблей окажемся на Босфоре; стояла и неотрывно смотрела на жгучее светило в небе. Но если в детстве глаза обжигало, то теперь я не чувствовала боли.

## 8

Весла шлюпки главнокомандующего ударили по воде, она скрылась за молотом. Через полчаса появилась около крейсера «Генерал Корнилов», мимо которого потянулись транспорты, облепленные людьми, как мухами. В два часа дня крейсер снялся с якоря и затрубил в открытое море. Наташу словно знобило.

— Ну почему вы не сели на корабль? — упрекала Новикова. — Ну почему не настояли забрать племянницу и жену? Что же вы такой бессердечный?

Мне хотелось добавить: «А дитя?» — чувствовала в животе шевеление ребенка, но язык не поворачивался. Тихо плескалось о ступени мола море, безразличное к нашей судьбе. Вдали виднелись силуэты кораблей, уходивших за горизонт. С дымом кораблей уплывало мое счастье. Новиков молчал и о чем-то напряженно думал. Путь по морю нам был отрезан. Оставалось либо плен, либо дорога по суше. И не покидал вопрос: почему даже жалкие остатки Смоленского и Самурского полков не нашлось куда погрузить? Так и хотелось спросить: «Где же ваше обещание, Ваше превосходительство, вывезти всех пожелавших покинуть Крым?»



Отчаявшиеся самурцы хватали рыбацкие лодки и на них отправлялись в открытое море. Но это было безумием — лодку перевернула бы первая же крупная волна.

Новиков собрал смоленцев:

— Я отказался плыть на корабле, потому что считаю, что в ответе за каждого из вас. Я вас увел из Воронежа и обещал вернуть. И не могу позволить себе...

Все слушали молча. Слышно было, как фыркали и стучали копытами по камням лошади, как ударял о берег прибой, обдавая дождем прохладных брызг. Возможно, каждый думал, что ему бы хватило места, раз Новиков отказался плыть. И, в крайнем случае, эти места можно было отдать самым слабым. Что упустили возможность спасти хоть некоторых. Почему командир не воспользовался этим шансом? Почему? Почему, в конце концов, не отдал приказ взять корабли штурмом... Выходило, что для Новикова было что-то более важное, чем спасение себя и отдельных людей.

— Конница Барбовича и ялтинская знать уплыли на кораблях, — продолжал Новиков, наклонив голову. — Уплыли к Босфору и минаретам. С ними уже не расправятся большевики. Мы же остались в Крыму. И передо мной, вашим командиром, стоит новая задача... Я предлагаю идти за границу по суше...

Все были так подавлены, что никто не спросил, каким образом.

— Мы будем пробиваться в Польшу. Даю каждому время все обдумать. А пока мы уходим из города...

Смоленцы на лошадях и в колясках тронулись по обезлюдевшей, утыканной магнолиями набережной, свернули на оцепеневшие улицы, восходившие к подножию гряды Крымских гор. Их настроение трудно поддавалось описанию. Кто ехал и думал о том, что дело белых окончательно проиграно, а ехать за границу и жить у иностранцев нет сил, что он не изменник, но уже больше никуда не поедет и останется в Крыму; о неизвестности, которая ждет впереди, что, не дай Бог, никогда не увидит свою семью. Все до одного не могли отделаться от горечи обиды, что их бросили и не взяли на корабли...

Смоленцы задержались на хуторе, вокруг которого тянулись похожие на линии проволочных заграждений шпалеры виноградников. Где-то внизу, в амфитеатре горной гряды, молочными бусинами белели дома — жемчужины крымского берега.

— В Ялту вошли красные... Пьют... Дебоширят... Разграбили завод массандровских вин... — вернулся посланный на разведку Уманец.

— А какие части? — спросил Новиков.

— Видел буденовцев...

— Господин полковник! Может, ударим? Возьмем голыми руками...

— Это хорошо, что голыми...

Вечером Новиков со смоленцами сделали вылазку в город и вернулись с мешками красноармейской формы: штанов, рубах, буденовок.

— Вот зрелище! — хохотали смоленцы, примеряя шлемы с красными звездами. — Утром ялтинцы проснутся, а у них под окнами голые лежат... Ах-ох!.. Буденовцы!.. Бойцы усатого вахмистра... Стыд!.. Срам!..

Смоленцы приходили в себя. Отмылись в горном озере, немного отлежались, и теперь отдыхали в плетеных корзинах, которые в большом количестве валялись возле виноградников. Мы с Наташей стирали красноармейские рубахи и штаны, потом сушили и тоже подводили итог своим скитаниям. Мало утешительного могли сказать друг другу. Разве что я обрела мужа, повидала юг страны и мы не попали в лапы чрезвычайки.

## 9

Утром Новиков собрал смоленцев.

— Кто уходит со мной за границу, берет форму и переодевается, — показал на сложенные рядами комплекты красноармейской одежды. — Мы пойдем как саперная часть Красной армии. Для этого есть документы. Кто не пойдет, тому тоже желаю удачи.

Смоленцы бросились выбирать форму по размеру. Смеялись до упаду. На ком-то шлем сидел, как ведро, на ком-то стоял, как бутылка. На ком рубаха висела, как мешок, а кого плотно обтягивала и не налезала. Некоторые из смоленцев угрюмо топтались на месте.

— Вячеслав Митрофанович, а нам во что переодеваться? — спросила Наташа.

— Вы как были сестрами милосердия, так сестрами и останетесь...

К полудню сформировался отряд: с Новиковым уходили Уманец, Мыльцев-Минашкин, Златоустов, Королев, Косцов, мы с Натальей. Примкнул к нам и самурский прапорщик Натан, который не пожелал плыть с однополчанами. Отряд насчитывал около сорока человек. Оставались Ковалевский, другие смоленцы. Ковалевский подошел к Новикову:

— Я благодарен вам за свое спасение. Вы вывезли меня из-под носа у красных в Новороссийске. Но Анапа совсем близко. Там мои родные. Теперь все улеглось. Я проберусь туда: сначала по берегу, потом через пролив. Не подумайте, что я предатель, но я не хочу за границу...

Новиков не стал отговаривать, как и многих других, решивших остаться. Обнял Ковалевского:

— Мы еще встретимся, Викентьич!

— Непременно, Вячеслав Митрофанович, — расчувствовался Ковалевский.

Но никто не мог с уверенностью сказать, встретятся ли они в будущем. Все полагались на судьбу и волю Всевышнего. Вечером устроили прощальный ужин. Кое-как уместились за столом во дворе, заполнили миски кашей и камсой, наполнили кружки местным вином.

— Большевики разносят Россию в щепки! — с болью начал Новиков и на высокой ноте закончил: — Но мы не сдаемся! Даже если в армии останется один солдат, армия не разбита!

Без всякой надежды, что они когда-то увидят свет, мы сложили полковые документы в сундук, спрятали в расщелине скалы и заложили камнями. Я заблаговременно завернула в подаренную на свадьбу скатерть дневники и бросила на дно сундука. С рассветом мы тронулись в путь. Впереди с развевающимися кумачовым знаменем, захваченным на Днепре, скакал Уманец. За ним несколько рядов смоленцев, далее мы с Натальей в коляске-фурманке. Я все чаще ощущала кулачки ребенка в животе и старалась усесться поудобнее. Сбоку на Дарьяле двигался Новиков. Мы с Наташей не сразу привыкли к необычному внешнему виду смоленцев, головы которых покрыли буденовки, к колыханию алого полотнища с надписью: «Да здравствует непобедимая Рабоче-крестьянская Красная Армия» впереди.

Переглядывались и хохотали:

— Санитарки — буденовцы!

Еще до того, как покинуть хутор, Новиков проинструктировал всех, как себя вести. Требовалось исключить из речи слова «господин», «ваше благородие» и обращаться друг к другу только «товарищ». Мы представляли собой красноармейцев саперной части, которая направлялась в тыл. Новиков раздобыл поддельные печать и штамп саперной части и каждому выдал документы. Составил свою легенду. Придумал биографии и нам с Натальей, но изменять фамилии ни себе, ни нам не стал, посчитав это лишним.

## 10

Вдоль берега моря от Ялты до Алушты тянулось прекрасное шоссе. Слева в небо лезли непроходимые горы, которые можно было пересечь только по двум-трем дорогам. А вокруг благоухал земной рай: сады и виноградники, белые домики и прекрасные виллы. Шоссе построили для перевозки вина, и на всем его протяжении к склонам гор, один рядом с другим, липли погребки. Их врыли в склоны. На удивление, ворота у всех оказались распахнуты.

— Это казачки Барбовича поработали! — сказал кто-то.

— Кто же такую возможность упустит? — засмеялся Уманец.

Видно было, что при отступлении белых вино лилось рекой. Казаки вырывали кляпы из бочек и не удосуживались забить назад. Но и красные, следуя за белыми, тоже перепивались. И теперь можно было наблюдать диковинную картину: воины армии-победительницы, не приходя в себя от выпитого, лежали на дороге рядом с воинами армии, проигравшей войну.

— Братаются, — подметила Наташа.

Складывалось впечатление, что на симферопольском шоссе гуляли две армии: белых и красных. Одни заливали горечь поражения, другие отмечали радость победы, и те и другие — конец войны.

Татарскими улочками и особняками, тонувшими в вечной зелени, открылся Гурзуф. Цветущий уголок выглядел необычно для середины ноября. Такого в Черноземье не встретишь. Облачка далекими артиллерийскими разрывами облепили Медведь-гору, скалы Адаллары, бороздили морскую зыбь.

В Гурзуфе постреливали.

— Пьяные солдаты!

Не желая дальше испытывать судьбу, «буденовцы» повернули в горы. Где-то позади в дымке растворился ботанический сад с пальмовыми аллеями, реликтовыми рощами секвойи, крымской сосны — заповедный край, который, как и Аскания-Нова, переживал не лучшие времена. По широкой, утрамбованной повозками, усыпанной камнями тропе взобрались на скалистый кряж. Далее тропа круто поднималась вверх. Пришлось слезть с лошадей и колясок и двинуться пешим порядком. За нами тянулись кони и гремели колеса. Останавливались, чтобы отдышаться и дать передохнуть лошадям. Новиков помогал мне идти.

Вдали в темноте тонуло море. Появилось множество огней — это играла красками Ялта. Далекие огоньки. Невольно спрашивалось: что происходит в городе? Одели ли раздетых буденовцев? Далеко ли уплыли на рыбацких лодках самурцы? Не перевернуло ли их волной? Где Ковалевский, который собрался пробираться в Анапу? Что делают те, кто решил сдаться на милость победителю?..

Переночевав в брошенном, похожем на сарай доме, продолжили путь. Солнце стало за грядой гор, мы оказались в тени. Прямо под горой шумела речка. Мы двинулись по узкому каньону: кони шли шагом. Снизу поднимались пихты, а над дорогой висели невысокие горные сосны. Дорога липла к склону и вилась над ущельем. Иногда путь перерезали ручьи, теперь совершенно оледеневшие. Кони с большой опаской переходили эти препятствия. Все мы с тревогой смотрели по сторонам — ничего не было легче сделать засаду и нас перестрелять.

Из-за поворота показалась казарма, к которой сходились дороги. Прочитали свесившиеся со столбов указатели:

«Бахчисарай». «Ялта». «Симферополь».

Когда-то здесь размещалась государственная стража.

Новиков поднял руку: остановиться! В казарме могли очутиться красные — тогда лучше развернуть флаг, белые — тогда надо снимать буденовки, «зеленые» — им угодить было труднее всего, они были против тех и других. Новиков сорвал с головы буденовку. Уманец свернул флаг. Смоленцы, как по команде, обнажили головы. Рысью пошли на сближение. Секунда, другая. В казарме никого не оказалось... Можно было передохнуть.

Новиков развернул на коленке карту, оглядел густые дебри, посмотрел на небосклон и показал на тропу в глубину ущелья. Решили двигаться, минуя дороги, в сторону Бахчисарая на станцию Сирень, а там обходными путями к Перекопу. Теперь спускались по теснине, вдоль которой вилась узкоколейка. Она тянулась к шахтам, которые теперь были брошены. Внизу показалось селение с двухэтажными домами в садах, вокруг низкий подлесок.

На одном повороте путь преградили трое. Увидев нашу форму, они подняли руки.

Новиков подъехал к ним:

— Что-то рано сдаетесь!

Это оказались остатки охранной команды со станции Сирень, которая не уехала на дрезине в Севастополь, а вернулась в горы.

Мы рассказали, как опоздали на пароходы в Севастополе, как не оказалось мест на кораблях в Ялте.

— Пойдете с нами? — спросил их Новиков.

— Нет, мы здесь знаем каждую тропу! — словно извинялись перед нами за поспешную сдачу солдаты. — И они нас отсюда не скоро выкурят!

## 11

К вечеру отряд добрался до станции Сирень. Нашему взору предстала все та же картина с разграбленными поездами и брошенными повозками, которые видели, когда спешили в Севастополь. Разве что на ступенях станции сидел уже солдат с красной повязкой. Он бурно приветствовал спустившихся с гор «буденовцев». Но мы не стали приближаться к нему, а, развернув знамя, быстро проскакали шоссе, по которому проезжали группами всадники. Отряд глухой степью тронулся на север.

Стоило оказаться на большой дороге, как мы растаяли в бесконечной встречной волне красной пехоты. Пехотинцы спешили к берегу моря, к богатой добыче, к складам обмундирования, табунам лошадей, брошенных белой армией, вину и кошелькам застрявших в Крыму богачей. Солдаты приветствовали нас, принимая за возвращавшихся победителей. Но отдельные части красных тоже двигались с побережья. Ближе к Симферополю несколько верст пришлось скакать параллельно с конной бригадой буденовцев, которые пели «Смело мы в бой пойдем за власть Советов». Когда расстояние между нами сократилось до сотни шагов, я перепугалась. Мне показалось, что нас раскроют и возьмут в плен. Смоленцы зычно запели: «Эх, дубинушка! Ухнем...» Новиков чувствовал себя настолько уверенно, что только тогда, когда встреча с настоящими буденовцами стала неминуемой, отдал команду сбавить шаг.

Стали на привал в узкой лощине. Разложили костер. Я ближе познакомилась с Иваном Натаном, перебежчиком из Самурского полка. Выяснила: этот аккуратный, подтянутый самурец родился в семье купца и жил в Германии, где окончил математический факультет университета в городе Гейдельберге. Но более свободно этот юноша чувствовал себя с Наташей, которая знала немецкий, и они разговаривали на непонятном мне языке.

Только показались дома Симферополя, как Новиков скомандовал:

— Принять левее!

Не хватало еще повстречаться с бывшими солдатами Феодосийского полка и их «главковерхом» Шнейдером. Новиков достал листовку, в которой Шнейдер призывал переходить на сторону красных.

— Оленька! Как поживает наш общий знакомый? — помахал листком.

— Думаю, неплохо, — сдержала я.

Вячеслав Митрофанович надул щеки, как будто обиделся, а потом рассмеялся.

— Дядя, ну что вы нас разыгрываете! — вступила в разговор Наташа. — Вы лучше скажите: Врангель уже в Турции или нет?

— Снимает сапоги на порожах мечети...

Иронию Вячеслава Митрофановича можно понять: он выполнил приказ оторваться от противника и прибыть в Севастополь на погрузку, а вот отдавший этот приказ свое слово посадить всех на корабли не сдержал. Но Новиков если и поминал Врангеля недобрым словом, то не злорадствовал.

За буграми показалась станция, к которой тянулась низина, усеянная повозками, чемоданами, другой поклажей, телами людей и коней. И над всем этим мертвым пространством парили черные галки. Мы проезжали Курман, где смоленцы оторвались от конницы красных и бросили Марковский полк. Я взглянула на Новикова. Было видно, что Вячеслав Митрофанович переживает, вспоминая тот страшный день и свой приказ уклониться от боя. Ведь тогда ни мы, ни десять Марковских полков не смогли бы остановить катившую с польского фронта лавину.

Когда пересекали мост через мелкую речку, увидели зарево пожара. Это горело имение. Приблизилась: на фоне зарева обратила внимание на распавшиеся ворота усадьбы и черный силуэт всадника в шлеме в ее воротах.

— Буденовцы грабят!

— Даешь новую «жисть»! — произнес зло Новиков и направил отряд стороной от имения.

Я не находила себе места. Сказывались месяцы бесконечных страхов, переживаний, нескончаемых скитаний. Быть может, я вновь и вновь упрекала Новикова в том, что он поступил опрометчиво и пожертвовал мною, нашим ребенком, нашим счастьем, в конце концов, собою ради благополучия других, ради того, что в критическую минуту следовало бы отместить. Если у человека отняли семью, дом, завтра возьмут жизнь — то ему все равно, что делать: бессмысленно бежать, за что-то биться. Но когда ты жива, жив твой муж, твоя семья, когда родной дом покинут временно, то стоит бороться. Но только мой самый дорогой человек почему-то понимал нашу борьбу за счастье как-то иначе.

## 12

Косой сноп ноябрьской зари отразился в стеклах зданий — мы добрались до Джанкоя. Замысловатые пласты тумана плыли медленно на запад, куда тянулась дорога к Перекопу. Отсюда можно было двигаться на север — по Чонгарскому перешейку в Донбасс, а там в Воронежский край, чтобы в скорости оказаться в Медвежьем. Но это не входило в планы Вячеслава Митрофановича. По городу бесцельно шатались красноармейцы. На бревнах, кирпичах разрушенных обстрелом зданий, кутаясь во что придется, ежились тысячи пленных,

оставленных в одном нижнем белье. Выяснили: они ждут, когда их поведут к длинному, похожему на гроб зданию нынешней комендатуры, откуда изредка слышались одиночные выстрелы.

— Сделаем налет? — спросил Уманец.

— Ну сделаем, а куда всю эту братию девать? — пожал плечами Новиков.

— А ведь всем обещали амнистию!

— Нашел кому верить...

Среди пленных могли оказаться смоленцы, которые попали в плен на Чонгаре, марковцы — под Курманом. Я тогда не могла предположить, что на камнях ждал своей участи брат Сережа. Не знаю, смогла бы я что-нибудь предпринять, если бы увидела брата. И, видимо, к лучшему, что мы покинули Джанкой без задержки.

Большевики показали свой нор. С нами поделился ужасами моряк, который прибыл из Севастополя. Там все население обязали зарегистрироваться. Собрались толпы законопослушных граждан, которые поверили листовкам Фрунзе и остались в городе. Их оцепили и уже... не выпустили. Потом многие семьи не досчитались своих родственников. По Крыму поползли слухи о зверствах Бела Куна и Землячки. А что насчет Фрунзе, обещавшего амнистию? Красный командарм умыл руки так же, как генерал Врангель, бросив смоленцев.

От Джанкой вдоль железной дороги мы тронулись на Ишунь, от Ишуни на Армянск, из Армянска на Перекоп. В направлении, обратном тому, по которому откатывалась Белая армия. Я знала о последних боях, развернувшихся на этих полях, на которые теперь могла взглянуть своими глазами. Покосившиеся колья, порванные проволочные заграждения напоминали плетни брошенных деревень; изрытые снарядами траншеи — норы кротов; склон Турецкого вала — обрывной берег Дона; ров за валом — самую, быть может, зловонную канаву на земле. И все это говорило о тщетности оборонной затеи добровольцев, с которой бы в дни боев не согласился ни один из сражавшихся на рубеже солдат. Поздно было оценивать, где совершили промашку белые, впустив на полуостров красных, в чем проявили бездарность штабы, составив скверные планы, а где и защитникам «крымской бутылки» не хватило духу.

С каким облегчением мы вырвались на Херсонщину! Скакали по запорошенной щетине необозримой степи, удалялись от уходившего в сторону железнодорожного полотна. Поскрипывали колеса коляски, мягко цокали копыта лошадей. Исчезли потоки красной пехоты и конницы, запрудившие полуостров.

— Границу перейдем на реке Збруч, — сказал на привале Новиков.

— Если только он замерзнет, — заметил Мыльцев-Минашкин.

— На это будем надеяться. Уже конец ноября, считай декабрь!

— Сиваш-то вон когда схватило. Лед не пробивали снаряды!

Новиков выбрал направление на Польшу, хотя мог и на Румынию. Но причину такого решения не объяснил. Я тогда не знала, что отступавший из Одессы белогвардейский полк, который пытался перейти румынскую границу, был обстрелян румынскими пограничниками.

— Будем двигаться по ночам, — продолжил Новиков, — избегать больших дорог и крупных населенных пунктов. Попрошу проявлять предельную осторожность.

Теперь мы становились на дневку в каком-нибудь отдаленном хуторе, высылали на окраину дозор, готовили пищу и отдыхали до самого вечера. Нас принимали за буденовцев, возвращавшихся с войны. И часто можно было слышать, как раскрывшему от удивления рот хозяину хаты опустошивший чарочку смоленец рассказывал о бое, в котором он рубал «белую сволочь».

### 13

Когда мы переезжали наведенный через Днепр мост, душа у меня переворачивалась. Об эту реку разбились полки белой армии. А случись все иначе, не погибни от шального снаряда Бабиев, не захлебнись наступление под Апостолово — сбросили бы красных под Каховкой в реку; и сейчас бы бежали за границу не мы, а кремлевские комиссары. Каждая ночь приводила нас с Натальей в трепет. Я слышала, что когда-то в Медвежьем водились волки, и на них охотился мой дед. Но то, что я столкнусь с этими дикими обитателями земли, не ожидала. Зловещий вой пронизал округу, когда мы выбрались из одного заснувшего села. В свете луны я увидела фигуру огромной собаки на бугре — глаза у этой собаки сверкнули.

— Волчица, — сказал Уманец, который скакал рядом.

Он снял с плеча винтовку и выстрелил в сторону бугра. Но волчица даже не тронулась с места.

«Вот кому жить привольно, — подумала я, страшась зверя, и меня осенило: — А чем ты не волчица? Ты ведь тоже теперь хозяйка стольких степей, стольких холмов и оврагов. Всего того, куда ступила твоя нога. Сапог смоленца. И фамилия твоя — Алмазова — татарская, кочевая, разве не свидетельство тому, что и эта непроглядная равнина тоже твоя?»

— Видите, Ольга! Вам теперь нечего бояться... Видели войну... Волков...

— Если бы... — поежилась и проверила обручальное кольцо на пальце и брошь на груди.

Я тогда не знала, что ждет меня в послевоенной жизни. Оловянный месяц бороздил черное небо и предвещал еще много неожиданных встреч.

— Hol's der Teufel!! Натан скрылся, — меня разбудила Наташа.

В отряде поднялся переполох. Выпускник Гейдельбергского университета исчез рано утром, когда «саперы» облюбовали рыбацкий поселок на берегу

---

<sup>1</sup> Hol's der Teufel - в переводе с немецкого: «Черт поberi!»



Днепровского лимана и стали на дневку. Сказал, что поедет на косу за рыбой для ухи. Посланный следом Уманец объехал всех рыбаков, но ни к кому всадник с немецким акцентом за рыбой не обращался.

— Куда он делся? — спрашивал Мыльцев-Минашкин.

— Куда-куда, на хату, вестимо, — высказал предположение Королев.

— На хату не на хату, а поберечься нам надо! — сказала Наташа.

— Выкрасть его никто не мог. Утонуть — тоже. Коня его не нашли. Выходит, на самом деле куда-то ускакал, — рассуждал Новиков.

— А не заехал ли к бабенке? — сощурил глаза Королев.

— Здесь бабенок на десять верст не сыскать...

Мы простояли в рыбацком поселке до позднего вечера, ожидая возвращения Натана, и с наступлением темноты направились дальше.

— Может, уехал в Николаев, — сказал Уманец, назвав ближайший причерноморский город. — Сел в поезд, и ту-ту!

После исчезновения Натана многие заговорили о том, что неплохо было бы повернуть на Харьков, а там на Касторную и Воронеж. Многие уже хотели только домой.

Новиков был категоричен:

— Вы решили идти со мной в Польшу. И воевать до последнего. Какие еще могут быть разговоры...

Отряд двигался вдоль реки Буг на север, все больше удаляясь от моря. К горизонту ступеньками высились телеграфные столбы, исчезали многочисленные старицы и овраги. Снега почти не было, и мороз сковывал глинистый грунт. Широкая межа по границе полей блестела ледяной коростой. Ветер студил грудь «буденовцам», но они не сдавались.

Продукты и корм для лошадей добывали у местных жителей. Когда это не получалось, пускались на хитрость. Однажды, объехав все дворы села, Вячеслав Митрофанович узнал, что накануне амбары и закрома вычистили солдаты уездного продотряда. Продотрядовцы остановились в бывшей усадьбе помещика. Оставив смоленцев в крайних хатах, с Уманцем и Косцовым поскакал в усадьбу. Въехав во двор, увидел красноармейца, похрапывавшего на бревне у крыльца.

— Не спи, замерзнешь! — постучал уздечкой по шапке солдата Новиков.

— А, шо? — вскочил на ноги солдат.

— Слушай, товарищ, мы к тебе вот за чем... Лошадей кормить нема... Подохнуть могут, — коснулся уздечкой шеи Дарьяля.

Разглядев всадников в буденовках, «товарищ» почесал затылок и проговорил:

— Тама командир... У него и шукай...

Новиков спрыгнул с Дарьяля, отдал поводок Уманцу. Взбежал по ступенькам в прихожую, заваленную поломанными стульями, и оказался в огромной комнате. За старинным столом, покрытым материей, что-то считал на бумаге комиссар с косым шрамом вдоль щеки и орденом Красного Знамени на кожаной куртке.

— Товарищ комиссар! Выручай. Не дай рабоче-крестьянским лошадям погибнуть!

— А ты кто такой?

— Э... да у нас биография богатая...

Новиков опустился на скамью перед комиссаром, думал, с чего начать рассказ. Но более разговорчивым оказался командир продотряда. С пламенными глазами стал толковать о том, как воевал на польском фронте, как обошли Варшаву, как какой-то есаул чуть не смахнул ему с плеч голову. Но он стался цел! А есаула подняли на пики. Новиков кряхтел, поддакивал. Выпили по стакану самогона. Их беседа закончилась тем, что в отряд Новиков вернулся с подводой, нагруженной овсом и мешками муки. Орденоносец и не подозревал, какую «медвежью» услугу оказал своим недругам.

Удача сопутствовала нам не всегда. Несколько раз отряд возбуждал подозрение у населения, и тогда мы спасались бегством. Один раз ночью отмахали шестьдесят верст, чтобы перебраться из одного уезда в другой. Когда до польской границы оставалось сорок верст, мы узнали, что Збруч не замерз. Это был удар. По наведенным мостам прорываться на другой берег было бесполезно — нас бы перебили пограничники. А на природную переправу рассчитывать не приходилось: ее не проложил слабый мороз. Дожидаться, когда лед покроет реку, означало подвергать себя новой опасности, что для отряда и особенно для меня было нежелательно.

Лопнуло терпение у Мыльцева-Минашкина и Королева.

— Мы едем домой, — они подъехали к Новикову.

Вячеслав Митрофанович оглядел смоленцев:

— Иссак порох в пороховницах...

— А у вас? — нерешительно спросил Мыльцев-Минашкин.

Новиков не ответил. Почему я не отправилась с Мыльцевым-Минашкиным и Королевым? Потому что жена не может оставить мужа? Что дала обет? Что верила в скорую удачу? Что надеялась оказаться во Франции?

— А мы доведем свое дело до конца! — презрительно сказала смоленцам-беглецам Наталья.

## 14

Уже был конец декабря, когда отряд повернул к румынской границе. Мое настроение ухудшалось. Нервы натянулись до предела. Находиться в двух шагах от спасительного рубежа и снова промахнуться! Нас постигло несчастье: Новиков заболел возвратным тифом. И мы уже не могли быстро передвигаться. Тиф протекал в сильной форме. Днем Новикова трясла нестерпимая лихорадка, ночью начинался такой жар, что он терял сознание. Наши ряды таяли. С польской границы уехали Мыльцев-Минашкин и Королев, теперь уезжали другие. В отряде оставалось все меньше людей.

Я упрекала покидавших:

— Новиков пожертвовал ради вас собой, а вы?!

Но это не помогало, и нас оставляли. Если бы Новиков знал об этом на ялтинском молу, когда Врангель предлагал ему место на корабле, менее тягостным было бы его прозрение. Теперь Новиков ехал со мной на коляске — рядом на Дарьяле скакала Наташа. Я смотрела на бледное лицо Новикова, пожелтевшие глаза и полотенцем протирала ему пот. Он говорил:

— Все плывет от жара...

И не мог понять: болит ли голова, звенит ли в голове или это гремит канонада. Несмотря на тяжелое состояние, он ехал и руководил отрядом. Наши ряды стали меньше и теснее. Я всегда чувствовала присутствие рядом Уманца. Сзади скакали Златоустов, Косцов, смоленцы, прошедшие путь от самого Воронежа.

Район, в который мы попали, оказался бандитским. Там боролись с бандитами. Может, с анархистами, может, с петлюровцами, может, с махновцами. Вояк батьки Махно после захвата Крыма погнала с полуострова красная конница. Мы сделали остановку неподалеку от маленького леса. Вдруг мне показалось, что лес стал двигаться. Я подумала, что все это во сне. Но, когда протерла глаза, увидела мчащихся на нас всадников. Они скакали к нам, махали шашками. Я даже не успела опомниться. Наш отряд вызвал подозрение: в округе не значилось буденовских частей. Это произошло у села Цыбулевки Подольской губернии. У нас проверили документы и препроводили в село. Новикова, который еле держался на ногах, повели в хату. Я с ужасом подумала, что больше не увижу его. Командир — на его тужурке под нашивным карманом алел значок — спросил Новикова:

— Ты звидкиля, з якої частыны, хлопче?

«В той, которая с удовольствием повесила бы тебя», — конечно же, хотел ответить Новиков, но произнес:

— Знамя, что ли, не видел? Саперной части ремонтной бигады 6-й дивизии.

— Якого чину будеш?

— Я в интендатстве служил...

— А що ты робив в литку дев'ятнадцятого року?

— На хуторе с бабенкой...

— Я що брешеш, тебе найдуть...

И предложил ординарцу — рябому красноармейцу в зипуне и в лаптах:

— Микитка! Звездани його по зеркалу!

— Я ему сейчас звездану, — сжал кулаки Новиков.

Несмотря на слабость, он выглядел грозно.

— Но, но, потыхше!

Ординарец почтительно удалился. Командир задавал вопросы:

— И де ты був в першій половини дев'ятнадцятого?

— Спал на хуторе.

— Скільки солдат в твоїй часті?

— Двадцять два.

- А девахи?
- Это санитарки.
- А брюхатая?

Новиков глянул исподлобья на командира — тот поперхнулся.

— Добре, добре... Видправлю вас у штаб... А там пусть разбираются, хто брюхатая, хто не брюхатая, хто сапер, хто не сапер... Тики гляды, у Києве ЧеКа зубасте!

Меня взяли под руки «солдатушки» и ссадили с коляски. Я так перепугалась, что в первые минуты не могла вымолвить слова. Несмотря на резкий ветер, меня ударило в пот. Незаметно стянула обручальное кольцо с пальца, отцепила и спрятала брошь.

Невольно напрашивался вопрос: стоило ли ради того, чтобы не оказаться в руках большевиков, бежать из Медвежьего, отступать от Касторной, трястись в поезде на Ростов, откатываться к Новороссийску, плыть из Цемесской бухты в Крым, идти на Днепр, скрываться в горах под Ялтой, пересекать Украину и в какой-то Цыбулевке так глупо угодить к ним в лапы. Стоило ли?

Нас с Наташей заперли в сарае, в соседнем — «саперов». Мы переговаривались с ними, и они интересовались: нуждаются ли «санитарки» в чем? Конечно, подобные вопросы задавались из приличия, никакой действенной помощи они оказать не могли.

— Жинка вот-вот родит, — ординарец завел меня в хату к командиру.

— От кого? — спросил тот.

— Да у нас в Медвежьем кузнец Петруха, — я стала сочинять на ходу, забыв про придуманную Новиковым легенду.

— А де це, Ведмежья... Де ци ведмеди?

— Та были раньше... — я кое-что понимала по-украински. — А теперь, под Воронижим...

— И як ты заветала до нас? — командир имел в виду «буденовцев».

— Да они гнались за белыми... Я и с ними от Петрухи...

— Втикала?

— Да, удрала.

— А чому?

— Он меня бил, — я потупила голову.

— А буденовцы?

— Не-а, они ребята культурные...

— А шо твой головны буденовец казав, што вин усе лито 19 дома сидив?

— Ну да! Ведь мы погнали Шкуро с Воронежа по осени, как раз 19-го.

— С вами чорт голову зломьты! Микитка, збирай их. И пушай их швычче у штаб... Хай там карячаться... Баба з возу кобыле легче.

Я вывалилась из хаты ни жива ни мертва. Мысленно себя уже похоронила. Вывели бы за огород, вытащили револьвер, и поминай как звали. Сколько повидала убитых в Касторной, на Кубани, в Северной Таврии, Джанкое. Хорошо, что

хоть документы полка и дневники остались в Ялте. И вновь подкатило ожесточение. Ведь Новиков завел меня сюда! Пусть для кого-то герой, конечно и для меня, но герой с подмоченной репутацией. А иначе почему я должна мучиться?.. И пробивалась другая мысль: «Оля! Ты что? Как ты можешь такое думать про мужа? Ведь он делал для тебя все! Он надеялся, что вот-вот осчастливит! И разве виноват, что это пока не получилось? Терпи». И всё равно не сдавался противный внутренний голос: «Ну почему? За что?» Наташа ждала меня:

— Как там?

— Сказала, что попала к буденовцам под Воронежем... А что дите буде, — перешла на просторечие, — от Петрухи-кузнеца!

— Ну ты и дуреха! — Наталья обняла меня.

## 15

Вспомнила Василия Алексеевича, который несколько лет томился в воронежском тюремном замке. Мне не представилось побыть в его камере, и я не могла сравнить ее со своим застенком. Мой застенок был сложен из сучкастых бревен и покрыт соломой. Из него вылезти было несложно. Но, предположим, вылезу, а что дальше? Куда податься? Ведь в округе не знала ни одной живой души, ни одной дороги, ни даже уезда, в котором оказалась. С моими познаниями бежать было бесполезно. Да и куда я с выпирающим животом? Мне снова стало стыдно за мои тайные упреки Вячеславу Митрофановичу. Заволновалась: как он там? В щель между бревен можно было увидеть, как выводили Златоустова, Косцова, как качнулся от дверей сарая Новиков — оттолкнул охранарца в лаптях и пошел сам. Здоровье в нем боролось с болезнью. Я просила охранника передать ему письмо, но охранник оказался таким бесстыжим.

— Вот це за телка! — прохрипел он.

Из его рта отвратительно пахло.

— Что-то? — не поняла я.

— Ну, як бычок з...?!

Я ударила его по щеке. Он схватился за винтовку. Его еле-еле вытолкала из сарая Наталья. В Цыбулевке задержались ненадолго. Нас пригнали на станцию, утолкали в какой-то набитый арестантами дырявый вагон и повезли в Киев. Хорошо, что в нем непрерывно топили буржуйку — иначе бы мы перемерзли. В соседнем вагоне ехали смоленцы. Мы получали от них то краюху хлеба, то кусок сахара. Чувствовалась забота о нас. В поезде под завывание ветра и гудки паровоза я встретила 1921 год.

Боялась, что Новикову сделается совсем худо. Вот был бы нелепый конец. Молодая вдова, будущая мать, после тысяч пройденных верст оставалась в застенке одна-одинешенька! На каждом полустанке выглядывала из окна и высматривала, как он там, мой муж. У Вячеслава Митрофановича здоровье оказалось редкой крепости. Когда все оборачивалось против него: его пленили, его не отпускал тиф — и казалось, вот-вот прекратятся его земные страдания,

— находились силы, и он выкарабкивался из самой безжалостной болезни. Даже киевский следователь, латыш Карклис, которому отдали нас, сказал:

— Таких бы воинов большевикам, не было бы ни Харькова, ни Орла! Раздавили бы белых в зародыше...

Вызовы к следователю продолжались весь день и первую часть ночи. Но меня не трогали. Не повели ни в первый, ни во второй, ни на третий день. Только под вечер — уже трудно сказать, на какой по счету неделе — я услышала свою фамилию. В сопровождении трех красноармейцев отправилась на верхний этаж киевской чрезвычайки. Идти было трудно — вперед перетягивал живот, и я держалась за стену.

Следователь вопреки рассказам других мне показался совсем не страшным, достаточно внимательным латышом, и встретил скорее ласково, чем озлобленно. Я не знала, что он уже все разузнал про нас. Ему сообщили, что саперной части ремонтной бригады 6-й дивизии у Буденного не было. Была такая воинская часть на Туркестанском фронте, но ее поголовно вырезали басмачи. Я повторила ему, что меня подобрали буденовцы под Касторной, что мы били белых в Донбассе, на Кубани, под Каховкой.

— А как Петруша? — спросил Карклис.

— Кто такой?

— Батька, — глянул на мой непомерный живот.

Тут мои нервы не выдержали, и я расплакалась.

— Вот так вот, Ольга, как тебя?

— Алмазова... — меня покорило от топорного обращения.

Называть себя на «ты» позволяла только близким, но никак не чужому человеку.

— Не дело нас водить за нос. Мы ведь не хуже тебя знаем, что ты бежала из Крыма. Хотела скрыться в Польше. Не надо думать, что красные глупее паровоза...

Он даже не стал анализировать мою шитую белыми нитками биографию, а откинулся на спинку кресла и спросил:

— Ты мне лучше скажи, что привело тебя к белым? Думала, будешь танцевать на балах и ездить в каретах? А кто-то как гнул спину, так и будет продолжать гнуть? Не вышло...

Может, я попала к нему в минуту слабости, может, подействовал мой вид — по лицу расплзлись пятна и прыщи, кожа потрескалась и шелушилась, может, он пожалел меня чисто по-человечески: я была на последнем месяце беременности, — так или иначе, он отпустил меня, выдав бумажку, что я возвращаюсь домой к родителям.

Новиков скрывал от чекистов свое прошлое. Но когда ему сказали, что названной им буденовской части не существует, что вызовут в Киев Шнейдера (шнейдеровскую листовку нашли при обыске) — тот теперь служил у большевиков в морской охране, — Новиков предпринял отчаянную попытку спасти

меня. В обмен на то, что расскажет свою настоящую биографию, он просил освободить жену. Латыш согласился. Предложение полковника устраивало чекиста: дело можно было закончить, а то, что какая-то девица белогвардейского офицера окажется на свободе, мало волновало Киевскую ЧК. Главное, что в сети попала крупная «рыба», и ее теперь ждал большевистский суд.

Конечно, Новикову и мне повезло — в Крыму его и меня давно бы отвели к обрыву. Там свирепствовали палачи Бела Кун и Землячка. А здесь то ли из-за удаленности от Крыма, то ли потому, что уже десятки тысяч белых были зарублены, расстреляны, утоплены, то ли по незнанию, как отважно сражался с красными Новиков, ему дали пять лет лагерей. Остальным смоленцам и Наталье время нахождения в застенке зачли в срок осуждения и отпустили.

## 16

Мне передали записку от Новикова: он хотел, чтобы я ехала за границу. Но в качестве кого, с кем и куда бы я направилась? Я отказалась подвергать себя дальнейшим испытаниям. Была физически и нравственно истощена, мне предстояло другое событие, что составляло смысл жизни женщины. То, что меня по дороге в Киев морозили в поезде, что держали на хлебе и воде в застенке, что отобрали в чрезвычайке обручальное кольцо с гравировкой «спаси и сохрани», что осудили мужа, меня не сломило, меня подкосило то, что я... потеряла ребенка.

Он родился мертвым... Мальчик... Слава! Мой единственный сын... Он не выдержал всего... Я шесть недель в поту, жару, бреду боролась с послеродовой горячкой... Не помню, на каком кладбище опустили в землю моего ребенка, сколько лежала на ледяной корке, как очутилась на вокзале, кто усадил меня в вагон, как ехала в купе, переполненном грязными мужиками, кто снял меня с поезда в Латной, кто привез в Медвежье, как не узнавали меня мать, отец, братья (Сереза уже был дома), как приходила в себя... Ничего не помню... Так жестоко прошла по мне дикая, не нужная ни белым, ни красным, ни европейцам, ни азиатам Гражданская война.

— Это ты, Сереза?.. Или не ты?.. — я приоткрыла глаза.

В прозрачном мареве плавали знакомые черты лица и вместе с тем как бы не очень знакомые. Я повела рукой и коснулась склоненного ко мне лба:

— Холодный...

— Оленька, ты дома... Теперь тебя никто не тронет... Никто...

— Сереза... Жив... И я жи-ва...

Я лежала и не шевелилась. Словно просыпалась в какой-то новой, неведомой мне жизни, наконец-то покинув прежнюю, хлопотливую, тягостную, злую жизнь.

— А как ты спасся? — спросила брата. — Я думала, ты уплыл в Стамбул...

— Я после Чонгара попал на Сиваш...

— О Боже! — вырвалось из моих потрескавшихся губ.

Мне рассказывали про ужасы боя на льду озера. Брат несколькими фразами обмолвился о своих.

— ...Оттуда ушел с марковцами на Курман...

— О Боже! — я вспомнила другую жуткую баталию.

— Потом плен... Под Мелитополем отпустили...

Сергей в тонкостях вспоминал свои испытания. Я плакала. У меня першило в горле. Плакала от счастья, что рядом родные, от радости, что не всем пришлось испытать то, что выпало мне, что, в конце концов, получила освобождение и меня не гложет постоянное чувство страха. И лишь непривычная легкость время от времени напоминала о чем-то глубоко личном и утраченном.

Мои родные приняли меня тепло. Теперь они, мамина сестра с мужем слушали рассказы о ратном пути их любимицы. Землянский уездный врач и муж маминой сестры Русанов Сергей Гаврилович чаще обычного навещал нас, наблюдая за моим выздоровлением. И вскоре меня подняли с постели. Оказывается, когда меня носило по югу, из уезда в Медвежье наведывались солдаты. Они хотели мобилизовать в Красную армию моего отца. Он отказывался, говорил, что не возьмет в руки оружие. Это удивляло непрошенных гостей, и они намеревались увести его силой. Но вскоре его оставили в покое: справились о прошлом бывшего помещика, раздавшего свои земли крестьянам, и отступились. А брата Алешу не мобилизовали по малолетству. Уездные «налетки» подчищали амбары, подвалы, но золотые руки отца, трудолюбие его и Алексея, скромная жизнь семьи позволили пережить жестокое время.

— Весточка! — на пороге комнаты показался младший брат Алексей.

— От... — прикусила губу, потом подумала и произнесла: — Новикова?

— Горячо, горячо, — он махал конвертом, вспомнив детскую игру, в которой что-то отгадывали и если ответ оказывался близок к разгадке, то кричали «горячо», а если отдалялся, то — «холодно».

— ...Русановых? — высказала предположение.

— И не от Русановых. Из Ерофеевки быстрее на лошади прискакать, чем слать по почте...

— От... От...

— Холодно! Холодно!

— Ну не мучай меня. От кого письмо?

— От Новиков-ой...

— Наташи?! — воскликнула я. — Племянницы Вячеслава Митрофановича!

Наташа писала, что вернулась к маме в Москву, что приглашают меня к себе в гости в переулочек Старопименовский, что Новикова осудили на пять лет лагерей и он где-то под Жмеринкой.

— Где эта Жмеринка? — я напрягла свои знания по географии. — Кажется, под Винницей...



Мое письмо улетело Наташе на следующий день, и я бредила встречей с Вячеславом Митрофановичем. Но брат возражал: куда ты поедешь? А тем временем меня познакомили с Георгием Кричевским, сыном госпожи фон Бринкман, о несчастиях с детьми которой я была наслышана с гимназической поры. Они жили недалеко от нас в селе Казинка. Я не придавала этому знакомству особого значения и, несмотря на знаки внимания со стороны Георгия, думала о том, когда окажусь в Жмеринке.

## 17

Вот стала собираться в дорогу, уталкивала вещи в саквояж, как вошел Сергей:  
— Читай!

Он настойчиво совал газету.

— «Известия», — увидела заголовок.

Сергей показал на маленький абзац крайнего столбца.

«Варшава. По сообщениям, в Варшаве...»

— Что ты мне принес? Какая-то Варшава... Давай еще про Мадрид или Касабланку...

Брат поднял газету и прочитал:

— «...По сообщениям, в Варшаве активизировались русские монархисты... Военная организация монархистов во главе с генералом Новиковым...»

— Что? Повтори! — ударило в виски.

— «...Военная организация... во главе с генералом Новиковым...»

— Это он? — я в мольбе опустилась.

— Думаю, что да...

— Он бежал из Жмеринки... — саквояж выпал из рук, и из него посыпались вещи.

— Вячеслав Митрофанович не может сидеть сложа руки. У него такой характер...

— Нет-нет! Это провокация, — я снова склонилась и стала собирать вещи.  
— Я еду в Жмеринку! Он там! Я должна его спасти!

— Образумься! Что тут написано?! — он бросил к моим ногам листы.

Я подняла и стала вчитываться.

«Вячеслав Митрофанович? Где же вы? В Варшаве или Жмеринке?» — хотелось крикнуть на весь мир.

Мой отъезд откладывался. Я написала письмо Наташе. Просила братьев при каждом посещении Воронежа покупать все газеты, и потом ночами напролет читала их, ища хоть какое-то сообщение из Варшавы.

— Он, что, бежал? — постоянно спрашивала себя и ни от кого не получала ответа. — А если бежал, то почему до сих пор не дал о себе знать?

Родные успокаивали, говорили, что все утрясется, что я еще совсем молода, что вся жизнь впереди и не стоит огорчаться. Но все это мало утешало меня.

Конечно, я была молода! В моем возрасте многие девушки еще только мечтали о замужестве, и часто можно было слышать, что вышла замуж дочь наших знакомых или родственников. Осень всегда славилась свадьбами, и тем более осень 1921 года, когда вернулась мирная жизнь. Я невольно думала о Кричевском, который напоминал о себе. То от него привозили книжку в твердом переплете об арктических открытиях «Путешествие в Колыму и на Новую Землю в 1909 — 1910 гг.», и я читала ее. То он сам, случайно или нет, попадался в Землянске и рассказывал о своих впечатлениях во время плавания по сибирским рекам. Он как-то ненавязчиво упреждал мои желания, каждое мое слово, и я, разговаривая с ним, чувствовала себя даже легче, чем с Новиковым. «Интересно, с кем в это время разговаривает Вячеслав Митрофанович? — спрашивала себя. — И о чем? О путешествиях?» Возможно, он тоже куда-то стремился, может, плыл, что-то предпринимал, его всегда носило волнами беспокойного характера.

Письмо от Натальи развеяло мои сомнения: это был Новиков. Он бежал из Жмеринки. Обосновался в Польше... И — забыл меня... Первое желание было: ехать в Польшу. Явиться в апартаменты русских эмигрантов и сказать генеральскому адъютанту: «Доложите, приехала жена...» Вот бы удивился Вячеслав Митрофанович! Но возникал вопрос: куда ехать? Где его искать в Варшаве? Одно дело — оказаться в Жмеринке и иметь возможность вернуться назад, а другое — за границей... Мне Москва была незнакома, не то что Варшава. В письме Наталья советовала дядей пока не интересоваться, что как бы обрывало нити связи с мужем. Но я крепилась: «Он вспомнит обо мне! Он напишет! Он, в конце концов, сам придет!»

Брат привез газету.

«ИЗВЕСТИЯ за 25 марта 1922 года, — развернула листы. — Варшава. 23 марта... По сообщениям, в Варшаве проведены обыски среди русских монархистов, бывших сановников, аристократов, генералов... Среди арестованных Новиков...»

— О Боже! Снова арест!

«...из них высланы Новиков...»

— Выслан! Куда?

— Оля, а не подумать ли тебе о своей личной жизни?

— Что ты мелешь?

— Проходят годы...

— Зачем ты мне показал эту газету? Я бы лучше не знала...

Меня выбросило из колеи спокойной жизни. Голову распирали мысли. Мое воображение пылало. Что только мне не грезилось! Ждала его. И чем больше ждала, тем сильнее разгоралось желание встречи, опустошалось все внутри, и я становилась беспомощнее, слабее, безрассуднее. Проходили дни, протекали недели, но Новиков не появлялся. Мои силы таяли... Я была способна на опрометчивый шаг.

В руки попала оброненная на пол газета.

«ИЗВЕСТИЯ. 11 апреля 1922 года... попытка русских монархистов спровоцировать русско-польский конфликт, в результате чего должна была последовать реставрация русской монархии... военные организации русских монархистов находились в подчинении «законспирированных» генералов... главнокомандующим в Польше был генерал Новиков...»

— Новиков! Он снова весь в борьбе! А я?...

Мною овладело ожесточение: совсем забыл свою жену, не сочтет нужным послать ей короткую весточку, как-то успокоить, передать с кем-нибудь привет... Словно ее нет!

«Где же ты, хваленый генерал?!» — зло заговорило во мне.

На следующий день я машинально схватила книгу Кричевского, оседла коня и поскакала. Неслась как угорелая, словно за мной гнались конники Буденного. Проскочила длинные овраги, несколько раз поднялась на пологие холмы и опустилась в низины. В стороне остался Землянск, где-то впереди Касторное. На полном скаку спустилась в лощину села Казинка. Георгий обрадовался моему визиту и не мог произнести слова. Его руки тряслись, губы дрожали, брови подпрыгивали.

— Я к вам приехала вернуть, — протянула книгу «Путешествие в Колыму и на Новую Землю...»

— Да, да...

— Ольга Васильевна, — на крыльце усадьбы, окруженной кустами лиловой сирени, сразу показалась фон Бринкман. — Поднимайтесь к нам, голубушка... Я засиделась у них допоздна, и потом меня проводил Георгий.

— Вы, Вячеслав Митрофанович, меня не вспоминаете... И я вас вспоминать не буду! — скакала я, ощутив поразительную легкость.

С души словно свалился камень: нет мужа — нет и жены... Я молода... Красива... Отличная наездница! Не прошло и двух дней, как в Медвежье пожаловала Варвара Александровна.

— Ольга Васильевна! Я хотела поговорить с вашими родителями.

С кухни вышла моя мама, с мельницы вернулся отец. Они расположились в гостиной.

— Она приезжала сватать, — сказала мама, когда коляска с фон Бринкман скрылась за бугром.

— Что?!

Я давно так не хохотала! Со стоном! С раскачиванием! С поклонами в разные стороны! Не помню, когда так долго меня колотил смех. Выйти за Георгия! Который и в подметки не годился Новикову! Но Новикова все не было, будущее с ним оставалось туманным, а подвернулся Кричевский Георгий. Можно было подумать, что ореол романтики давно спал с меня, и я произво-

дила впечатление практичной, земной женщины. «И не такая уж любовь великая штука, чтобы был только Он и только Он!» — восклицало внутри. Но на задворках сознания возникали другие мысли: не предательство ли это — так быстро забыть мужа? И хотелось спрятаться от всего происходящего в какую-нибудь нору. Я запретила родителям впускать в дом кого-нибудь из фон Бринкман, корила себя за необдуманный визит в Казинку, и в то же время меня не покидало: «Оля! Ты молода! Ты не монашка! Ты страстная эмоциональная женщина!»

Однажды я выехала на прогулку и далеко ускакала в поля. Продравшись сквозь кущи акации, я выбралась на берег реки Трещевки и изумилась выложенному ветвями сирени на противоположном склоне:

«ЛЮБЛЮ ОЛЬГУ»

Кому это? Ольге. Я Ольга. Кто мог бы это сделать? Любой, кто любит Ольгу. Может, Георгий? У них растет такая лиловая сирень. Нет, нет, мне этого не надо!.. У меня уже была любовь... И, выходит, Георгий меня любит. Но я-то его не люблю. Люблю другого. А может, пока не люблю? И со временем стерпится-слюбится? Разве невозможно такое? И стоит ли упорствовать? Георгий несет с собой мир, тихую, спокойную жизнь. Новиков — неустроенность, походы, бойню. И не придет ли время, когда тебя уже никто не полюбит и ты останешься одна? Одна-одинешенька? Вечером я зашла к родителям и сказала о своем согласии выйти замуж за Кричевского.

Мы расписались в Земляном ЗАГСе. На бракосочетание съехались близкие родственники с моей и Георгия стороны. Я надела бордовый костюм, не решившись снять с плечиков в шкафу ждавшее меня с осени 19-го года подвенечное платье. Оно хранилось для венца с другим. Бывшая баронесса светилась от гордости. Георгий плакал от счастья. Мои родители и Русановы тоже всплакнули. Может, от облегчения, что моя жизнь устроилась, а может, от горечи, что не в силах что-то изменить. Извозчики шептались:

— На кого же ты орла сменяла...

Я взяла фамилию мужа, и уже ничто не напоминало о том, что я была женой белогвардейского генерала. Вместо многодневного гуляния на свадьбе ограничилась скромным застольем, о котором даже не хочется вспоминать. Вскоре с супругом переехали из уезда в Воронеж и поселились на Воскресенской улице, которая тянулась от Большой Дворянской, теперь проспекта Революции. Можно было снять квартиру в привокзальном поселке, но не хотелось напоминать Георгию о принадлежавших когда-то его деду, потом матери и по праву ему — не приди большевики — домах.

Он поступил на службу в губернское управление торфяных заготовок Губторф. Мне доставляло удовольствие утром провожать его на работу, потом идти на рынок за продуктами, пробираться вдоль длинных торговых рядов, возвращаться с полными сетками, готовить обед, ждать мужа и под вечер пройтись с ним до каменного моста, оттуда открывался чудный вид на левый берег реки с

заливными лугами. И ни единой мыслью не вспоминать голод, страх, сырость, холодные хаты, всю эту бушующую военную схватку во имя чьей-то победы.

Мне казалось, наступило хорошее, беззаботное время! Как я заблуждалась...

## 19

Как-то возвращалась с рынка, и навстречу шел военный в буденовке. Лицо его скрывал низкий козырек. Когда мы поравнялись, я услышала:

— Ольга Васильевна!

Военный приподнял буденовку, и я узнала адъютанта Новикова:

— Уманец!

От радости подпрыгнула, как ребенок.

— Вы как будто с Ялты и не снимали буденовку? — засмеялась.

— С меня ее уже десять раз снимали и десять раз надевали!

— Как это?

— Когда выпустили из Киевской чрезвычайки, я приехал в Воронеж и пошел преподавать в пехотную школу. Из пехотной школы перевели в институт. Из института назад в школу. Теперь что ни начальник, то сначала снимает, потом надевает. Но вы только не подумайте, что я забыл Новикова...

— Новикова? — мне стало не по себе.

Дошли до Воскресенского храма.

— Давайте присядем, — предложил Уманец.

Со скамьи во дворе храма открывался вид на лужайку, где паслись коровы, проезжали всадники и тянулись телеги. От храмовой сторожки по двору расплзался слабый дым.

— Расскажите о себе, Ольга Васильевна! — попросил Уманец. — Как Вячеслав Митрофанович?

— Как Вячеслав Митрофанович, не знаю... Газеты пишут, что был в Польше...

— Читал-читал... Борется...

— А как поступить той, которую бросили? — вдруг повернулась к бывшему адъютанту.

— Что вы говорите?!

— Год ни весточки! Ни слова! Думаю, Вячеслав Митрофанович не пропадет. Он видный мужчина! — произнесла гордо и с обидой.

— Так вы...

— Я теперь Кричевская...

Уманец помолчал и потом сказал:

— Жаль Вячеслава Митрофановича...

— Ольга! Что с тобой? — надо мной склонился Кричевский.

— Ты пришел с работы? — приподнялась с дивана.

Смотрела на супруга, который старался привнести в мою жизнь покой, и теперь чувствовала бесплодность его стараний. Мне стало совестно что-то утаивать.

— Встретила адъютанта Новикова...

— Новикова? В Воронеже?! — испугался Георгий.

Он не мог не знать моего прошлого.

— Понимаю, понимаю... Оля, я вижу, как тебе тяжело... Но мы должны пережить и это... Ты должна знать, что, какое бы бремя ни свалилось на твои плечи, я разделю его с тобой... Помогу вынести...

Он не стал углубляться в суть встречи с адъютантом и продолжил:

— Я не мыслю своей жизни без тебя... Ведь мне тоже досталось...

И я узнала тайну семьи фон Бринкман, которую когда-то своим детям раскрыла Варвара Александровна. В порыве откровенности она рассказала сыновьям Владимиру, Георгию и дочери Нине, что все они носят фамилию ее мужа, но родились не от него, а от трех разных мужчин. Это был страшный удар по самолюбию молодых людей, который смог выдержать только Георгий.

— Ах, вот оно что! — я вспомнила рассказ о том, что застрелился сын фон Бринкман Владимир — он учился в мужской гимназии, что дочь Нина наложила на себя руки.

Мне стало жалко своего мужа, последнего из фон Бринкман, и я прижала его к себе, думая, что сделаю все возможное, чтобы наполнить только хорошим жизнь супруга, чтобы больше ничто не печалило его.

— Выходит, он не Кричевский! А какой-нибудь... И я не Кричевская!.. Моя фамилия другая... — мною овладело чувство брезгливости.

От фамилии Кричевский повеяло душком обмана. Меня словно измарали грязью. А мне всегда и во всем хотелось только ясности и чистоты. После такого известия решила поменять свою фамилию на девичью и собралась в Землянск. Поехала туда вместе с мужем — он редко отпускал меня одну. Коляска неслась по усеянному травой большаку.

— Оля! Я тоже замену фамилию на Алмазов, — сказал Георгий.

Податливость мужа каждому моему поступку первое время восхищала меня. Он был полной противоположностью Новикову, который силой своей природы меня подавлял. Он бы никогда не позволил себе поменять родовую фамилию.

— А чем вам не нравится Кричевская? — спросила сотрудница Землянского ЗАГСа, которую я назвала про себя «солдаткой»: одета в суконную кофточку защитного цвета с отложным воротничком и низкие сапоги.

— Звучит как-то кр-кр...

— И всего-то? А вы бы знали, что у нас половина уезда Писуновы, Задовы, Барановы, Рыгаловы. Вот бы кому стоило позаботиться о благозвучности фамилии. А на какую вы бы хотели поменять?

— На мою девичью Алмазова.

— Вы что? Сейчас с разными алмазами, брильянтами дело худо. Еще не так поймут. Буржуев ведь, алмазов разных, прогнали. Брильянты у них отобрали. Вот если бы вы захотели Октябрева, в честь Великого Октября, Первомайцева, то мне понятно...

«Может, сказать об истинной причине? — подумала я. — Спросят о доказательствах, что у мужа не тот отец. А где их взять?»

— Гражданка! Не морочьте себе и другим голову...

— Да-да, — я вышла из загса.

Так и осталась на фамилии Кричевская, которую не принимала всеми фибрами души.

## 20

Более спокойно, чем Уманец, отнеслись к моему замужеству другие смоленцы. С Королевым увиделась на переправе через Дон — он рыбачил. И теперь служил в охране. С Флигертом столкнулась в сквере — он служил на железной дороге. Флигерт рассказал, что на Средне-Смоленской живет Косцов, который теперь служит на спиртоводочном заводе, что вернулись в город Мыльцев-Минашкин, Златоустов, что я даже загорелась желанием собрать смоленцев вместе.

Однажды на Плехановской, когда-то Большой Московской, меня обогнал автомобиль. Он урчал и громыхал по мощеной дороге. Я еле успела отскочить в сторону и... чуть не кинулась следом. Не поверила своим глазам: на переднем сиденье рядом с водителем сидел Натан — беглец Натан! — в форме комбрига, а сзади Лебедев. Натан, который покинул наш отряд в низовьях Днепра, теперь красный комбриг! Чудеса....

Лебедев, бывший офицер, которого я спасла, который потом воевал против нас. Они были в шлемах с красными звездами и белых перчатках. Так и хотелось крикнуть:

— Пойдите!

«Ну и дела! — мне ударило в виски. — Натан! Ловко же устроился при советской власти! И как стремительно вознесся!.. Лебедев! В белых перчатках... А какая у них выправка! Настоящие белогвардейские офицеры... Хотя могло все выглядеть иначе... Ты бы ехала с Новиковым в машине... Ты бы сидела в белых перчатках... Победы белые большевиков». Теперь я мало чему поражалась. Не удивил меня Веселаго, друг Новикова: он после ранения попал в Кисловодск, откуда в Красную армию и теперь преподавал военные дисциплины в ветеринарном институте. Шнейдер — перебежчик из Смоленского в Феодосийский полк, потом от белых к красным, предлагавший нам сдать в Симферополе, — отслужил в охране черноморских портов и теперь учил военному искусству студентов университета. Вот как повернула судьба!

Я устроилась в ремонтную артель счетоводом. С моими способностями подготовить деловую бумажку, провести расчеты не составляло особого труда. Сколько исписала донесений во время боев, сколько раз выводила число прибывших в полк бойцов — дебет, выбывших — кредит, сколько считала разницу между теми и другими. Снова готовилась стать матерью и теперь не боялась, что на седьмом месяце беременности придется трястись в коляске, вздрагивать от каждого шороха, выстрела, ржания коня, думать о родах в поле, о сохранении жизни младенца, о переправе за границу. Все это унесло в прошлое вместе с моим несчастным сыном, куда укатила и моя юная пора.

Но несчастья преследовали. Однажды, когда я задержалась в Медвежьем, убежала мама:

— Оторвало! — не знала, за что хвататься. — Руку!..

Через полминуты я подлетела к сараю, где со скрипом замирал звук молотилки.

Василий Алексеевич покачивался, еще не понимая, что произошло. Из правого плеча хлестала кровь. Рядом пытался зажать рану Алеша. В одно мгновение я отхватила от своего платья кусок материи, скрутила и перетянула рану.

— Папа! Папа! Ну что же ты так?..

Он был в шоковом состоянии. Кто-то из крестьян тянулся внутрь барабана.

— Он, он совал сноп... Сноп не лез... Он его толкнул, туда и руку... — произносил бледными губами Алексей.

— Беги за эфиром! — вспомнила средство от боли. — Ах да, какой у вас эфир? Водки неси... Водки!

Алексей убежал. Отец мотал головой, опустился на землю, зубы у него скрежетали. Как мучился мой папа! Прибежала мама, на ходу откупорила бутылку. Водка полилась в рот отцу.

— Папа, пей! Папа, — умоляла я, отрывая еще лоскут материи и обматывая культю. — Скачите за Сергеем Гавриловичем!

— Уже послали!

На ригу сбегались люди, лошадь стояла, понунив голову и смотря своими огромными глазами на Василия Алексеевича. Крестьянин достал из барабана гибкую плетть — размолотую в пух и прах руку. Из-под молотилки медленно сыпались семена.

Бедный мой папа! Снова выпало ему. Роздал земли, чтобы самому трудиться, и вот теперь остался без руки!

Когда на свет появилась девочка, я сначала удивилась, а почему не мальчик? Но потом обрадовалась. Уж этого ребенка у меня никто не заберет! Мои переживания о потере руки отцом не отразились на ребенке. Девочка родилась крепенькая, пухленькая, вес три килограмма семьсот пятьдесят граммов, пятьдесят четыре сантиметра рост, с перевязочками на ручках и на ножках. На



головке кучерявились волосики, и она загадочно закатывала перламутрового цвета глазки. При первом кормлении я почувствовала себя с этой крохой единым целым. Она уснула на моих руках и сквозь сон строила гримасы, произвольно улыбалась, как бы вскрикивала, а по моему телу растекалось упоительное тепло. Мы назвали кроху Ириной — по имени богини мирной жизни... Мирной!.. А не какой иной... Хорошо, что девочка! Меня обошла головная боль с именем мальчика.

Я любила качать ее в люльке, напевать песенки, играть с ней, утыкаясь в ее пахучее тельце. В два месяца дочка подняла головку, стала агукать и радоваться при каждом моем появлении. В четыре поползла и непрерывно терла кулачком десну — прорезался зубик. В восемь держалась за грядущку кровати и пыталась найти равновесие. Сколько радости доставляло наблюдать за этим маленьким существом и жить рядом с ним. Отдавшись воспитанию крохи, я забывала все вокруг. Оставила и работу в артели.

## 21

Каким невероятным, ошеломительным, все меняющим пришло известие — я сначала не могла ничего понять, ничему поверить. Рано утром приехал отец и сказал:

— Новиков в Воронеже... Заезжал в Медвежье... Очень хочет с тобой встретиться...

Новиков? В Воронеже? Откуда? Как? Его же выслали из Польши... Он за границей... — сумбурно бежали мысли. — Заезжал в Медвежье? Выходит, ко мне?

Я заволновалась, странное чувство охватило меня. Всколыхнулось что-то глубокое, скрытое годами разлуки.

— Где он? — нервно спросила я.

— У... (назвал дальнюю родственницу Новикова)... Улица...

Все это Василий Алексеевич сказал мне в восемь часов утра, а уже в девять я спешила к родственнице. Мое беспокойство подхлестывалось ощущением вины, что я оставила Новикова, что не дождалась. Хотелось избавиться от этого чувства, освободиться, и ноги несли вперед. Отец задержался с внучкой, а я торопилась. Мимо проезжали машины, прозвенел недавно пущенный по улицам трамвай, меня знобило.

— Оля, это вы?..

Из какого-то полумрака на меня глянули очень знакомые глаза близкого человека: лоб прорезали глубокие складки, щеки покрылись сеточкой морщин, он выглядел несколько старше, но мягкие линии гуляли по усталому лицу.

— Я, Вячеслав Митрофанович...

Родственница сразу куда-то скрылась. Он что-то не договаривал, разглядывал меня, смотрел на обручальное кольцо на моей руке, которое отличалось от того, что надел при венчании: на нем отсутствовала гравировка «спаси и

сохрани» (забыла даже снять!), на брошь, приколотую к груди (его подарок), и что-то подталкивало ко мне его и вместе с тем останавливало. И меня толкало к нему и сдерживало. В ушах звучало: «Изменница! Изменница-а». И столь мелким показалось все то, что увело меня к другому мужчине: разлука, молчание, неведение, стремление не упустить молодость, боязнь остаться одной... У меня на глаза навернулись слезы, и я уже не знала, что делать: стоять, ступать вперед, назад, и понемногу подкашивались ноги. Я остро ощутила, что женой от Бога была и есть Новикову, женой по паспорту — другому.

«Зачем завязался этот узел?» — теперь меня качало, и все плыло перед глазами. Я винила во всем только себя.

Почувствовала, как руки коснулись моих плеч и приблизили к себе. Мне было очень тяжело, а как тяжело было ему: пробраться через все границы и найти жену чужой...

«Может, его коробит мой ребенок?» — мешалось в моей голове.

Но что могла на это ответить? Сколько продолжалось такое, не знаю.

Он вытер мое мокрое от слез лицо и произнес:

— Я все понимаю...

Мое сердце разрывалось:

— Да-да... Ведь я без вас не находила себе места... Он заполнил жуткую пустоту...

— Ничего! Я все равно тебя люблю!

— И прощаете мне Кричевского?

— Ты же пошла на этот шаг от безысходности...

— И что у меня теперь девочка? А наш Славик...

— Вот за нашего Славика... Я им этого никогда не прощу! — взметнулась надо мной голова Новикова. — Потерпи, мой свет! Моя надежда! Когда раздавим большевистскую гниду, заживем как муж и жена.

— А сейчас? — испугалась я, уже готовая ехать с Новиковым куда угодно.

— Если будешь со мной, я не смогу оградить тебя от опасности. Мне проще было оберегать тебя на войне. Ты бы знала, как я ждал этой встречи!.. Как мне не хватало тебя!..

Этот день! Разве его вычеркнешь из жизни! Мы были вдвоем. Вдвоем на весь огромный мир. И весь мир вмещался в стены малой квартирки. Новиков рассказывал, как бежал из Жмеринки, ночами шел, а днем прятался по хлебам, как гнались за ним крестьяне, обнаружив на гумне. Как, переходя границу, чуть не утонул в болоте. Как жил в Варшаве. Как был назначен командующим остатками белых армий, которые находились в Польше. Как по требованию Советов его выслали из Варшавы. Как поселился в Данциге, сблизился с великим князем Николаем Николаевичем, генералом Кутеповым. Поселился в Париже и теперь возрождал повстанческие монархические организации на территории России.

— А я думала, что вы меня бросили! — у меня сдавило виски.

Раскаяние, как оно запоздало! И какой черт попутал меня с этим фон Бринкманом, носящим фамилию фиктивного отца! — так думала я тогда.

Новиков продолжал: нелегально вернулся. В поезде уснул снотворным рабочего и похитил у него документы. Конечно, поступил не лучшим образом. Но что ж. Теперь он Филипп Агеевич. И ничего не было зазорного в том, что генерал Вячеслав Митрофанович Новиков и Филипп Агеевич Гротский одно лицо. Во имя дела он готов был представиться не только пролетарием.

— Мне нужно встретиться со смоленцами...

— Они вас не забыли! — на память пришли встречи с однополчанами. — Уманец в Воронеже, Веселаго... Преподают военные дисциплины...

— Это хорошо...

— А Натана видела в форме комбрига. Он ехал с Лебедевым...

— С тем, который оборонял Воронеж?

— Да, которого я спасла...

— Королев служит в охране... Шнейдер в университете...

— Не напоминайте мне о Шнейдере...

Говорил, что за границей не пали духом и верят в свержение советской власти. Что перед отъездом из Парижа его принял великий князь Николай Николаевич с женой, которая благословила его на удачную поездку и подарила открытки с портретом князя. От упоминания о княжеском благословении у меня похолодело на душе: князь с женой остались в Париже, а рисковать жизнью послали Новикова. Рассказал, что встретил генерала Постовского, который командовал обороной Касторной.

— Помнишь, переделся в солдатскую шинель?

— Бородатый, что драпанул?

— Благополучно устроился, живет в Париже... Сбрил бороду и усы... Манштейн осел в Болгарии... Бузун — в Сербии...

— А Ванда Иосифовна? — вспомнила жену полковника Бузуна.

— Они все уплыли из Крыма...

Конечно, если бы мы сели в Ялте на корабли, наша жизнь сложилась бы иначе. Но стоило ли упрекать в этом Вячеслава Митрофановича? Я понимала, как тяжело ему за границей, в стране, где он не знает языка, где на него смотрят как на чужого. Его сердце всегда оставалось в России. Из Воронежа он собирался в Ростов. Мы условились, что будем переписываться: он будет писать мне от имени Валентины и называть меня будет Вале́й. Я отвечать ему Валентиной. Он и тут не забыл, что я молодая женщина, и подарил мне флакон французских духов. Прощаясь, он обнял и сказал:

— Может, мы с тобой, моя ласточка, и не свидимся. Но, я надеюсь, все устроится. Береги себя. И знай, что я никогда не забывал про тебя ни на секунду и не забуду...

Он снова рисковал, как рисковал всю жизнь.

Когда я возвращалась домой, прижимала флакон к груди, мое сердце обливалось кровью. Придя на квартиру, я увидела мужа, обеспокоенного моим долгим отсутствием. Я не стала его обманывать и сказала, где была. Он, не говоря ни слова, ушел. Оказывается, ходил к родственнице Новикова, но его там не застал. Родственница, увидев возбужденного Кричевского, заявила, что Вячеслав Митрофанович уехал.

Я потом спросила мужа:

— Зачем ты пошел к Новикову?

Он не смог объяснить и лишь сказал, что поступил инстинктивно. Его инстинктивные поступки следовали один за другим. На всех фотокарточках, где находил изображение Новикова, он выцарапывал лицо Вячеслава Митрофановича, и я теперь прятала от него семейные альбомы. Когда на глаза ему попала гимназическая тетрадка с картой сражения под Прейсиш-Эйлау, долго допытывался, зачем перерисовала. Его ревность доходила до того, что вынуждала меня уходить. Стоило только какому-нибудь красному командиру заглядеться на меня, извозчику вывернуть в мою сторону голову... Я брала Иришку, и мы шли к знакомым, уезжали в Медвежье. Но он вскоре появлялся и падал в ноги, умоляя простить. Такие они, фон Бринкман, рожденные гулящей матерью внуки астраханского вице-губернатора.

## 22

От многих слышала, что Новикова видели в Воронеже. Он свободно разгуливал по городу, где его хорошо знали. Встречался со смоленцами, даже участвовал в скачках на ипподроме, поговаривали, что с кем-то ездил на псовую охоту. А когда накануне встречи со мной заезжал в Медвежье, оставил для меня цепочку с жемчугом. Несколько дней и ночей провел у Русановых в Ерофеевке, бродил по липовым аллеям, куда втайне от мужа в подвенечном платье, что до этого пылилось в шкафу, приезжала я. Да, именно в нем! Я чувствовала себя вновь невестой, и вместе с тем была чужой женой.

Уже подумывала, не оставить ли Кричевского? Но что тогда случилось бы с моей Ириной? Разве могла бы я обделить отцом кроху. Что бы отвечала девочка на трудный для ребенка вопрос: «А где твой папа?» — «Лошадь задавила», «уехал в командировку». И хотя у девочки уже проявлялись черточки ее отца — низкий лобик, особые ушки, я жалела ее, жалела Кричевского и жалела Новикова. Совсем не думая, пожалеют ли когда-то меня.

После визита Новикова изменилось ко мне отношение даже тех, кто осуждал мое замужество. Уманец, встретив меня в сквере, извинился:

— Ольга Васильевна! Вы понимаете, я был не прав...

Стали более внимательными Всеволод Веселаго, Мыльцев-Минашкин, Златоустов... Какое благотворное влияние оказывал на них Вячеслав Митрофанович. И он звал их на борьбу! На борьбу с теми, чья власть укрепилась на-

столько, что даже ненавидевшие большевиков с горечью замечали: «Плетью обуха не перешибешь!»

Вскоре к отцу на несуществующую фамилию прислали конверт, в котором оказалась открытка с портретом великого князя Николая Николаевича. Отец сразу сказал:

— Это от Новикова.

Видимо, люди генерала распространяли монархическую литературу. Я получала письма от Новикова. По штемпелям на конвертах догадывалась, что он где-то в России. Когда принесли письмо из Анапы, я вспомнила, что в Анапе мог жить Ковалевский Николай Викентьевич, который покинул нас в Ялте. Пришла весточка из Ростова. Он посылал мне письма на имя Вали и обращался ко мне: «Валенька! Свет мой!»

Как-то с радостью распечатала конверт из Москвы.

«У Натальи Леонидовны».

И в подтверждение получила письмо от Наташи, в котором та рассказывала, что она теперь замужем за Забияко, что преподает французский, что ждет к себе в гости.

— Жаль, что у них не сложилось с моим братом Сергеем, — разглядывала конверт: «Отправитель: Новикова-Забияко», — сохранила свою фамилию. А я поменяла.

Однажды к нам приехал Сергей Гаврилович и рассказал, что получил письмо, подписанное «Славой». Он просил Русанова приехать для свидания на вокзал. Сергей Гаврилович съездил на вокзал, но к поезду опоздал и не встретился со «Славой».

— Новиков проезжал Воронеж! А почему не позвал меня? Оберегает. Как же его мотает по России...

В 1926 году я собралась с мужем в Москву. Мама обрадовалась, что я могу развеяться, и дала денег. У них в том году был хороший урожай. Кричевский намеревался ехать в командировку, но у него что-то расстроилось, и я отправилась одна. Москва поразила меня наседающими друг на друга башнями, церквями, проспектами, трамваями, гулом машин, переливами колоколов, небывалым скоплением людей.

— Bonjour<sup>2</sup>! Непокоренная столица! Белым оставалось до тебя несколько переходов.

На Павелецком вокзале меня ждала Наталья Леонидовна. Ее муж Забияко оказался на службе. Мы приехали на Старопименовский переулок. Мать — Анна Владимировна — приняла меня как родную и сказала, что... Новиков в Москве.

У Новикова было условлено, что когда он собирался увидеть Наталью Леонидовну или ее мать, то звонил им домой. Где он жил, они не знали. На второй

---

<sup>2</sup> Bonjour! – в переводе с французского: «Здравствуй!»

день после моего приезда позвонил, и ему сказали, что я приехала. Он попросил меня подойти к Александровскому вокзалу. Как объяснили, это недалеко от их переулка.

Я шла, и меня брала оторопь. Ноги несли по ковру осенней листвы, и точило сомнение: верно ли я поступаю, что спешу на свидание? Хорошо ли? Не окажется ли так, что потом буду жалеть? Не прервать ли отношения с тем, кто не может принести счастье сейчас, а надежды на будущее счастье туманны? И пронизывал страх: не окончится ли все плачевно? Ведь Новиков схватился с сильным и жестоким врагом, и он в меньшинстве. Чем больше я думала, тем сильнее меня разбирало: может, остановиться? Вернуться и все обдумать? А что я скажу Анне Владимировне?

Из одного переулка сворачивала в другой. На углу Тверской показалась просторная площадь с множеством колясок. Вдоль охватившего открытое пространство здания с башенками и лепными украшениями сновали машины.

— Скажите, это Александровский вокзал? — спросила я пожилую даму, хлопнувшую дверь булочной.

— Александровский! Хотя его называют еще Брестско-Белорусский, Бело-руско-Брестский...

Я замерла, как на распутье. Раньше бы не задумалась о своих дальнейших шагах и поддалась бы чужой воле. Склонив голову, смотря в ноги, шла через площадь, не обращая внимания ни на крики извозчиков «Посторонись!», ни на сигналы машин. Мною владело какое-то безразличное ожесточение: собою так собою. Ветер кружил по бульжной мостовой жухлую листву, запутывая мое движение. Я шла и шла, уже не зная, в каком направлении вокзал, далеко ли кромка тротуара. У меня не было сил что-то изменить...

И вдруг — это бывает так же неожиданно, как скрип тормозов сбивающей машины, разрыв снаряда в десяти шагах — меня подхватили сильные руки, взметнули вверх, и глаза ослепило полуденное солнце. В доли секунды улетучились, выплеснулись все сомнения, и я улыбалась дорогомому взгляду.

## 23

Мы проникли под резные своды застекленных галерей вокзала и оказались в подобию трапезной старинного русского монастыря, пол которого разметило шашечками. К нашему столику подскочил кучерявый, с бархатной бабочкой на атласной рубаше официант, ловко смахнул крошки, поставил приборы:

— Что будем заказывать?

— Ольга, выбирайте, что пожелает душа, — Новиков протянул меню в атласных корочках.

Долго не могла прийти в себя, спускаясь с каких-то небесных высот. Что-то принес официант, что-то откупорил Новиков, за что-то выпили... Я снова была его... Вся, без оглядки!.. Отбросив мысли о том, что где-то меня ждет внук астраханского вице-губернатора. По залу сновали учтивые официанты, кто-то

опускался за соседние столики и завистливо бросал взгляды на одетого в шикарный заморский костюм молодявого блондина и его спутницу с цепочкой из жемчуга на шее и брошью на выходном платье. А им было тесно от раздражающих чувств, от всего невысказанного, скопившегося за время разлуки, о чем они могли поведать только друг другу, и они не обращали внимания на других. Оказывается, он побывал в Анапе.

— Я знаю, знаю! — хлопала в ладоши. — Анапский берег...

— Мы встретились с Николаем Викентьевичем в беседке у моря... Мы ушли с Ковалевским по барханам далеко... И говорили... Он передает тебе привет, называет русалкой...

— Пьем за русалку!

Бокалы пустели.

— Хочет за границу. Я ему говорю: «Подожди, придет время». Он нетерпелив, не желает ждать... Спасибо тебе за смоленцев. Виделся с ними в Воронеже. Они служат красным, но в душе остались белыми. Нужда погнала. Понимают, что офицерам царской армии в Красной армии роста не будет. На них смотрят как на скотов. Они оказываются не у дел. И их выживают. Вот это и есть наш резерв...

— Вячеслав Митрофанович! Ну а что, как все будет?

— Сначала давай о будущем в масштабах страны. Как это ни печально, но нас спасет только интервенция. Есть силы белых на Западе. К тому же начальствующий состав Красной армии слаб... Да и наши офицеры помогут...

Наконец-то я узнала планы великого князя Николая Николаевича, Кутепова. Все они рассчитывают на интервенцию. Снова война!

«А ты, Ольга, как думала? Все само собой обернется? — едко заговорил внутренний голос. — Большевики сами уйдут? Мечтала о каком-то Наполеоне, который высадится с острова Эльба, и войско красных перейдет на его сторону?»

Новиков вспомнил офицеров, на которых можно положиться: Уманца, Веселаго, Мыльцева-Минашкина, Косцова... Офицеров, оказавшихся за границей: Манштейна, Шкуро, подполковника Сагайдачного... С сожалением отозвался о горе, постигшем мою семью: у Василия Алексеевича оторвало руку.

— Насчет будущего России понятно. А что о будущем Вячеслава Новикова и Ольги Алмазовой? — спросила я.

— Когда одолеем врага, тогда и начнется будущее Ольги Алмазовой и Вячеслава Новикова!

— И когда же это возможно? Через год, два, пять?

— Думаю, в пять лет уложимся... И тогда мы с тобой придем уже не в ресторан Александровского вокзала, а в Грановитую палату Кремля. И перед тобой будет не Филипп Агеевич Гротский в штатском, а Георгиевский кавалер в генеральском мундире.

Как он мог закружить голову! Как верила ему! Я готова была ждать и пять, и десять лет, лишь бы...

Уже в вечерних огнях коляска свернула в Старопименовский переулочек. Новиков помог мне спуститься:

— Оленька... Мы завтра с вами посетим... Послезавтра... А там...

Но утром я получила телеграмму от мужа: он сообщил о своем приезде.

— У него какой-то особый нюх! — вырвалось из меня.

Не было никакого желания откладывать встречу с Новиковым, и я была готова пойти на разрыв с Кричевским прямо в Москве.

— Оля, будьте благоразумней! — успокоила меня Наташа. — Повидаетесь с Георгием... Вячеслав Митрофанович ведь пока в столице...

Муж пробыл в Москве сутки и уехал в Харьков по делам службы. Еще последние вагоны поезда вытягивало с перрона вокзала, а коляска уже несла меня к Новикову. Через полчаса мы вместе катили по Первопрестольной в Малаховку на дачу, снятую Новиковым, где нам уже не мог помешать никто. Поселок, заполненный деревянными постройками, дорожками, лужайками, окружали густые сосновые леса. Наши дни наполнились гомоном птиц, улетающих на юг, прятаящихся под карнизы крыши и в кроны деревьев. Утро просыпалось в молочном тумане. Не было видно стволов, заборов, тропинок. Но вдруг туман начинал редеть, и блестящие кораллы выплывали из тумана ветвей берез. Мы уходили в лес и сливались с миром пушистых красавиц, трогавших колючками щеки, мшистых перин, пружинивших под ногами, смоляного запаха с той бодрящей свежестью, которой полны северные края. Казалось, нам с Вячеславом Митрофановичем уже ничего не надо было, кроме как утопать в душистом природном океане. Хотелось найти сторожку лесника и все оставшиеся дни, месяцы, годы провести в затерянном уголке. Дни и ночи зябкой московской осени текли, окуная две истосковавшиеся по любви души в упоительную глубину.

Над макушками сосен развернутой стеной понеслись галки и, рассыпавшись, падали с высоты.

— Я должен быть в Ростове, — услышала вдруг от Новикова.

— А я в Воронеже, — нашла, что ответить.

Если бы он позвал меня с собой, я бы послала телеграмму домой и поехала в Ростов. Его постоянная забота о моей безопасности казалась мне надуманной. Неужели со мной еще могло что-то случиться после того, что уже произошло? Я уже испила столько, чего хватило бы на несколько жизней — можно сказать, исчерпала пределы возможного, и ничто плохое уже не должно было тронуть меня.

Разные поезда повезли нас на юг — меня в верховья Дона, его — в низовья.

## 24

Когда запорошенный первым снегом перрон вокзала Воронежа обдало паром, я ступила на хрупкий настил: «А не купить ли сразу билет на Ростов?»



Но подлетевшая Иринка («Мама! Мама!» — колокольчиком звенел ее голос) и муж («Наконец-то вернулась») тронули глубинные струны души, и я в который раз покорила.

Переписка с «Валей» продолжилась. Я зачитывала каждую «ее» весточку до дыр и самые ценные прятала в тайные уголки квартиры. Не помню точно, но кажется, в конце двадцати шестого года ко мне пришло письмо на имя «Вали» с рисунком лошади, прыгающей через барьер, на конверте. Я написала об этом в Ростов. Оказывается, это был условный знак вызова Новикова за границу, и он уехал из России.

Новикова искали чекисты. Об этом осторожно напоминали смоленцы, которых встречала на улице. Русанов Сергей Гаврилович сообщил, что к нему заезжал сотрудник ОГПУ (так переименовали чрезвычайку) и расспрашивал о бывшем соседе.

Но, несмотря ни на что, я переписывалась с «Валей», получала весточки от «нее» и от племянницы Новикова.

Летом 1927 года пришло письмо от племянницы с просьбой разрешить ей приехать погостить в Медвежье. Наталья Леонидовна приехала с матерью. Мать пробыла у нас месяц и уехала, а Наташа осталась. Я взяла отпуск, и мы с ней приятно проводили время. От Наташи узнала, что у Новикова было важное задание. Наталья Леонидовна выясняла, где и в какие часы принимает граждан Калинин — общероссийский староста. Новиков собирался его убить. Но когда пришла открытка с лошадью, прыгающей через барьер, и его срочно отозвали, задание отменили.

— Выходит, когда мы с ним встречались в Москве, он готовился к покушению? — спросила я.

— Возможно, — ответила Наташа. — За границей посчитали, что это только навредит. Калинин пользуется уважением у населения.

Мысль о том, что Вячеслав Митрофанович может превратиться в обычного террориста, убивала. Ореол любимца солдат, отважного борца, освободителя растаял бы в глазах. Я не хотела согласиться с этим и гнала подобные мысли. Мне стало не по себе. Выходило, что, даже находясь в Москве, я не могла себя чувствовать спокойно.

В начале августа, когда мы ложились спать, вошел отец и сказал, что на дворе стоит Новиков. Он всегда имел особенность являться как снег на голову. Мой отец был очень раздосадован его приездом и к нему не вышел. Я набросила платок на плечи и поспешила на крыльцо. Новиков был в накидке и освещал дорожку электрическим фонарем. Наташа уже выскочила к дяде:

— Вячеслав Митрофанович! Вас ищут... Опасно...

Была очень темная ночь. Накрапывал дождь. Он увидел меня, его мокрое лицо озарилось.

— Я тебя...

Новиков держал корзину со щенком:

— Вот привез... Кутенок борзой...

Какой еще кутенок! Зачем? Я уже и забыла, когда мы охотились с борзыми.

— Вячеслав Митрофанович! Уезжайте! Не ровен час, нагрянут, — просила Наташа.

Я почувствовала, что за нами из окон наблюдают перепуганные родители. Во мне что-то проснулось:

— Едем! Новиков!

— Ольга!

Я решительно потянула Новикова со двора к видневшемуся очертанию коляски.

— Пошел! — скомандовала кучеру, шевелюру которого скрывали полы огромной шляпы.

Коляска тронулась, перекатилась через овражек и полезла в горку. Опустив корзину со скулящим кутенком в ноги, Новиков накрыл меня плащом:

— Куда мы едем?

— Куда нужно тебе!

Свернули на проселок и покатили к селу Раздолье, над которым повисли смоляные тучи. Лошадь фыркала и бежала по укатанной колее. Я прижалась к Вячеславу Митрофановичу. Во мне звучало: «Хватит! Всему бывает конец. Теперь останусь с ним. И будь что будет...» Мне слышались его слова: «Оленька... Вы отважились... Вы теперь всегда со мной... Как я рад... Как это мне нужно... Мы теперь победим любого врага...»

Коляска скатывалась в долину и с ходу взбиралась на бугор. Дождь усиливался. Плетни в Раздолье сменились хатами Богоявленовки. На фоне мрачного горизонта взметнулся в небо перст колокольни. Мне было безразлично, что теперь будет со мной, лишь бы было хорошо моему настоящему мужу... Хорошо ему, а значит, и мне!

Мы скакали по околице села Губарево, когда нас обогнал всадник и резко развернул лошадь. Новиков выхватил револьвер.

— Остановитесь! — всадник крикнул, еле удержав рысака.

Наш конь вылетел на обочину, и коляска накренилась.

— Оставьте сестру!

Я узнала брата Сергея. Могло произойти что угодно. Даже самое страшное. Новиков был вооружен. Стук дождя усиливал остроту момента.

Нас объехала другая коляска, из которой спрыгнул отец:

— Вячеслав Митрофанович! Умоляю! Не увозите Ольгу! Она погибнет...

Это была решительная минута, минута, которая определяет будущее, о которой потом либо жалеешь, либо вспоминаешь с гордостью. Новиков, наконец-то завладевший женой, той, которая бесповоротно осмелилась ехать с ним, оказался в неясности, что делать дальше. Он мог хлестнуть лошадь и рвануть коляску вперед, и никто бы не помешал ему так поступить, мог сделать

движение, спасавшее его личное счастье... Но в этом и был весь Новиков... Когда это касалось других, он забывал про себя... Жертвовал собой... Но когда его — он становился беспомощен...

Резким движением толкнул меня из коляски и крикнул кучеру:

— Пошел!

Если бы меня не столкнули, не ссадили таким грубым образом, я бы не отпустила его. Меня, кричащую, стонущую, повезли в Медвежье...

— Новиков! Забери меня, — растворялось в шуме хлещущего дождя, топившего мое счастье и счастье моего любимого.

Мое сердце разрывалось.

## 25

Видно было, как успокоился Кричевский, чему-то радовалась его мать фон Бринкман, видимо, узнав о холодном приеме бывшего мужа ее невесткой.

Отец сказал мне:

— Он пытался вернуть тебя себе.

Василию Алексеевичу, как и многим другим, не верилось, чтобы мужчина только из-за того, чтобы отдать щенка, пустился бы в такую даль. А за собою я теперь часто отмечала угнетенное состояние.

В марте 1928 года по Воронежу поползли слухи об арестах. Я сначала ничего не поняла.

— Уманца взяли! — скороговоркой бросил Королев, столкнувшись со мной на улице.

Сказал и побежал дальше.

За что? Он ведь служил у большевиков. Преподавал в пехотной школе.

Кричевский отвез Иру к матери в Казинку.

— Зачем? — спросила я. — Ведь она никогда не занималась внучкой. Давай лучше в Медвежье...

— Не надо Медвежьего! — отрезал Георгий.

От неясности приходили разные мысли, и я глубоко сожалела о поступке Новикова, ссадившего меня с коляски. Быть может, мы бы уже перебрались за границу и жили в каком-нибудь европейском городке. А что касается Иринки, я не сомневалась, что убедила бы Кричевского отправить ее ко мне.

В предпоследний день марта поздно вечером прискакал возничий моего отца.

— Ольга Васильевна! Нагрянули в село... — заговорил, плотно прикрыв за собой дверь.

— Да говори же толком!

— С винтовками...

— Грабители?

— Из Ендовиц (районный центр, в район которого вошло село Медвежье)...

— Ну, не тяни душу!  
— Василия Алексеевича, Марию Адольфовну... под ручки... Братцев ваших... Сергея взяли в Раздольном... Лешку нашли у бабенки...  
Возничий покинул нас, даже не пройдя в комнату.

Кричевский ходил по квартире и держался за голову:

— Так и знал, попадешь в историю...

— Да замолчите же вы! Самой тошно!

Я пыталась понять слова возничего. Приехали за Василием Алексеевичем. Забрали. А почему забрали? Не раздеваясь, распласталась на кровати.

— Вам бы поехать в Казинку. Узнать, как там Варвара Александровна? — говорила Кричевскому. — Не дай Бог, и к ним приезжали. Тогда позаботиться об Ире...

Ночь тянулась мучительно: от ветра стучали в стекла ветви ивы, тикали ходики над головой, шуршала под полом мышь. Не замечая времени, я провалилась в сон.

— А? Что? — в испуге открыла глаза.

Посреди спальни стоял мужчина в кожаной куртке и синей фуражке с красным околышем и рядом с ним Георгий в кальсонах.

— Ольга Алмазова? — спросил в кожанке.

У меня подкатило к горлу: «Как вы смеете входить в спальню к женщине?! Это верх неприличия! Такого не позволит себе ни один уважающий себя мужчина!»

Тот, что в кожаной куртке, чувствовал себя спокойно.

— Ты Ольга Алмазова? — шагнул на меня, угрожающе повысив голос.

Я съехала к спинке кровати, зажала на груди полы халата.

— Она, она, — говорил Кричевский, пытаясь остановить чекиста.

«Новиков бы размозжил ему голову», — пронеслось у меня в голове.

— Я Кричевская, — произнесла, чувствуя, как перехватывает дыхание.

— Давай одевайся! — сказал мне и потом Георгию. — И ты! Я цацкаться не люблю!

Увидев ходивших по соседней комнате солдат, я поняла: «Пришли за мной». Сгорая от стыда, я одевалась и изредка бросала взгляд на склонившего в двери голову Кричевского.

Я снова оказалась арестанткой. И это не так угнетало бы меня, если бы не арест моих родителей, братьев, Кричевского. Меня мучило: почему все в застенке? За что? Надеялась, что при первом же допросе все прояснится — я узнаю причину заточения. Тянулись дни и ночи, приставали сокамерницы: «Может, закурим?... Ничего, когда ГПУ наступит вам на хвост, вы станете первой курильщицей в нашем обществе». А мне на «хвост» не наступали. Но сердце чувствовало, что здесь не обошлось без Новикова.

— Ольга Алмазова! Ты когда видела в последний раз Новикова? — сотрудник Воронежского ОГПУ Лещинский оказался не более воспитанным, чем его киевский коллега Карклис.

— Когда нас задержали в Подольской губернии, — ответила, жестко беря себя в руки.

— Апосля Цыбулевки?

«Он знает и про Цыбулевку», — подумала и продолжила:

— Я уже ответила...

— А это што? — вытащил из стола лист и прочитал: — «К нам в Медвежье приезжал бывший полковник Вячеслав Новиков и виделся с моей дочерью».

«Отец?» — у меня помутилось в глазах.

— Написано Василием Алексеевичем Алмазовым... Можешь посмотреть. Почерк узнаешь?

— У него нет правой руки...

— А что, дочь не знает, что отец пишет левой?

— ...Он приезжал проведать меня...— сдалась я.

Я отвечала, стараясь утаить то, что еще можно было скрыть.

— А хотите знать, что написал ваш родитель в конце допроса?

— Не надо...

Стало вдвойне тяжело оттого, что отца провели чекисты.

— На вопрос: «Почему не донес властям о приезде белогвардейского полковника?» — Алмазов ответил: «Я, как толстовец, насилия ни над кем не делал и не буду делать. И в организацию, где будет признано насилие, не пойду. Но и о существовании ее доносить не буду ни властям, ни кому-либо».

«Они ищут организацию!»

Меня ободрило объяснение отца.

## 26

Тайное стало явным. Алмазовы, Русановы, Кричевские... схвачены из-за Вячеслава Новикова. Кричевский оказался пронциательнее меня, отправив Иру к матери в Казинку — Варвара Александровна вряд ли виделась с Новиковым. Это вселяло надежду, что свекровь не арестуют и нашу дочь не выбросят на улицу.

На следующем допросе Лещинский спросил:

— Шцо у тебя за подарок?

— Мама подарила...

— Мама, говоришь? А может, генерал?

— Мама, мама...

— Мама не напоминает... Покажь!

— Неужели вы позволите, чтобы перед вами раздевалась женщина? Ведь вы же высокой культуры!

— Шцо культуры, ага... Ладно с подарком, ты мне скажи: Новиков как мужик ничего?

— Вы знаете, я не жаловалась...

— А Кричевский?

Я еще не успела ответить, как Лещинский произнес:

— А я?

И тронулся из-за стола. Чекист двинулся на меня, расстегивая на ходу ремень.

— Я грязная! Вы заразитесь! — вылетело из меня, уже сбитой с ног.

— Как грязная? Как заразитесь? — забурчал Лещинский.

— Вы же не знаете, что произошло со мной, когда я попала в плен в Цыбулевке...

— Що?

— ...

— Хором?

— ...

— А как же Кричевский?

— Он монах...

— А дочь як же?

— Лечился.

Лещинский закричал. Застегивая ремень, вернулся на место:

— Надо было сразу сказать...

В камере свалилась на койку, схватила зубами материю на локте и застонала. Если бы обернулось время и я бы могла оказаться в 1919-м, я бы не ехала сестрой милосердия в обозе Смоленского полка, а записалась бы в пулеметную роту и косила бы лещинских, с которыми шла новая власть, косила бы до тех пор, пока не осталось на земле ни одной скотины.

Я двигалась по каземату и не верила, что покидаю прокуренный, затхлый, сырой подвал, что мои годовичные страдания подходят к концу. Даже тогда, когда за мной лязгнула железная дверь, я подумала, что все только мерещится. На улице наконец-то вдохнула свежий воздух.

Двери в квартиру открыл Кричевский:

— Ольга...

Прошла по комнате, которая от накрытой материей мебели показалась заброшенной. Видела, как он хотел меня обнять, уклонялась.

— А где мои родители?

— Думаю, еще там, где были...

— А мы?

— Мы на свободе... Мне Лещинский даже обещал, что вас выпустит раньше...

— А почему обещал? — я переходила из комнаты в комнату.

Прикасалась рукой к белой материи на столе, на комод, отводила белую штору и рассматривала узор на оконном стекле.

— Почему?..

— Ольга! Давайте не будем об этом. Как хорошо, что вы дома... Приведите себя в порядок, а я поеду в Казинку. Надо забрать Иру...

— Она там?

— Соседи сказали, что приезжала моя мать и говорила, что внучка у нее... Видно было, что ему больно и он хочет куда-то спрятаться.

— Что ж. Езжайте, езжайте...

Ответила сухо. В печке трещали дрова, по комнатам разливалось тепло. Я плюхнулась на диван: была на свободе, но не чувствовала себя свободной. Меня сковывала неясность положения моих родителей — они продолжали томиться в застенке, братьев. А меня с Кричевским выпустили. Хотя именно я была виновницей арестов, я привела Новикова в дом.

— Вы мне не договариваете...

— Оля, мне многое нельзя вам говорить...

— Нет уж, скажите! Я должна знать!

— Не заставляйте!

— Вы скрываете от меня...

— Слушайте! — Кричевский плотно прикрыл дверь. — Только если вы это хоть кому-нибудь расскажете, сами пострадаете... Ладно я, но вы... Мне предложили сотрудничать с ними, и я, я...

— Согласился?!

Глаза мои расширились до невозможности.

— А если бы не согласился, нас бы тоже судили...

— Как это низко!.. — я заметалась по комнате. — Как мне тошно! Как дальше с вами жить?!

— Оля, дороже вас у меня никого нет... Я все сделаю, чтобы вам было лучше...

— Выходит, и арестованы все по вашей...?

— Нет, Оля... Думаю, что из-за Новикова...

— Выходит, это вы сообщили им о Новикове?

— ...

Кричевский не отвечал, и это еще больше выбивало меня из колеи.

## 27

Оказаться женой предателя, знать об этом и молчать, жить с ним и не бросать. Можно ли себе пожелать худшего? Может ли быть еще что невыносимее? Каждое утро я просыпалась с мыслью, что непременно уйду, и каждый вечер ложилась с такой же мыслью, но обречь на безотцовщину дочь не позволяло материнское чувство.

Я написала несколько писем от «Вали» к «Вале» по всем известным мне адресам, но ответа не получила. Вскоре получила весточку от Наташи из Москвы и узнала, что и ее арестовывали, а вот ее мужа забрали и до сих пор не выпустили.

Возникла очередная загадка.

После всего случившегося было над чем поломать голову. Я ни у кого не могла выяснить, что с Уманцем. Его после ареста никто не видел. Чекисты взяли и Русанова Сергея Гавриловича с женой... Его с Ольгой Адольфовой освободили одновременно со мной. Они вернулись в Ерофеевку. Куда-то отправили моих родных — папу, маму, братьев Сергея и Алешу. Я металась в неведении, пытаюсь разузнать опутавшие тайны. Наконец все-таки удалось узнать: моих родителей с братьями отправили этапом в ссылку на три года в станицу Нижне-Чирскую Сталинградского округа. Это где-то за Ростовом ближе к Царицыну. Я захотела непременно увидеть их.

В Чирскую можно было ехать сначала до Грязей, а оттуда в сторону Сталинграда, бывшего Царицына. Но тогда пришлось бы делать крюк. Можно через Лихую, и уже южной дорогой добираться до нужной станции. Решила двигаться коротким маршрутом. Когда паровоз обдал едким дымом перрон — отправление долго задерживалось, — я вздохнула. Все как-то не верилось, что осуществится мое желание. В окнах поплыли пролеты вокзала, Кричевский с Иринкой, машущие руками, и состав пошел под уклон.

Со мной езжали Русановы. Но они собирались дальше в Уштоб. На озеро Балхаш. В Джунгарское Алатау. Там строилась железная дорога Турксиб, чтобы люди могли ездить из Алатау в Сибирь... Со станции Лихая поезд застучал колесами на восток.

От удивления папа и мама не могли выговорить слова.

— Оленька! Вас тоже сослали... — наконец заговорил отец.

— Жива! — вырвалось из мамы.

Следом за мной в хату вошел Сергей Гаврилович.

— И вас? — только успевала замечать гостей Мария Адольфовна. — И тебя? — увидела сестру.

Обнялись, еще не успев расспросить друг друга. Только после нескольких минут объятий кое-что прояснилось. Родители узнали, что их приехали проведать, что Русановы держат путь в Казахстан, а дочь побудет у них и вернется.

Вбежавшие братья подхватили меня на руки:

— Оля! Оля! Оля приехала!

— Как вы тут? — спросила у родных, когда меня опустили.

— Отец истопником. Я учу в школе русскому языку. Сережа с Алешей строят элеватор...

— И вас никто не охраняет?

— Почему же? Мы ходим отмечаться в отдел милиции...

Поставили самовар. Заварили чай. Братья щипали меня от радости, как мальчишки одноклассниц. Папа разглядывал дочь и не мог наглядеться. Я улучила момент и, когда мы остались одни, попросила у родителей прощения за то, что так все получилось.

— Ты ни в чем не виновата, — успокоила меня мама.



Извинилась за Новикова.

— Об этом мы поговорим с Новиковым сами, — сделался серьезным отец.

Видно было, что он не простил Вячеслава Митрофановича. Наше чаепитие прервал вошедший в хату долговязый милиционер в темно-синей шинели и с кобурой на ремне.

— Евсей! — вскочила мама. — Дочь с сестрой приехали. Проведать нас...

— А этот? — милиционер показал на Русанова.

— Муж сестры... Они в Казахстан едут...

— Раскулаченные?

— Что вы... Главным врачом больницы...

— Покажь документы!

После проверки документов милиционер спросил:

— Надолго?

— Мы сегодня же уезжаем, — засуетился Сергей Гаврилович.

— Если сегодня, регистрировать не буду...

Приход милиционера ускорил отъезд Русановых и мой. На станцию поехали вместе. Тускло ползла луна, медленно переставляла ноги кобыла, скрипели колеса телеги. Мама причитала:

— Оленька! Береги себя! Ирочку! Выбрось из головы Новикова. Сама видишь, к чему приводит...

Подошедший поезд поглотил в ветхий вагон Ольгу Адольфовну, Сергея Гавриловича, их мальчиков. Обдал густой копотью и повез на китайскую границу. Через час запыхтел встречный состав и забрал меня.

## 28

С дороги дома провалилась в глубокий сон. На меня навалилось, что будто по перрону ростовского вокзала гуляет ветер, пуская рябь по лужам в снежных ложбинах, и задыхается в толчее складских амбаров. Объявили о прибытии поезда со стороны Новочеркасска. Забегали грузчики. Высматривали кого-то встречающие. С поезда сошел мужчина в шляпе и темном плаще с сумкой и зашагал по перрону. Со ступеней соседнего вагона слезли двое в кожанках и поспешили за приезжим. Один из них нырнул в освещенную фонарем дверь с вывеской: «Отдел рабоче-крестьянской милиции». Теперь за мужчиной спешили пятеро. Двое впереди, потом по одному остальные. Мужчина вскочил в коляску и махнул кучеру:

— Пошел!..

Коляску развернуло и понесло в горку. За ней устремились сразу три возницы.

Мужчина обернулся и крикнул:

— Гони!

Хлыст кучера прошелся по крупу лошади, которая резко добавила скорости. Коляска летела по мощеной улочке. Редкие прохожие шарахались в сто-

роны. Три упряжки прыгали на камнях следом. За поворотом осветились витражи кафедрального собора. Мужчина спрыгнул с коляски в гушу прихожан. Раздались свистки. Выстрелы. Мужчина перемахнул ограду собора и вдоль базарных рядов припустил к реке. Свернул в узкий переулок. С набережной закоулками пошел в гору. Приблизился к высокому кирпичному дому с полуколоннами по центру фасада, скрылся в подъезде, взбежал на площадку первого этажа и только потянул руку к звонку, как сверху раздалось:

— Гротский Филипп Агеевич?

Минутное замешательство. Мужчина увидел три дула, направленных с лестницы в его сторону, из-за угла вышли еще трое. Он с силой толкнул дверь, но и оттуда на него смотрели вооруженные люди. А в глубине прихожей жалась к стене накрытая платком женщина.

— Спротивляться бесполезно...

Мужчина как-то замаялся, потом еще раз посмотрел по сторонам, перевел взгляд на женщину.

— Что вам угодно? — зазвучал его голос, обращенный к вооруженным.

...В сумке мужчины нашли револьвер:

— Какая штука!

Фотокарточку:

— А это что за мамзель?

Потребовали:

— Назовите ваше настоящее имя!

С хлопком с мужчины слетела шляпа. Его сбили с ног. Навалились. Связали. Затащили в коляску. Через какое-то время всего в крови кинули на мокрый пол камеры. Он прополз к стене и взобрался на металлическую койку. По камере пробежала крыса, но он не обратил внимания на грызуна. Лежал недвижим — только на шее пульсировала вена и выступали желваки на щеках. Потом его куда-то ввели. Перед ним в свете включенной лампы согнулся очкастый следователь.

— Как звать?

— Гротский...

— А может, Новиков?

— Филипп Агеевич.

— А может, Вячеслав Митрофанович?

— Филипп...

— Зачем Филипп Агеевич подался на Дон?

...

— Зачем в Анапу?

..

— Зачем в Ростов?

...

— Какой интерес у Филиппа Агеевича в Медвежьем?

...

— Неужто решил похвастаться борзым щенком?

...

— Или Филипп Агеевич — это полковник Вячеслав Новиков? Который бежал от красноармейцев в 18-м? Формировал полк в 19-м? Воевал на Кубани, в Северной Таврии? Отказался оставить солдат в Ялте и пошел с ними к польской границе?

Следователь передохнул и:

— Попался в Подольской губернии? Сидел в лагере? Бежал в Польшу? Возглавил белогвардейцев в России? Готовил покушение на Калинина?..

Эхо летало в каменном застенке.

— Неужели это все смог Филипп Агеевич Гротский, а не командир Смоленского полка? Или нет, вы же только тот, кто приезжал в Россию, чтобы навесить жену...

— У меня нет жены!

— Ольгу Алмазову?

Следователи сменяли один другого, а вопросы повторялись. Тянулись дни, ночи, сутки, недели. В редкие часы передышки он оказывался в камере, чтобы потом снова попасть «на конвейер».

Трое в военных мундирах молча подмахнули длинный список. «Гротского» по длинному коридору вывели во двор, окруженный глухими заборами. Утолкали в кузов грузовика. Машина, жужжа, полезла из ворот, потонула в тени улицы. В кузове скупые на слова солдаты держали винтовки. В кабине грузовой рядом с водителем военный в фуражке заряжал малокалиберный пистолет.

За грузовиком тенью спешила женщина в платке и длинном платье. Она отставала, догоняла ее. Неожиданно машина задергалась, и двигатель заглох. Водитель вылез, открыл капот, порывшись в моторе и пошел звонить. Пассажир в кабине распахнул дверцу и прыгнул в снег. Согреваясь, делал руками замахи вперед и назад. Солдаты смотрели из кузова в темные окна окружавших домов. Тень женщины прижалась к проему в стене здания.

Подъехала другая грузовая. Мужчину пересадили из кузова в кузов. С ворчаньем перелезли солдаты. Старший запрыгнул в кабину. Машина дернулась и поехала по колдобинам. На спуске ускорила ход. Разогналась. Завилила на мокрой корке льда. Ее колеса перестали вращаться. Она пошла юзом и... врезалась в угол здания. Дом содрогнулся. Из окон посыпались битые стекла. В кабине водитель и пассажир ударились о лобовое стекло. Солдаты повывлетали из кузова. Из-под тел охранников вылез мужчина и, припадая на ногу, двинулся в сторону парка.

В кабине заворочался военный.

— Где? Где?.. — вырвалось из него с хрипом.

Он дико смотрел по сторонам — над ним вспыхивали светом окна, из окон высывались жильцы. Увидев удаляющуюся фигуру, он соскочил с подножки

автомобиля. Фигура передвигалась, подволакивая ногу. Военный шагал следом, держась за ограду у дома. Фигура торопилась к деревьям. Из окна третьего этажа заверещали: «Уйдет!» Военный вскинул пистолет. Его рука вздрагивала. Вдруг сзади военного возникла тень и шлепнула по кисти. Раздался выстрел. Фигура впереди вздрогнула, на мгновение замерла, а потом легла и поползла, оставляя на матовом полотне багровый след. Тень устремилась к фигуре. Военный целился. Тень тянула раненого, пытаясь утащить...

Я проснулась от крика. Не знаю, своего или чужого.

Это было в ночь на 3 марта 1930 года.

## 29

— Ольга! Такое становится невозможным. Вы кричите каждую... — надо мной склонился Кричевский. — Вам надо к психиатру...

— Если бы дело было в психиатре...

— А кто такой Гротский? Почему вы повторяете эту фамилию?

Мои нервы измотало. Мне надо было что-то предпринять. Куда-нибудь спрятаться, уехать, забыться, сделать что угодно, лишь бы мысли о Новикове хоть на время оставили меня. Лишь бы не терзало меня тяжкое прошлое, туманное настоящее. И я попросила:

— Давай съездим... Куда угодно...

— Если хочешь, у нас в конторе собираются на выходной в Графский заповедник. Там сосновый бор, природа...

— Да, Георгий! Едем в заповедник. Мне надо в лес...

В Графской обходчик показал дорогу, ведущую в заповедник. Проваливаясь в снег, подались в лес. Под ногами трещали сучья, шумел бор, где-то уже веселились подвыпившие конторские служащие. Влажный хвойный ветер обдавал лицо, запах смолы растекался от лоснящихся стволов сосен, следы пересекали поляны, на вытаявших буграх зеленела прошлогодняя трава. Видела, как нехотя шел и причитал Кричевский:

— А если встретим кабана? А еще и волка?

А я словно испытывала его и свою судьбу и направлялась в самую гущу. Во мне разыгралась жажда острых ощущений. Мне захотелось вновь проверить себя, смогу ли противостоять опасности, кабану или волку. Хотя у нас не было ни ружья, ни пистолета, даже палки в руках! Хотела прочувствовать страх, который охватывал меня при окружении всадниками-буденовцами. А может, хотелось одним махом покончить с собой и своими муками. От сырого снега промокли ноги, руки покрылись липкой смолой от прикосновения к стволам. Но вот деревья расступились, и мы оказались на поляне, где из снега торчал рог. Я подошла и потянула за костный отросток, но он не поддавался. Принялась разгребать снег, и один за другим показались другие отростки огромных рогов оленя, сцепленных с рогами другого животного.

— Вот это да! — посмотрела на Георгия.

Он еле-еле выдернул из снега метровые рога:

— Здесь легли два оленя...

— Как?

— Видишь, рога сцепились, и олени уже не могли разойтись и погибли...

Я разглядывала рога и представила схватку особей на лесной поляне. Угрожая, они били в стволы деревьев, ломали кусты. Устремились друг на друга, с сухим стуком сшиблись. Толкали, пытаясь сдвинуть. Зацепились рогами, тащили каждый другого за собой, надеясь оторваться или свалить противника. Наседали всюю мощью тела. Мотали головами, стремясь выдернуть рога и расцепиться. Обессилев, пали на колени. Снова поднимались и рвались на исходе сил. Легли на брюхо. Более сильный тащил более слабого. Еще живой тянул уже мертвого. И вот оба замерли на пустыре.

У меня перехватило дыхание.

— Бились из-за оленихи...

«Новиков бился с красными... Кричевский с Новиковым... Ни один не уступал другому... Сцепились в смертельной схватке... Красные завалили белых... Кричевский хитростью взял Новикова... Их расцепило... Пока... Но неизвестно, расцепит ли навсегда». Кричевский поднял рога.

— Оставьте, — сказала я. — Пусть они останутся здесь, где произошла эта драма. Это гораздо важнее, нежели ими украсит прихожую в квартире. Здесь совершилось все, здесь им и лежать...

Я долго находилась под впечатлением, представляя оленей и думая: на самом деле не так уж миролюбива природа. Она тоже может показать свой звериный оскал. Жизнь лесных обитателей так же сурова, как и жителей городов и деревень.

### 30

Пришел 1931 год. По улицам зачастили машины. Они подъезжали к домам, в которых жили бывшие смоленцы, к зданиям институтов и контор, где работали бывшие офицеры. Из управления Союзхлеба вывели Мыльцева-Минашкина, из отдела уголовного розыска — Королева и Златоустова, со спиртоводочного завода — Косцова, из ветеринарного института — Веселаго, из дома на улице Батуриной — Флигерта, из университета — Шнейдера, из фтизиатрического института — Чмыхова. У штаба армейского корпуса взяли комбрига Натана и его помощника Лебедева. Всех под конвоем сопровождали в печально известный двор ОГПУ. По Воронежу поползли слухи о новом чекистском деле военруков, бывших белых офицеров и им сочувствующих.

Моя жизнь дала очередную трещину: Георгий снова мялся в коридоре, снова заставили собираться при чекистах, снова везли и ничего не объясняли, снова втолкнули в сырую камеру, снова прятала брошь.

— На бесплатное иждивение в ГПУ? — спросила меня соседка по камере.

— Уж лучше без него... — ответила я.

В десять часов вечера меня вывели в коридор. Спереди замелькала красная шея конвоира, сзади наган, направленный на меня другим охранником. Длинные темные коридоры, широкая лестница на третий этаж, яркий свет в каком-то зале, закрытая дверь в кабинет. И...

— Стучи! — гаркнул сзади конвоир.

Постучала.

— Да, да! — послышался металлический голос из кабинета.

Открыла дверь. Я не ожидала увидеть Карклиса.

— Вас, что, перевели из Киева? — у меня запершило в горле.

— Проходи... — сказал Карклис и добавил: — Прислали на укрепление...

Мне вспомнились верхние этажи киевской чрезвычайки. Десять лет изменили чекиста: он постарел, лицо отекло, тяжело смотрели глаза. Он встретил меня озлобленно:

— Ну что, не набегалась?

— Что вы имеете в виду?

— Ведь говорил тебе: брось Новикова...

— Я бросила, — почему-то сказала и добавила: — И потом пожалела.

— За смелость уважаю. Не могу понять, зачем ты взялась за старое?

— Как, за старое?

— Хочешь снова водить нас за нос...

Вспомнила, как пыталась провести Карклиса, а он уже знал, что буденовской части, под видом которой шли смоленцы, не было; его едкие слова: «Думала, будешь танцевать на балах и ездить в каретах?» — и замотала головой.

При допросе я узнала: смоленцев взяли за связь с Новиковым. Чекистам мерещился офицерский заговор. Выясняли о моих встречах с Вячеславом Митрофановичем. Я не скрывала своего восхищения им.

Мысли, что Иринка останется сиротой, так и не впитав любви матери, не взяв все лучшее от деда Василия Алексеевича, бабушки Марии Адольфовны, угнетали. Я не знала, останется ли в живых Кричевский — ее отец, тоже арестованный. Что будет со мной. Мне было трудно судить об этом.

Холодным душем на голову окатило известие. Карклис сказал:

— Для твоей пользы, Ольга Алмазова, надо попилить сосны да елки, да тачку покатаь. Пятилетку-то надо кому-нибудь выполнять. Не всякому выпадет такая честь...

— Меня не расстреляют?

— Знаем, кого надо расстреливать, а кого перековывать. В «могилевскую» губернию поедут другие. А тебя — на рытье каналов!

— Кричевский? — спросила я, вспомнив об арестованном муже.

— Он уже с дочкой нянчится.

— Его освободили?..

Мне объявили три года лагерей.

В первые минуты после этого я широко открыла рот и не могла надышаться воздухом! Как чумная слонялась, не веря, что мне дарована жизнь и я могу еще видеть небо, пусть и в клеточку, траву, пусть и за колючей проволокой, слышать пение птиц, хоть и за толстенной стеной, могу кого-то обнять, к кому-то прижаться, могу радоваться, огорчаться, мыслить, в конце концов, откусить краюху хлеба... Могу... Могу... И у меня еще не отнято мое последнее «могу»...

### 31

С первым этапом меня отправили в Беломоро-Балтийский лагерь (как говорили, БелБалтЛag), на станцию Медвежья Гора. Каким глумлением теперь звучали слова Карклиса: «Для твоей пользы, Ольга Алмазова, надо попилить сосны да елки, да тачку покатать... Не всякому выпадет такая честь...» Выпавшая честь становилась тяжелее расстрела. Я бы вряд ли смогла надрываться с тачкой, если бы меня не перевели в медпункт санитаркой. Сразу после прибытия в лагерь я получила письмо от Кричевского:

«Оля! У нас все хорошо... Ира учится в школе... Ходит еще в музыкальную... Я тружусь в строительной конторе... Хлопочу о твоем освобождении и думаю: хлопоты дадут свой результат...»

— Да неужели?! — вырвалось из меня, готовой перелететь на севере тайгу, тундру и достичь Ледовитого океана, на юге леса и степи и достигнуть Воронежа.

Я не могла поверить, что смогу отсюда выбраться. Я разрыдалась и весь вечер корила себя за невнимание к Георгию, который не покладая рук хлопотал обо мне, а я была к нему бессердечна. Черт с ней, с моей любовью! Человек делает столько доброго, а ты никак не растопишь своего «ледника». Любовь не только страстное чувство, обожание. Любовь — это и тихая благодарная волна. И я дала себе зарок, что больше никогда не позволю себе обдать холодом Георгия.

А Новикова? Он все равно владел тайниками моего сердца.

Я взялась за ручку и написала домой:

«Жду... Верю... Люблю...»

Однажды мимо окон медпункта проплыла седая голова мужчины.

— Королев? — я выскочила на крыльцо.

— Алмазова?.. — седой подался в сторону.

— Как вы изменились...

— Я не Королев, — сделал шаг, а потом повернулся. — Что вам угодно?

— Как Мыльцев? Остальные? — я сбежала с крыльца.

— Мыльцев-Минашкин?

Теперь разговорились, и я узнала, что Мыльцев-Минашкин получил десять лет лагерей, такой же срок у Лебедева, Косцова, Флигерта, а вот что с Веселаго, Шнейдером, он сообщить ничего не мог.

— Чмыхов?

— Сын городского головы?  
— Да, да...  
— Не знаю. Если хотите узнать о Златоустове, то тоже ничего не ведаю,  
— сказал резко.  
— А как Медвежье?  
— Я уже год в Новоживотинном не появлялся, не говоря уже о Медвежье-  
ем.  
— Видите, я снова по медицинской части! Как когда-то в Смоленском пол-  
ку сестрой милосердия...  
— Не надо про Смоленский полк...  
— Заходите, если понадобится...  
— Ольга Васильевна! И мне, и вам лучше будет, если ни я вам, ни вы мне  
никогда не понадобится.  
Сказал и заспешил к вывернувшей из-за барака поющей колонне.

Хотя того и не хотел Королев, но мы с ним встретились. 11 ноября 1931  
года в медпункт вбежал заключенный:

— Быстрее на лесоповал... Там деревом придавило...

Мы с фельдшером поспешили к делянке, где валили лес. Бежали мимо  
топкого болота и думали: «Успеем ли? Что там? Кого?» Когда подбегали к узкой  
просеке, увидели заключенных, которые приподнимали березу и кого-то вы-  
таскивали из-под ствола. Перешагнув старые сучья, я подскочила к лежащему  
и замерла: на мху с пробитой головой ворочался Королев. Из головы сочилась  
кровь, седину прочертило несколько ссадин, под глазами багровели точечные  
раны. Достала бинт и стала быстро перематывать голову:

— Все заживет... Вас не взяла пуля на Дону, в Северной Таврии... И сейчас  
все уладится...

Королев делал слабые движения пальцами. По всему было видно, что  
жизнь покидает его.

Рядом десятник рассказывал конвоиру:

— Мы пилили-пилили. Береза не поддавалась. Мы поднатужились и пова-  
лили... Она с шумом падала... И тут раздался крик... Подскочили, а под дере-  
вом он... Фельдшера позвали... И раны, видите, как от веток, — пытался что-то  
доказать.

В стороне торчал пенек от березы.

«А что делал здесь Королев? У него не было пилы. И пильщиков, с которы-  
ми он валил деревья, не видно».

На следующий день из управления лагерей приехал следователь. Долго  
таскал к себе пильщиков, а потом объявил, что Королев погиб в результате не-  
счастливого случая. Королева, как и других, умерших от цинги, надорвавшихся  
на работах, замерзших от холода, сгинувших от истощения, вынесли за ворота  
лагеря и уложили на опушке под пласт мха.



Мне довелось присутствовать при том, как свалили лесного исполина. Сосну подпилили со всех сторон полутораметровой пилой, но она стояла и не падала. Пильщики потели, с опаской поглядывая на высоту, где ветер трепал пушистую крону. Такое продолжалось до тех пор, пока не раздался треск, ствол вздрогнул, качнулся в сторону и с гудением повалился на землю. Шум глухим лесным эхом покотился по тайге. Все кинулись к огромному пню, который не могли обхватить даже трое. На пне насчитали пятьсот двадцать годовых колец.

— Ура! — загремело над лесом.

От восторга стреляла в воздух охрана. Прыгали заключенные, одетые в телогрейки. Словно совершилось какое-то чудо, важное событие, которое не могло остаться незамеченным. В день, когда рухнул исполин, мне сообщили, что срок моего заключения сокращен до полутора лет. Быстро тянулись недели, месяцы лагерной жизни, но медленно ползли последние дни. Когда срок приближался к концу — как говорили, «звонку», — я без всяких иллюзий готовилась встретить свободу и смутно представляла, что меня ждет.

Меня выпустили 14 января 1933 года.

Ехала в поезде, полуденное солнце выкатилось из-за холмов и играло на лицах пассажиров, листе деревьев. Я лежала на верхней полке и вовсе не думала о тех, кто остался в лагере, о том, почему меня выпустили, а другим такое не выпало, — я просто лежала. Мне очень хотелось есть, но я терпела. На станциях продавали только полугнилые соленые огурцы по рублю за штуку. Хлеба и других продуктов нигде нельзя было достать. Бабуля из нашего купе сжалилась надо мной и обменяла мне буханку на так долго хранимую мною брошь. Что ж, приходилось расставаться с самым дорогим. Буханка поддерживала меня до самого Воронежа.

## 32

Еще поезд выворачивал к вокзалу, когда я увидела Георгия с Иринкой за ручку — косички дочери бились о воротник заячьей шубки, Василия Алексеевича с Марией Адольфовной у ограды, братьев с радостными лицами. Они вернулись из ссылки. Бывают минуты, которые силой своего воздействия сравнимы с лавинами с гор, со вспышками на солнце. Я, вся в слезах, словно падая с непостижимой высоты, свалилась в руки Кричевского, братьев, мамы, отца. Меня, как долгожданную реликвию, понесли к выходу с перрона. Мне не надо было больше ничего. Ни белых, ни красных, ни толстовцев, ни большевиков, ни Ленина, ни Сталина, ни Деникина, ни Врангеля, ни Новикова. Я вернулась в родной город, счастливая, что жива, очумелая, что свободна.

Кто-то проходил мимо и говорил: «Замарашка», кто-то: «До чего довели». Слышала и не улавливала смысла слов, заглушаемых внутренней канонадой: «Я до-ма! До-ма!»

Кричевский не мог нарадоваться:

— Вот теперь заживем!  
— А скажи, Георгий, почему меня выпустили так рано?  
— Я же писал, что хлопочу о тебе...  
— Но, я думаю, о многих хлопотали...  
— Я же тебе говорил, что я дружен...  
— Выходит, ты к делу смоленцев тоже приложил руку?  
— Нет, Ольга! К этому делу я руку не прилагал. Но что касается тебя, они пошли мне навстречу...

— Прости, я не хотела тебя обидеть, — проговорила через силу. — Я вижу, ты боролся за семью...

— Наконец-то ты оценила!

Он упал передо мной на колени. Я трепала его шевелюру. А во мне боролись два чувства: одно — признательности за свою свободу, может, и жизнь, второе — горечи от низости, благодаря которой получено освобождение.

Однажды я наведальась к родителям. Хотела завести разговор об их ссылке, но Василий Алексеевич обрубил:

— Оля, мы дали подписку... Зачем еще неприятности... Да и тебе это ни к чему... Меньше знаешь — крепче спишь... Вот только я смотрю на тебя и... Ты продолжаешь таять на глазах... Все никак не придешь в себя... Может, вам с Георгием поехать отдохнуть?

Возвращаясь от родителей, я поднималась по узкой улочке между деревянных, частью каменных домов и услышала, как меня окликнули:

— Ольга Алмазова! Это вы?

Из-за штaketника махала рукой Новоскольцева. Я узнала жену Флигерта.

— Вы вернулись? — спросила она.

— Уже третью неделю...

— Вы ничего не слышали о моем муже?

— Королев говорил, что ему дали десять лет...

— Это мы знаем. А где он, что он? У него ведь со здоровьем...

— А он не пишет?

— Ох, пишет не пишет. Меня обманул Карклис. Сказал, что лучше с мужем развестись. Иначе меня ждут неприятности. И это отразится на детях... Я и подала на развод... А теперь, кто я ему?..

Дочь бывшего землянского главы искала мужа. Я тоже, несмотря ни на что, почему-то ждала своего венчанного супруга, который тоже молчал.

Вечером, когда занималась с Иринкой французским языком (надо было наверстывать упущенное), к нам позвонили. Дверь открыл Кричевский и сказал:

— К тебе Королева...

— Я жена... — в прихожей стояла тучная веснушчатая женщина. — Мне сказали, что вы вернулись из лагеря и там виделись с мужем. Я ничего не могу понять. В конце года (я поняла, 1932-го) мне прислали письмо, что он погиб...

— Проходите, — пригласила в гостиную. — А ты, доча, иди к себе и повтори произношение. Тетя уйдет, и мы с тобой продолжим.

— Может, вышла ошибка, — Королева присела к столу. — Ведь он мне в октябре 31-го писал, подал жалобу прокурору республики...

Хотелось утаить обстоятельства смерти Королева, но сообщение о жалобе прояснило: писал прокурору. А как рисковали жалобщики, рассказывать мне не надо было. От них избавлялись при первом удобном случае, подговаривали осужденных, определяли на самые тяжелые работы, которые они не выдерживали, отказывали в лечении, питании, от чего те умирали.

Я рассказала, как придавило Лазаря Ивановича березой, и высказала сомнения в случайности происшедшего.

— Убили! Гады! — вырвалось из женщины. — Я так и знала! Он всегда был неугоден! Новикову в Смоленском полку! Начальнику в уголовном розыске!

— Почему Новикову?

— А почему он бежал, когда вы дошли до польской границы?

— Потому что сдали силы...

— А, силы?! Да он был лучше Новикова! Он от него избавился. Прогнал...

— Успокойтесь! Я там сама была. И все на моих глазах...

— Что-то подозрительно, что на польской границе на ваших глазах, в лагере на ваших... У, сучка! — приподнялась из-за стола.

— Что?! — меня всколыхнуло.

Георгий успел схватить меня, иначе бы... Он держал и умолял:

— Уходите! Уходите прочь! Чтобы вашей ноги...

Жена Королева попятилась. Набрасывая платок, выскочила из подъезда, оставив меня в жутком состоянии.

Меня обозвали словом, которое я не могла уместить в своем сознании. Сравнили со шлюхой, с продажной женщиной, с убийцей. Я не находила себе места.

— Ольга, успокойтесь! Она потеряла мужа. У нее с головой не все в порядке...

— Разве мне от этого легче?

«Сучка! Сучка!» — стояло в ушах.

Новоскольцева в поисках бывшего супруга возлагала надежды на меня; Королева, от бессилия отомстить душегубам, мстила мне. Сколько еще бывших и настоящих жен смоленцев могли унижить, обидеть меня. Сколько искали со мной встречи!

Оставаться в Воронеже становилось невыносимо.

С каким облегчением услышала от Георгия:

— Мне дают путевку в Железноводск. Едем на Кавказские Минеральные Воды...

— Хоть на необитаемый остров!

Мы ехали на Северный Кавказ. Ночную дорогу до Ростова перенесла хорошо, а вот когда колеса застучали по фермам моста через Дон и я увидела Батайск, где зимовали с 19-го на 20-й, настроение вновь испортилось. Каждый бугор в камышовой степи напоминал о боях белых с красными. Вспомнилось отступление от станицы к станице, когда двигались по таявшему снегу. Тогда станичники спокойно наблюдали за отходом войск. А теперь их села напоминали вымершие поселения. Вот когда воздалось казакам за предательство белых под Касторной! Приходило на память одно, другое... Лава буденовцев устремилась на белых. Навстречу ей выдвинулась конная сотня смоленцев. Атаковала лаву и отошла. С колокольни кричали: «Лава слева... Лава справа...» Минута, и все смешалось. Я на подводе раненых хлестала лошадей и стреляла в конников, гнавшихся за обозом. Враг приближался... Или: вдоль железнодорожного полотна валялись сброшенные с прошедших поездов трупы людей. Галки всполошенно взмывали в небо и опускались на прежнее место...

— Ольга! Вы снова в прежних думках? — осторожно спросил Кричевский.

— Воспоминание может стать смыслом жизни...

— Оно тянет в никуда...

— Но это никуда может быть важнее всего остального...

Мы добрались до Железноводска. Как-то, гуляя вокруг горы Железной, я заметила, что Георгий взялся за левую сторону груди.

— Что с тобой?

— Жжет...

— Это сердце...

Последствия семейной драмы Кричевских — кончины его брата и сестры, Первая мировая, Гражданская, аресты, переживания о дочери, о жене, которая металась между ним и Новиковым, давали о себе знать. Его здоровье пошатнулось.

После моего освобождения наши отношения изменились, их наполнила забота друг о друге. Пусть мы и не жили душа в душу, но прежнее неприятие как бы ушло.

Частые туманы и облачность Железноводска отрицательно действовали на здоровье Георгия, и мы уехали в Кисловодск. Туда если и заносило облака, то редко: они лезли из ущелья в город только во второй половине дня. Последние дни отдыха на Кавказских Минеральных Водах протекли в атмосфере легкости и умиления, как когда-то безмятежно пролетела ранняя юность, когда я девчонкой гуляла по воронежским паркам и аллеям в Ерофеевке.

Когда на обратном пути подъезжали к Ростову, в груди сильно застучало: Дон! Дон! Заблестела рябь. Склон плотно усыпан бисером домов, заводов, фабрик, базаров.

Подумала: «Сколько писем слала сюда Новикову и не получила ответа».

Город хранил тайну, которую я не могла разгадать, тайну, возможно связанную со сном в ночь на 3 марта 1930 года. Неужели «Гротский» был здесь? Неужели его схватили? Неужели он бежал? Неужели его пыталась спасти женщина? Кто была эта женщина?

Меня тяжелила жизнь в Воронеже, и я заговорила о переезде в другой город. Василий Алексеевич уже не отговаривал от отъезда, как поступил в 19-м, когда я собиралась бежать к белым. Мама тоже сказала: «Поступай, как тебе лучше». Братья боялись оказаться плохими советчиками. Два месяца рассматривался вопрос о переводе Кричевского. Сначала предложили место в Орле, но кто-то опередил, потом в Нижнем Новгороде, но оно оказалось временным, затем — на строительстве Магнитогорска. Проводы прошли сдержанно: без слез, без бурных расставаний. По очереди прижались ко мне братья, мама, отец. Все понимали, что нам надо уезжать, иначе бы еще больше осложнилась жизнь их самих и дочери. Что бы я ни говорила о Георгии — он оказался более дальновидным, и его выбор Магнитогорска отвел от нас много бед.

А отец в Воронеже снова угодил в застенки. Я сразу приехала в Воронеж, но толком добиться ничего не смогла. Пришли плохие вести о Русановых. Сергей Гаврилович работал в Уштобе главным врачом, Ольга Адольфовна хозяйничала по дому, мальчики пошли в школу. Но вот в Турксибе началось. Сергей Гаврилович выбивался из сил, ругал медсестер за антисанитарию. Повторял: «Вспыхнет эпидемия!» А ему припомнили: «Какая эпидемия? Это наговор на советскую власть!» А он к тому же бывший дворянин... Следом взяли Ольгу Адольфовну. Мальчики оказались в интернате.

Я оставила маму в Воронеже на попечении братьев и собралась назад в Магнитогорск. Проезжая через столицу, заглянула на Старопименовский переулок. С горечью узнала от соседей, что арестовали Новикову Наташу, ее мать, что муж Наташи так и не появился после ареста в 28-м. В их квартире теперь жил следователь НКВД.

Пришла к Александровскому вокзалу, где когда-то в ресторане встречалась с Новиковым, но зайти под расписные своды не хватило духу; собралась в Малаховку — но что-то остановило около билетных касс. Когда-то приветливая Москва теперь меня выталкивала.

«Ольга Васильевна! Уезжайте! Уезжайте скорей!» — звучало в ушах.

До сих пор я ничего знала о Новикове. Все попытки выяснить, где он, что он, ни к чему не приводили. В газетах его фамилия уже не звучала. Знакомые при одном упоминании его имени предпочитали сразу замолчать. А наводить справки по официальным каналам посчитала глупостью. Первый же вопрос: «А кем вы приходитеесь Новикову?» — лишал меня такой возможности.

Какая тесная земля! Я встретила Ковалевского в Магнитогорске.

— Так вот меня взяли в Анапе. И теперь здесь отбываю срок. А Вячеслава Митрофановича — в Ростове, — заканчивал рассказ Ковалевский.

— У вашей сестры?

— Вероятно...

— Выходит, сон был вещим! И Новикова арестовали...

Мы сидели на скамейке в березках, Ковалевский кутался в фуфайку, а мне было жарко в осеннем пальто. Вдали дымили огромные печи, заволакивая горизонт густой хмарью и осыпая снег серой сульфиткой.

— Скажите, а что с Новиковым?

— Вот это мне неизвестно...

— А вам ни о чем не говорит ночь на 3 марта 1930 года?

— Нет, а что?...

— Да так... А как вы узнали, что я в Магнитогорске? Ведь у меня другая фамилия...

— Такую, как вы, не утаишь... Я и подошел к Кричевскому, когда встретил его в карьере. Здесь ничего предсудительного нет...

Выходило, Новиков оказался в руках чекистов. И возникал вопрос: «Вывался ли он?» Мне вспомнился сон с женщиной, которая преследовала машину с «Гротским» и пыталась его утащить.

Меня поражал энтузиазм, с которым Георгий стремился сделать как можно больше. Он словно куда-то спешил. И хотя в глубине души я не одобряла его поступков, но предпочитала не вмешиваться. Но когда он вернулся с работы и сказал: «Меня посылают в Кексгольм». — «Куда?» — не поняла я. — «Город на Ладожском озере». — «Зачем?» — «На строительство оборонительных сооружений», я воспротивилась:

— У тебя брони! И ты еще куда-то лезешь!

— Я обязан быть там, где труднее всего!

Подобное уже слышала от Новикова и знала, чем это кончается. И подумала: «Как они похожи».

— Где будет учиться музыке твоя дочь? — пыталась надавить на отеческие струнки.

— Где и все!

Ответ настолько меня озадачил, что в первую секунду я не могла понять: Кричевский передо мной или нет? Георгий ли, который превыше всего ставил интересы семьи? Или он «перековался» и вместо семьи на первое место вышло другое.

Как Новиков в Ялте!

Чем дальше, тем больше Кричевский походил на Вячеслава Митрофановича, он словно стремился подражать ему. Мне ничего не оставалось, как паковать вещи.

В Кексгольме музыкальной школы не оказалось, и с музыкальным образованием дочери пришлось повременить. Его мы компенсировали частыми поездками в Ленинград, бывший Петроград, где посещали музеи, театры, концертные залы, в город, поразивший размахом, каналами и промозглой погодой. Дочь заканчивала десятилетку и много занималась. Георгий сутками пропадал в карельской тайге, где в срочном порядке, невзирая ни на дождь, ни на снег, ни на мороз, возводились укрепления.

В редкие дни, когда он приезжал домой, я старалась вдохнуть в него силы, которые таяли на глазах. Он все чаще держался за бок, лежал на спине, задышался — я массировала ему грудь, растирала под лопаткой, пока боль не отпускала. Но после каждого приступа он, как одержимый, уезжал в тайгу.

Однажды его привезли и оставили дома. Он еле-еле снял с себя тулуп, стянул сапоги.

- Георгий, остепенись! — не выдержала я.
- Нет, Оля, я уже не могу.
- Почему?
- Новиков достиг своей звезды. И я достигну!
- Какой еще звезды?!
- Командир полка! Белогвардейский генерал!
- Сумасшедший!

По его бледному лицу поплыла улыбка. И он стал медленно опускаться. Ноги и руки у него задрожали, голова задергалась. Я попыталась его подхватить, но он неестественно присел, поджав под себя левую ногу, затем потянулся и упал. Руки его беспомощно двигались в воздухе. Подбородок странно отвис, рот раскрылся, и из горла вырвались хрипы.

— Папа! Папа! — вбежала дочь.

Мы перенесли его на диван, вдыхали в рот воздух, стучали по щекам, вливали капли Зеленина, совали таблетки нитроглицерина.

Прибежал зачуханный врач и констатировал смерть. Не веря его словам, я щупала на холодеющей руке пульс.

В свои тридцать восемь я снова осталась без мужа.

Георгий покинул нас в январе 1941 года. На кладбище у замерзшего озера в окружении фанерных дощечек на столбиках появился деревянный конус со звездочкой и краткой надписью: «Кричевский... (...189.. — 17.01.1941)».

Отныне считала себя виноватой и перед Георгием: не одарила его счастьем, которым могла одарить; стремилась к другому, а того носило по белому свету; обделила счастьем себя, мечтая о несбыточном; посеяла зерна раздвоенности в душе дочери. Стоило о чем сожалеть. Но если не было тайны в том, где нашел вечный приют второй муж, то местонахождение первого было покрыто неизвестностью. Он мог бежать из ростовской Лубянки и скрываться в лесах Черкессии, Псковщины, Урала, Сибири; а мог и покоиться в братской

могиле без надгробного памятника, как мой дед, только не в яблоневоm саду, а на каком-нибудь пустыре или в овраге.

Я списалась с мамой и узнала, что отец не вернулся. Младший брат Алексей подался на Западную Украину, которая перешла к Советам от Польши. Зачем подался? Может, тоже возмечтал о деле? Захотел покорить свой Эверест, раскрыться, чего не позволял ему Воронеж. А я собралась во Владивосток, где в оркестре Тихоокеанского флота дирижировал муж моей дочери. Вскоре после смерти отца Ирина встретила на Васильевском острове красавца-курсанта и по уши влюбилась. Не прошло и месяца, как она укатила за ним в Приморье, как ее мать в 19-м за Новиковым.

### 35

Известие о начале войны спутало планы. Казалось, буденовцы в одночасье прогонят немцев, как когда-то смели белых в Черное море. Но стоило появиться сообщениям о захвате германцами городов и целых областей, я поехала в Воронеж за мамой. Сергей ушел с ополчением на фронт. С первых дней войны я невольно думала о белогвардейцах, которые уплыли за море. Ведь Новиков говорил об их интервенции. Спрашивала, как поведут себя при нападении немцев? До меня доходили слухи, что кто-то из белых сражался в Югославии, и не исключено, что среди них могли оказаться Шкуро, Бузун, другие офицеры. Там мог очутиться и Вячеслав Митрофанович, если вырвался из лап ЧК. И с замиранием сердца представляла, что вдруг раздастся цокот копыт и к окну подлетит белокурый всадник на гнедом, с прозвездиной на лбу коне.

Вот бы!

Вести о приближении фронта наводнили Воронеж. Всех, кто говорил: «Бегите! Немцы идут», — ловили, как паникеров, и сдавали. Но вот стали звонить по всем телефонам и кричать: «Уходите, город эвакуируется!» Звонивших тоже сначала ловили и сдавали. Но потом по радио объявили: «Город эвакуируется». И люди хлынули на мост через реку. Мы с мамой двигались в людском потоке, который напоминал отход белых к Касторной. Только теперь в потоке было мало лошадей и повозок, а все больше люди передвигались пешими, набросив на спину мешок с самым необходимым. И двигались в другом направлении. Когда переходили реку, появились самолеты с крестами. Зенитки не подпускали их к мосту. С неба полетела черная россыпь и взметнулась над землей копотью и грохотом взрывов. Люди кинулись в овраги. Послышались стоны. Моя рука прижалась к левому боку, где когда-то висела санитарная сумка.

— Держись за меня... — потащила слабевшую маму.

Давал о себе знать ее преклонный возраст и испытания последних лет. Над людским потоком на всю степную даль поднимался шлейф пыли, выдававший исход воронежцев и наводивший на них авиацию. Двигаться становилось труднее. Ноги гудели. Голову пекло от жары. Пока перебирались от одного хутора до другого, нещадно томило от жажды. Иногда нам везло, и нас сажали



на повозки. Десять верст проехали на грузовике, спешившем за летчиками в Борисоглебск.

Когда Мария Адольфовна увидела высокую колокольню церкви в Архангельском, то воскликнула:

— Оля! Моя душа не находит себе места... Я оставила твоего отца, а ведь мы никогда не разлучались надолго, разве что когда его посадили в тюрьму. Ступай к бабушке, и пусть отслужит молебен за его здравие...

Я поспешила к церкви. Но вскоре вернулась:

— Мама! Там колхозный склад...

Почему я не солгала, не сказала маме, что заказала молебен, не вдохнула в нее сил? Почему? Впереди стелились изумрудные заливные луга. Вдоль щетины ольхового леса с прожилками березовых рощиц, дубрав и сосняков выгнулось русло реки.

— Какая красота! Как хочется, чтобы все это увидел... — произнесла мама и недовыговорила кто.

Ее ноги подкосились. С шипящим звуком «Васи...» упала, покатила со склона, разбрасывая по сторонам руки. Я недосмотрела за мамой, как недосмотрела за многими моими близкими. Я снова была виновна в смерти!

...Мамин холмик рыжел свежей глиной над поймой заповедной реки. Ветром долго не могло задуть пламя свечи, оно сопротивлялось и трепетало. А когда задуло, я одиноко тронулась на восток с двумя котомками — маминной и своей. Мне не хотелось жить, не хотелось дышать, не хотелось пить, не хотелось слышать, слушать, видеть, ощущать, мне ничего не хотелось. А ноги шли, проваливаясь в топкие кочки на луговине, спотыкаясь о шишки, разбросанные под соснами, ломая сучья под осинами. А руки держали две лямки, оберегая последнюю реликвию Марии Адольфовны, папиной Маши, моей незабвенной мамы. В глазах плавал растворенный в тумане жестокий мир. В Борисоглебске больную, изможденную, обессилевшую беженку подобрали военные и поместили в госпиталь, и это спасло меня.

## 36

И вот вдовой, хотя вдовство с первым мужем оставалось под вопросом, сиротой, а сиротство тоже еще следовало установить — жив отец или нет? — добралась до порта на берегу Амурского залива. Дочь встретила меня прокладно.

«Небось уже похоронила, — подумалось мне. — Почему она такая нечуткая?»

Ирина строила свою семейную жизнь и в помощи матери не нуждалась. А мне предстояло дальше жить, о чем-то думать, что-то предпринимать. Я устроилась в воинскую часть экономистом, вселилась в комнату в общежитии и все свободное время старалась проводить на берегу залива. Вглядываясь в даль Японского моря, ведя разговоры с плывущими кораблями о Кексгольме

(его захватили немцы), Ялте (там были спрятаны документы Смоленского полка и дневники), станции Медвежья гора (там начинался Беломоро-Балтийский канал), Железноводске, Медвежьем, я перемещалась по уголкам своего прощлого. Мне было о чем поговорить с кораблями — такими же, как я, скитальцами, такими же потрепанными, такими же одинокими. И у всех у них, также с ржавыми днищами, с дребезжащими машинами, согнутыми винтами, порванными парусами, оставалась надежда когда-то достичь своей мечты.

«Если они не теряли веру, несмотря ни на бури, ни на штормы, то почему должна потерять ее я?» — спрашивала я себя.

И не знала, какая сила поддерживала меня.

Война обошла меня стороной. Но если бы я оказалась на передовой, не знаю, с таким ли упорством стреляла бы в немцев, как в буденовцев в 19-м. А если бы на другой стороне линии фронта залегли белогвардейские части, что тогда? Но, слава Богу, о пребывании белых ни от кого не слышала. Белые дрались с партизанами в горах Черногории, Сербии, это было далеко на Балканах. А если все-таки случилось бы так, что у меня на мушке оказался Новиков, разве нажала бы курок? Что вы!.. Скажете: побежала бы через линию фронта к нему. В 19-м побежала, побежала бы в 26-м, 31-м, но в 41-м, 42-м, 43-м, 44-м, 45-м вряд ли.

После взятия Берлина стремительно пронеслась война с Японией. Страна восходящего солнца капитулировала. Жизнь входила в мирное русло. Мой брат Сергей вернулся с фронта и обосновался в Туле. Обзавелся семьей и в Воронеже не появлялся. Я долгое время искала младшего брата Алексея. Сначала мне сообщили, что Алексей пропал без вести. Но позже узнала, что он партизанил в Карпатах, вдвоем с пулеметчиком прикрывал отход колонны с ранеными и погиб. А дочь с мужем и я обосновались на берегу Тихого океана. Вот как разметало Алмазовых.

Приходили вести о когда-то уплывших за границу добровольцах. Англичане выдали казаков и белых офицеров. Их постигла тяжелая участь: кого сразу отправили в расход, кого сослали в лагеря. Шкуро судили и приговорили к повешению. Так и подмывало сказать: «А, Андрей Григорьевич! (Так звали Шкуро.) Поделом вам. Не опрокинули буденовцев под Касторной. Спасовали. И вот завершили путь не на белом коне в парадной колонне победителей, а на перекладине в петле». Его повесили на тонкой веревке. Но что-то глубоко личное мешало произнести такое. Было жалко всех тех, кто в нелегкую минуту заблудился в степных просторах.

Ничто так не сближает женщин, как общее горе. Жены смоленцев перезнакомились, обивая пороги в чрезвычайках, у ворот тюрем и лагерей. Так уж получилось, что я теперь общалась с женами Мыльцева-Минашкина, Веселаго, Косцова, Флигерта — Новоскольцевой.

От Косцовой узнала, что ее муж освободился, но попал в оккупацию. В 42-м немцы вывозили его в Харьков, в июне 43-го — в Днепропетровск, затем в Кривой Рог, а в декабре 43-го — в Германию. После освобождения американцами его выдали, и он проходил фильтрацию.

Мыльцеву-Минашкину, грозя выселить из квартиры, заставили расторгнуть брак с мужем, и она вернула себе девичью фамилию Ровенская. Теперь тщетно писала в Нарымский край, куда более десяти лет назад этапировали супруга.

Веселаго пыталась попасть на прием в Москву.

У всех я оказалась как бы подругой, в то время как сама не могла найти ни своего отца, ни первого мужа.

В хлопотах и глухом напряжении летело время. Дочь Ирина не одобряла моих поездок в Воронеж и выговаривала:

— Не пора ли остановиться? Все равно ничего не добьешься...

Зять нервничал:

— Ольга Васильевна! К чему вам ворошить прошлое... Это может отразиться на моей карьере...

Я соглашалась, но относилась к их нервозности больше к тому, что у них не было отдушины — детей, и каждый год во время отпуска ехала в город моей юности.

### 37

После смерти Сталина полетели головы с его окружения, и многие, попавшие в опалу при нем, воспрянули духом. Запестрели сообщения о закрытии лагерей и о возвращении из ссылок. Жены смоленцев и оставшиеся в живых однополчане с новым упорством принялись хлопотать. Одних это изматывало и забирало последние силы, других окрыляло. После писем Косцова, жен Веселаго, Мыльцева-Минашкина делом военруков заинтересовались. Косцова вызвали в Воронежское управление КГБ — преемника ЧК, ОГПУ, НКВД — и допросили о событиях двадцатисемилетней давности.

В Косцове всколыхнулись вычеркнутые из жизни годы.

— От меня следователь Лещинский требовал сказать, что из бывших офицеров Смоленского полка создана контрреволюционная организация, — прерывисто говорил Косцов, пряча вздрагивавшие руки. — Я не соглашался. Следователь ударил меня наганом по голове... Меня пустили на «конвейер»... Пять суток допрашивали... Под охраной везли на грузовике по городу... Сажали обратно в камеру, отложив расстрел до утра... После этого я подписал написанный следователем протокол... А теперь, — руки старика запрыгали, — желаю заявить, что я хочу умереть без грязного пятна в моей биографии...

Косцов плакал. Допрашивали Лебедева.

— Мне вдалбливали, что любую организацию из белых офицеров и попов следует считать контрреволюцией. С этим я не мог не согласиться. Мы догово-

рились со следователем до того, что все белогвардейские офицеры и батюшки — контрреволюционеры... Прошу восстановить мое честное имя...

Лебедев оказался практичнее Косцова:

— И вернуть мне отобранную квартиру. С семьей из трех человек мы ютимся в аварийной комнате, где потолок грозит обвалом. Дайте нормальное жилье.

Допросили Новоскольцеву.

— ...Вся вина моего мужа в том, что он был царским офицером...

Меня вызвали на допрос во Владивостоке. Что я рассказала? Ничего о заговоре не знала. О Новикове упомянула лишь вскользь — не могла же я поделиться с ними своими сокровенными мыслями. 22 октября 1958 года в трибунал Воронежского военного округа поступил протест гарнизонного прокурора о реабилитации бывших офицеров и всех проходивших по делу военруков. 26 декабря 1958 года определением окружного трибунала все были реабилитированы.

Казалось, справедливость восторжествовала: кто смыл с себя пятно заговорщика, кто улучшил жилищные условия, кто получил удовлетворение в другом, но в душе каждый понимал, что, вернись Новиков в 30-м хоть с небольшим отрядом, его бы встретили с рукоплесканием, и студенты военных кафедр с военруками-смоленцами во главе перешли бы на его сторону. Но были те, кто не дождался декабря 1958-го и не узнал о реабилитации, кто услышал про определение трибунала на смертном ложе, кто не смог пойти за справкой о восстановлении его имени в суд, кто получил справку, но не воспользовался ею.

Я отнеслась к своей реабилитации спокойно, разве что дочь и зять вздохнули облегченно: мол, отныне наша мама чиста. Что я чиста, в этом не сомневалась и прежде. Но чиста перед кем? Перед теми, кто искалечил мою жизнь? Я в таком очищении не нуждалась. Я считала скорее заслугой свое прошлое, чем пороком.

Косцов умер 23 марта 1958 года в возрасте шестидесяти восьми лет. Он не узнал о реабилитации, ушел из жизни, не сняв судимости. Его жена причитала:

— Бедняга! Не дождался...

Хотя, доживи он, мне трудно представить его реакцию. Когда был судимым, он видел впереди цель, за что бороться. А когда этой цели не стало?

Новоскольцева получила официальный документ — свидетельство о смерти мужа:

«...умер 21 октября 1934 года, отбывая наказание в лагере».

Но это ей было известно.

Жене Веселаго сообщили, что муж тоже «умер, отбывая наказание, 19 апреля 1934 года — от гнойного плеврита».

Выходило, он отбывал срок в лагере.

Сына Чмыхова — Мишну Ина Львовича — в Караганде уведомили, что «отец умер в заключении 14 февраля 1935 года от крупозного воспаления легких».

Слали письма на бланках строгой отчетности, извещали, что супруг-отец-дед умер в местах заключения от миокардита сердца, от воспаления легких, от артериосклероза сердца, перечисляя всевозможные заболевания. Мыльцевой-Минашкиной, теперь Ровенской, телеграфировали, что еще в 1931-м году мужа отправили на поселение в Нарымский край, что она и так знала... Родственники по крупицам собирали сведения о своих репрессированных родных. Но какими наивными оказались они, даже не предполагая, что за потрясения их ждут в будущем.

### 38

Наша владивостокская жизнь продолжала бы и дальше течь безлико, если бы Ирина не обрадовала рождением дочери. Я в это уже не верила, сомневаясь в способности зятя и дочери иметь детей. Внучку назвали Ольгой. Теперь Оленьку-кроху и Ольгу-бабушку можно было часто увидеть на набережной бухты Золотой Рог.

Но между дочерью и зятем пробежала кошка. Шляя попала под хвост молодому дирижеру, с цепи сорвалась дочь. И они расстались. Мы уехали в Кировскую область, где я продолжила работать экономистом на механическом заводе, а дочь — в музыкальной школе. Уже тогда внучка собиралась учиться на архитектора и теперь пропадала в библиотеке.

А смоленцы не сдавались. Мыльцева-Минашкина — Ровенская — из года в год писала:

«...мне 60 лет, и я хочу узнать: кто был мой муж? После его ареста меня преследовали. Чтобы избежать преследований, я развелась с ним и взяла девичью фамилию. Но я всегда думала о нем. Мне кажется, он был хороший человек. Скажите мне правду, что с ним?»;

«...мне 70 лет, и мне осталось не так много жить. После ареста мужа... Мне кажется, он был хороший человек. Мне осталось совсем мало жить. Скажите мне правду!».

Писала и я, надеясь выяснить, что с моим отцом, в каждом письме желая дописать фамилию Новикова. Но тщетно...

Из Кировской области мы переехали в Каменец-Подольский, это недалеко от реки Збруч, где когда-то смоленцы хотели перейти границу с Польшей. Здоровье дочери после развода пошатнулось, и врачи рекомендовали ей прикарпатский климат. Я выбивалась из сил, чтобы поднять на ноги Ирину, но болезнь прогрессировала. Вот на моих руках осталась дочь, у которой отнялись ноги. А вскоре ее не стало.

— За что и это мне? — ходила в православный храм.

— За что? — в костел.

— За что?..

Внутренний голос отвечал: за то, что бросила мать и отца и бежала с полковником, хотела ребенка от белогвардейца, опекала смоленцев, сгубила Кричевского, уморила мать, отправила в ссылку отца, забыла Медвежье. А из груди ответно рвалось: почему не бежать с полковником, когда любишь; почему не хотеть ребенка от любимого; почему не любить однополчан; почему сгубила Кричевского, а не он сам избрал такую судьбу? А мама? Папа? Забыла Медвежье?.. Нет уж, меня можно было обвинить в чем угодно, но только не в том, что я забыла родное село.

— Бабушка, — спрашивала меня внучка, — а как выглядел наш дом в Медвежьем?

— Представляешь, он лежит в белой перине! Весной вокруг цветут яблони, осенью туман застилает листву, зимой утопает в сугробах...

— А речка?

— Между бугров урчит вода...

Я не удивилась, когда свой дипломный проект она защитила по теме о дворянской усадьбе.

— Бабушка! Знаешь, какая у меня мечта? — однажды спросила.

— Какая?

— Возродить Медвежье...

### 39

Ровенская продолжала бой с властями. Не получив ответа, снова писала: «...мне 89 лет, и перед смертью хочу узнать: кто был мой муж?.. Мне осталось так мало жить! Скажите правду хоть перед смертью, что с ним?»

И ей ответили. 6 января 1988 года из Управления КГБ по Воронежской области прислали письмо: «Мыльцев-Минашкин в 1931 году был осужден к 10 годам лишения свободы, и заключение ему было заменено высылкой в Нарымский край, где он проживал в спецпоселении в селе Тогур... Западно-Сибирского края, ныне Томской области. В 1958 году он реабилитирован».

Но из этого письма она узнала, что Постановлением Управления НКВД Западно-Сибирского округа 1937 года Мыльцев-Минашкин вновь был осужден.

— Вот почему не вернулся! Вот что скрывали от меня! Его снова судили! — со стоном вырвалось из пожилой женщины.

Из послания следовало, что Мыльцев-Минашкин «осужден за антисоветскую деятельность» и что сведениями о его дальнейшей судьбе Управление КГБ по Воронежской области не располагает. Советовали обратиться в Управление КГБ по Томской области.

Полетело письмо в Томскую область. Каждый день с нетерпением она ждала ответа. Прошел месяц, она написала вновь.

«Мне 90 лет. И я должна знать, кто был мой муж. За что меня лишили мужа, отца ребенка. За что, угрожая выселением из квартиры, заставили расторгнуть

брак, строили козни в устройстве на работу. Ответьте, какая у него судьба? Я не знаю, сколько сил мне хватит, чтобы ждать?»

Еще письмо:

«Пришлите хоть фотокарточку отца! Дочь родилась в 1927 году и до сих пор его не видела».

И, как насмешка, пришел ответ о другом:

«Вы можете получить двухмесячную зарплату репрессированного Мыльцева-Минашкина по его последнему месту работы».

— Они что там, совсем свихнулись? — хотелось закричать, но ее крик вряд ли бы услышали в Томске.

К матери подключилась дочь Мыльцева-Минашкина:

«Сообщите, где работал мой отец. В архиве нет документов. Все сгорело в войну. А если мой отец приговорен к ВМН (высшая мера наказания)? Если приговор ошибочен? Что тогда? Кто ответит мне за это? Кто возместит утрату?»

Вокруг двухмесячного пособия закрутилось.

«Вам положена выплата двухмесячной зарплаты репрессированного...»

«Сообщаем сведения о последнем месте работы репрессированного...»

«Месячная зарплата репрессированного 22 руб. 50 коп...»

«Если удвоить месячную зарплату репрессированного, получится 45 рублей...»

«Деньги высланы по почте...»

45 рублей за жизнь! А что с самим человеком? Где, наконец, его фотография?

И вот 29 января 1991 года из Управления КГБ по Томской области Ровенской пришло письмо, которое оказалось самым страшным известием в ее жизни:

«Мыльцев-Минашкин 5 июля 1937 года арестован как участник контрреволюционной эсеров-монархической организации и 25 июля 1937 года Постановлением УНКВД Западно-Сибирского округа приговорен к расстрелу...»

Перед глазами Ровенской поплыли буквы: «... Приговор приведен в исполнение 27 августа 1937 года».

Ее мужа уже нет столько лет! Ее обманывали! 54 года!.. 54 года она ждала!.. И далее скупыми словами канцеляриста: «Точное место захоронения установить не представляется возможным из-за отсутствия об этом каких-либо документов. Вероятной причиной ареста явилось то, что он уже был осужден в Воронеже. Направляем единственную фотографию Мыльцева-Минашкина, хранящуюся в деле...»

Дочь обливалась слезами, разглядывая фото осунувшегося мужчины с порядковым номером заключенного на груди. Он смотрел на нее из 1937 года.

И снова за ручку:

«Вы сообщили, что привлечен в Томске по делу, сфабрикованному в Воронеже... Так расскажите, в чем же обвинялся мой отец?..»

Новый ответ:

«Более подробной информацией не располагаем...»

И неизвестно, в воронежский или томский адрес ушло последнее прижизненное письмо Ровенской:

«...А ведь было время, когда я плакала о смерти Сталина... Теперь я все узнала, и мне жаль прожитых лет...»

Про моего отца мне тоже ничего не сообщали, что наводило на мысли о расправе и над ним, когда даже не оставляли сведений о приговорах. Внучка узнала от меня о спрятанных в Ялте документах Смоленского полка и моих дневниках. Поехала в Крым — там проводили раскопки университетские археологи — и с ними нашла в скале заложенный камнями сундук. Документов полка в сундуке не оказалось, а вот мои полевые заметки лежали, завернутые в скатерть. Материя превратилась в бесформенную массу, и, когда слоями ее отделили, появились тетрадки с пожелтевшими страницами.

А почему в сундуке остались только мои дневники? Видимо, кто-то там бывал до моей внучки. Может, Новиков вывез полковые документы. Он забрал полевые документы, оставил мои, словно предугадывая, что рано или поздно там появится Ольга Алмазова.

## 40

С властями боролись дети Чмыхова, сына воронежского городского главы.

Его дочь Людмила Львовна Фирсова (девичья фамилия Чмыхова) писала из Караганды:

«Мой отец был арестован в 1931 году, работая механиком в физиатрическом институте Воронежа. Я получила известие от брата, что отец 14 февраля 1935 года умер в заключении от крупозного воспаления легких. В 1958 году отец реабилитирован. Я хочу поклониться тому месту, где оборвался жизненный путь моего отца. Сообщите, где он похоронен?»

Не дождавшись ответа, через год написала:

«...Я дочь Чмыхова и хочу поклониться тому месту, где оборвался его жизненный путь. Каждая передача по телевизору о том времени, рассказы людей, оставшихся в живых, перенесших на себе все жестокости, приводит меня в страшное душевное напряжение, будто живой отец рассказывает нам все это сам, и я окатываюсь слезами. В душе такая пустота, жалко родителей, погибших такими молодыми (мать умерла в 40 лет), да и себя жалко, ведь нас лишили всего: родителей, детства, родных мест. И ничего взамен не дали, кроме горького разочарования во всем. Очень прошу описать мне, где отбывал наказание и где похоронен мой отец».



И вот 6 июня 1989 года в Управление КГБ по Карагандинской области поступила команда:

«Дату смерти Чмыхова с 14 февраля 1935 года изменить на 21 июня 1931 года и «крупозное воспаление легких» на расстрел. Организовать встречу и объявить, что приговор о высшей мере наказания исполнен 21 июня 1931 года. Место захоронения его неизвестно, так как в те годы места захоронения лиц, приговоренных к расстрелу, на местности не фиксировались и документально не оформлялись».

16 июня 1989 года Фирсову по повестке пригласили в Управление КГБ по Карагандинской области. Что творилось на душе Людмилы Львовны, известно только ей.

Её и по повестке! Да к ней надо было ползти на коленях... Тайное становилось явным! Обманывали с гнойным плевритом, миокардитом сердца, воспалением легких, атеросклерозом сердца, крупозным воспалением легких... Обманывали... Люди, потерявшие совесть... Опричники... Что услышала Людмила Львовна?.. Живой ли вывалилась из подъезда управления...

Тогда я поняла, что всех Уманцев, Веселаго, Златоустовых, Шнейдеров, Чмыховых расстреляли еще в 1931 году. Расстреляли Наталью Новикову, ее мужа Забьяко, ее мать... Моего отца... Во мне все перевернулось... Я до последнего дня ждала тех, кого уже полвека не было в живых... А на меня волна за волной катили тяжелые известия, желая утопить жену командира Смоленского полка, проявившего чудеса храбрости на полях Полтавы, Касторной, Северной Таврии, Чонгара. И если бы не вера в себя, в моих близких, в мою копию — внучку, я бы не выдержала потока страшных новостей.

Мои знакомые сказали мне, что где-то за Воронежем поисковики проводят раскопки захоронений и нашли тела расстрелянных в 30-е годы людей. Меня это повергло в ужасное волнение. Я стала разыскивать поисковиков, но сразу найти не могла. Но вскоре мои хлопоты увенчались успехом. Однажды я собралась с силами, надела осеннее пальто и отправилась на электричке за город. Вышла на станции Сомово и повернула в Дубовку. Тихо шла мимо пионерских лагерей. А по другой стороне у домиков тянулись сосны, в чащу уходила тропа. Мне было жарко, хотя по-сентябрьски обдувало ветерком и тянуло сыростью от близкого берега реки. Дорогу мне рассказали еще в городе, и теперь надо было только с нее не сбиться. Сосны часто взметались с мшистого настила, засыпанного слоем хвои и заваленного валежником. Ноги проваливались в кочки. Сквозь кроны пробивался косой свет, зайчиками заглядывая в ложбины. Я прошла около половины версты и поняла, что уклонилась в сторону. Возвращаясь назад, вспомнила про указанную мне приметку — крест на стволе... Егото и нашла после получаса блужданий — от перекрестья тянулась лесополоса, в конце которой у холма собрались люди. Чем больше приближалась к ним, тем сильнее замедляла шаг. Они были чем-то заняты.

Седой мужчина в холщевой рубашке и выглядывавшей из-под нее тельняшке что-то поднял и опустил на бровку песочной кучи. У меня перехватило дыхание: вдоль кучи лежали черепа. Один, два, три... шесть... Кости...

Мужчина снова склонился, и я увидела в его руке еще череп — он что-то внимательно рассматривал. В затылке черепа зияла дырка. Мужчина вертел череп, пытаясь что-то выковырнуть.

— Стреляли из малокалиберного пистолета. В пазухе застряла пуля, — сказал он.

Моему взору предстала свинцовая пуля сверху челюсти.

— Это кто? — спросила я, от волнения с трудом выговаривая слова.

— Третью яму раскапываем. И в каждой...

— Вы поисковики? — схватившись за грудь, задела цепочку с камушками, но рези от нити не почувствовала.

— Как хотите, так и назовите...

Посмотрела в яму, в которой юнец разгребал сапог с торчащей костью.

— Военный, — произнес он.

Меня закачало: «Новиков... Уманец... Златоустов... Веселаго...»

В голове закружилось столько вопросов, что я не могла сосредоточиться ни на одном. Захотелось узнать все сразу: чья нога? Чей череп? Как попал сюда? Когда? И кто тот гад с пистолетом?

И вместе с тем что-то противилось: не лучше ли, чтобы промолчали. Я оперлась спиной о ствол сосны. Из земли извлекли стоптанную туфлю.

— Женский...

Молодые люди лопатами выкидывали из ямы песок. В горке костей увидела еще череп, блеснувший вставным глазом. У меня остановилось дыхание. Отдышавшись, медленно-медленно рассматривала извлеченные останки. Можно было различить ступню, ребро, ключицу. Хотелось спросить мужчину в тельняшке: «Вы не видели обрубленную плечевую кость?» Она могла оказаться моего отца. И язык не поворачивался, чтобы задать вопрос и, не дай Бог, получить утвердительный ответ. И зловеще белели черепа, один из которых сверкнул желтыми коронками.

«У моего отца коронок не было. Тем более золотых. А у кого же я их видела?»

Сползла спиной по стволу, слышала, как кто-то спросил:

— Вам плохо?

— Нет-нет, — я замотала головой.

Мне было безумно тяжело и вместе с тем небывалое облегчение растекалось по телу: «Я рядом...»

С кем? С Новиковым? С отцом?..

Смеркалось. По сосне спустилась белка и, обнюхав пространство около меня, устремилась по стволу вверх. Я не могла двигаться и только водила взглядом по тонушим в полумраке черепам, оставленным до следующего

дня поисковиками. Камнем сжало грудь, а мне было легко. Слезы давно были выплаканы. Я чувствовала, что нахожусь среди своих... Что достигла далекого края... Где-то здесь провел свою последнюю минуту жизни мой отец... И его черепом мог быть и первый... И пятый... Но не шестой — он слишком маленький... Где-то в такой же глуши мог найти свой вечный приют и Вячеслав Новиков...

Как все ужасно, холодно, противоестественно и завершающе. Так и должна была закончиться их жизнь... В лесной чаще... Среди сосен... Запаха смолы... Сырости... Шума ветра с реки... На мшистом пологее... И моя... Проваливаясь в никуда, я ощутила, как будто ко мне кто-то прилег своим телом и я с ним полетела далеко-далеко...

Новиков был арестован в Ростове-на-Дону 21 марта 1928 года и по Постановлению Коллегии ОГПУ от 3 марта 1930 года был расстрелян 4 июня 1930 года в Москве, и обо всем этом Ольга Алмазова до конца дней своих не узнала.

Внучка Ольги Васильевны теперь восстанавливает родовую усадьбу Алмазовых в Медвежьем.



**Дмитрий БОБЫЛЁВ**

## **ПИРОЖКИ СО СЧАСТЬЕМ**

### **Стихи**

\* \* \*

Дмитрий Матвееч идёт по радуге —  
Припадает на левую ногу,  
В вещмешке цветут одуванчики.  
Смотрит вниз сквозь носки сапог,  
Дивится, что внук его перерос.

А я стою, задрав голову,  
Затекая шеей:  
Там, на радуге, кто-то ходит!

Белый пух падает мне в лицо.

\* \* \*

Она скучна — что о весне писать?  
Другое дело — осени загадка:  
В сухой траве сухая стрекоза  
Устала, подчинив себя упадку.

И не весной нам хочется присесть  
И слушать, между звёздами и чаем,  
Как ветка яблоки качает, расточая  
На ледяную кровельную жесьь —

Детей — к дождям холодным приучает,  
Какие повторяются ли — Бог весть...

### **ПАМЯТНИК**

Шаги капли с дождливых крыш  
Чающим звоном заполняют уши.

Свежо под небом, в горпарке душно —  
Деревя лезут из-под коры.

В остатках полдня собака роет  
Себе добычу. Раскрылись астры.  
Лицо — усталого алебастра,  
И равнодушны глаза героя,

Когда у ног политуру пьют  
И мажут краской его одежду —  
Места для битв  
выбирал он прежде,  
Теперь уйти — никакой надежды.

А дом его был совсем не тут.

\* \* \*

*По родной стране пройду стороной,  
Как проходит косой дождь.  
В. Маяковский*

На тёмных спинах мостовых  
Он рисовал свои картины —  
Бывали улицы пустынные,  
Сверкали кожи постовых.

В его работах жил туман  
И небо низкое, кривое,  
Шел Маяковский стороною,  
Всплывал из туч Альдебаран.

Топтали утра кирзачи.  
Его полотна слишком странны.  
Сгорала осень, осиянна  
Огнём березовой свечи.

\* \* \*

В эту холодную летнюю ночь  
При звуках рождения жёлтых листьев  
От сна и вина копошащихся почв  
Мураш не замерзнет в дубраве мгlistой  
У затворённых ворот.

Рошу разбудит пожар, и к утру  
Здесь не останется прежнего мира —  
Духи лесов муравьиную грудь  
Выбрали главным ориентиром,  
Прочь уводящим народ.

То ли в насмешку, то ли в отсутствие  
Славных героев участь назначена —  
Греется рыжий тихим предчувствием,  
Усики трогает озадаченно.

Верю, что он не умрёт.

## НОЯБРЬ

По панцирю запекшейся земли  
Звенят ботинки, обретая шпоры  
Из листьев, серебрящихся в пыли.  
И ни к чему благие разговоры,

Идти в военкомат или сбежать.  
Отточен слог, карандаши и нервы.  
Свобода вырывается из плевры.  
Вдохнуть железный мир — и не дышать.

\* \* \*

Как описать колдобины дорог,  
Глазёнки васильков среди бурьяна,  
По вечерам шатающихся пьяных,  
Загар домов со стороны дворов?

Удачно сматериться мы умеем,  
Слова любви даются нам не трудно,  
Но не найти совета в словарях,  
Когда почувствуешь, как яблони немеют  
Морозом; как асфальт, рябой и скудный,  
Под каблучками нежится и млеет,  
Кусает крыши рыжая заря...

Как улицы родные описать —  
Всю эту боль — живые чудеса?

## РЫБАКИ

Здесь не шуршат зелёные хвощи,  
Касаясь шей упругих диплодочьих, —  
Здесь из глубин таинственных лещи  
Всплывают для охоты светлой ночью.

В корягах этих вороной налим  
Живёт уже сто лет, он знает сказки  
О том, как здесь ходили корабли,  
Таится от кикимориной ласки.

Здесь солнце летом очень горячо,  
Тяжёлый шмель в берёзе сладил скит.  
А вечерами на тройной крючок  
Цепляют звёзды с неба рыбаки.

\* \* \*

Испеки пирожков мне со счастьем —  
На вокзале продам пирожки.  
Их разломают на разные части  
Выпивающие мужики.

Пацанёнок покормит кошку,  
Угостятся чуть-чуть сизари —  
Это, может быть, на немножко  
Отзовется в моём *нутри*.

Знаешь, как с утра беспонтово  
Встать и видеть, что всё не так!  
Подари мне дух пирожковый —  
Слишком чашка моя пуста...

\* \* \*

А на небе горело окно,  
И дрожала звезда в штукатурке,

Всё пытаюсь в него заглянуть.  
Так таинственно было. Темно.  
Что-то ангел пытался шепнуть —  
Поворачивал ключик в шкатулке.

Мы прошли первый столбик, второй,  
Загадали: у третьего. Точно.  
Так и будет, но только не нынче.  
Всё ж осталось счастливой порой,  
Ведь пишу я теперь эти строчки.  
За зеркальным стеклом кто-то хнычет.  
Нынче ангел приснился. Седой.

\* \* \*

И это тоже жизнь была —  
Солдатик нёс кота под мышкой,  
Весна пожухлый день рвала.  
Посеяв записную книжку,

Я продолжал идти вперёд,  
Не зная, где он расположен, —  
Как забывал войну народ.  
Навстречу — чёрт, красив, ухожен...

Иди ты к чёрту! Шла весна.  
Из камуфляжа пробивались  
Обрывки девственного сна.  
Я шёл вперёд — такая малость!

И свежий лист, как чистый холст, —  
Уже кому-то предназначен, —  
Ещё не знал меня. Был холост,  
И впереди ждала удача.

\* \* \*

Когда волки выберут душу,  
отказавшись от крови,  
Когда солнце выйдет на сушу  
и вымолвит слово,  
Тогда мы узрим друг в друге  
всё то, что имеем,  
и выйдем из этого круга  
жизни, — мы станем ею.



**Дмитрий ДАРИН**

## ИСПОВЕДЬ

**Рассказ**



Деревни, как деревья, — живут по-разному. Вот иная — стоит себе красиво на берегу тёплой реки, как стройный березняк или строгий бор, — сотни лет стоит. А подрубит что-то под корень, и начинается чахнуть деревня, терять своих обитателей, скособоится, как кривая береза с отсохшими ветками, да и сгинет в несколько лет. Один-два двора останутся — и торчат, как пни на огнище. А бывает и наоборот: прилепится хутор в каком-то странном месте, как сосна на скале, — и от «железки» далеко, и река не река, ручей по колено, и чем жители пробаваются — одному Богу известно. А пройдет десяток-другой лет, и глядишь, уже и не деревня, а село. И фермы тебе, и молоко чуть не на экспорт, и церковь отреставрированная, и элеватор новый. А еще поколение спустя — уже и рабочий посёлок, а то и городок. С полустанком, лесопилкой, мельницей и даже краеведческим музеем, полным задыхающимися от города туристами.

Вот так вместе со своей деревенькой рос и Корней. Родители единственного сыночка любили, но по-разному. Со стороны поглядеть — противоположно как-то любили. Мать — обычная крестьянка, и любила обычно: молочко парное, творожок, обшить да обгладить. Новые штаны сошьет или старые починит, порванные в мальчишеской замятне, и сразу не опустит на улицу: поворачивает да смотрит — ладно ли, красиво ли. Конечно, сыночек лучшим должен быть, не меньше.

Отец тоже считал, что Корней должен быть лучшим. Поэтому ремня не жалел. Но не только порол, хвалить тоже не забывал. За его успехи в школе даже выпивал — хотя вообще водку не жаловал, говорил: не люблю голову терять, она человеку для другого дадена. Отец и Корнею все время про голову твердил: «светлая голова», «головой жизнь возьмёшь», «учись, набирай знаний на всю голову, чтобы переливалось». Для закрепления порол по заднице, или, как

он говаривал, «нижней голове», особенно за тройки. Двоек лучше было не получать вовсе. Корней прирассирился к книгам, тройки случались все реже, а за четверки отец не порол. Но приговаривал: «Всё, что не отлично, плохо!» И добавлял: «Ты, Корней, держись корней. Без корней вырастет пустоцвет. А ты меня фрукт!»

Отца Корней схоронил первым. В ту пору он уже был молодым инженером-электронщиком, причём с элитной специализацией системотехника. Одним словом, стратег электронных разработок. Именно потому, что желание быть лучшим было вбито в него с двух сторон, он поступил не в какой-то провинциальный технический техникум, а в один из лучших институтов — Московский технологический. И учился на «отлично», хотя спрашивали нестрого и преподавали без души — лекции, как научные доклады, без дискуссий, семинары без мозговых штурмов и вообще без огонька. Складывалось впечатление, что преподавателям было всё равно. Но Корнею было не всё равно. Он точно знал: лучшие в любой профессии и живут лучше всех. И какой престижной бы ни была сама профессия — как у выпускников соседнего МГИМО, — но если ты не мастер, будешь всегда подмастерье. А подмастерьям гордиться нечем, и хлеб у них если и не горький, то жёсткий. Поэтому на дискотеки ходил нерегулярно, девочками напролом не увлекался, в компаниях выпивал редко. За это Корней не то что сторонился, но как-то не расслаблялись при нём, что-то в себе придерживали и уж тем более не панибратствовали. Корней это чувствовал, но весьма отстранённо, без обид и отчуждения. Он знал свою цель, он видел её то ближе, то дальше, но никогда из перекрестья вбитой отцом воли не выпускал. Окружающий мир её не застилал, и большего от мира не требовалось.

Мать, слава Богу, была жива. Она даже не сильно постарела, хотя со смерти мужа прошло уже почти двадцать лет. Отец Корней умер примерно в том возрасте, в котором он был сейчас сам — сорок с «кувырком» то есть. Как он сейчас понимал, молодым. Отца в полгода спалила саркома лёгких. Но и на последях он не бросил чадить своим «Беломором», такой уж последовательный был человек. Мать же — то ли от вечного копания в огороде на густом деревенском воздухе, то ли от натуральной еды, то ли уже от какого-то нетребовательного согласия с мирозданием — «законсервировалась» и выглядела, конечно, пожилу, но в старуху не превратилась. Она ходила почти как летала, пружинисто и быстро, говорила реже, но так же отчетливо и разумно. Корней приехал навестить мать на Пасху — она давно уже просила подсобить по хозяйству, зазывала и медком, и оладьями, и засоленной с зимы капусточкой. Тосковала, конечно, это было видно в крупном почерке старомодных писем, исправно приходивших на Корнеев адрес. И вот он выбрал наконец время и приехал.

Пасха в этот год выдалась поздняя — на Первомай. Праздники длились почти без перерыва до Дня Победы, поэтому и получилось освободиться от дел — его сотрудники все равно все разъехались на длинные выходные. Вы-

шел солидный отпуск, который он разрешил себе впервые за последние годы. И сейчас Корней пошел в церковь освящать куличи и десяток яиц с материнского хозяйства. Но он опоздал. Батюшка закончил освящать пасхальную еду уже как с полчаса.

— Только что был тут, — виновато и добро улыбнулась женщина из церковной лавки, куда Корней заглянул за свечками.

В Москве он в церковь почти не ходил, Пасхальную церемонию смотрел по телевизору и вообще не сильно воцерковлялся. Хотя крещеным был — он это помнил и крестик не снимал, разве что в парной. Вот и сейчас не усердствовал — опоздал к освящению, хотя мать и поторапливала с самого утра. Корней провозился с радиоприемником еще ламповой породы, наладил, потом приладил доску к крыльцу, потом еще что-то — так до вечера и проваландался. И теперь ему было неловко — возвращаться с невыполненным заданием было не в его правилах, а слукавить матери он не мог. Теперь оставалось ждать всенощной и крестного хода — так объяснила та же женщина из церковной лавки.

— А это не батюшка? — Корней указал на седовласого мужчину в белом стихаре.

— Что вы? — чуть не перекрестилась прихожанка. — Это алтарник! Отец Игорь ушел уже, отдыхает перед службой.

— Ага! — кивнул Корней. — Тогда мне три свечки, пожалуйста!

Корней хотел взять три свечи по пятьдесят рублей, но, когда женщина дала ему свечки по сто, возражать не стал. Не толщиной свечи измеряется покаяние, но и не тот случай, чтоб дешевить. Все-таки свеча горит не зря — ее пламя отгоняет темноту, и молитва становится зримой.

Корней пошёл вдоль икон, вспоминая. Последний раз он был в храме Христа Спасителя в Москве, но не молился, службы не стоял, зашел из любопытства. Так же было и в Питере — в храме Спаса на Крови. Мозаичные фрески, камни с кровью императора — это влекло ум, возбуждало туристический интерес, но к сердцу отношения имело мало. В этой церкви, ухоженной и благолепной, а когда он забежал сюда мальчишкой — обшарпанной и невзрачной, — он тоже не молился. Но Корней вспоминал сейчас, узнавая иконы, на которые он смотрел во все любопытные мальчишеские глаза, что в детстве он стоял вон в том тихом углу и прислушивался. То ли к шорохам, то ли к душе. А вот у этой стены пространство было темнее, но там скамейка, наверное, та же самая, там он сидел и болтал ногами, смотрел на редких крестящихся. Он тоже пробовал креститься — сверялся с движениями верующих: так ли, верно ли? Корней медленно шёл вдоль икон, и ему казалось, что иконы тоже его узнают. Вот и Богородица. Корней оплавил нижний конец свечи — для крепости сцепления, зажег фитилёк и установил свечку поближе к иконе.

Что попросить у Божьей Матери? Здоровья и долгие лета своей, конечно. Корней так и сделал: помолился, представляя матушкино лицо, все её морщинки, улыбку, глаза — чтобы отослать этот образ Всевышнему, чтобы мо-

литва состояла не из одних только слов, перекрестился три раза, вздохнул и пошел дальше.

Корней остановился перед иконой Спасителя и таким же способом утвердил вторую свечу. Кроме «Отче наш», других молитв Корней не знал, да и эту порядком подзабыл. За матушку он просил своими словами, простыми и понятными. Но тут следовало читать по канону и Корней напряг память. «Отче наш, сущий на небеси... да святится имя твое, да придет царствие твое...»

Корней сбился. Он закрыл глаза и представил икону Спасителя внутренним взором. Христос смотрел строго. Не настолько, чтобы отводить взгляд, пусть даже и внутренний, но все-таки строго. Так смотрел отец, перед тем как сказать, что у Корнея, забывшего что-то купить из материнского списка в их сельпо, — «дырявая голова». Говорят об усопших — пусть земля ему будет пухом. Но душа-то взлетает на небеса, зачем мертвому телу «пух» земли? И что пух для души? И есть ли он? Раз душа есть, она в чем-то должна быть — при жизни в теле, а после жизни? Корней открыл глаза — его явно «занесло» куда-то не туда. «Оставь нам долги наши, как мы оставляем должникам нашим...» Да, прощать долги — может, самое сложное в прощении. Отец, как он помнил, долги взыскивал, ругался, даже дрался. И снова давал — то четверть выставит на чьи-то поминки, то инструмент нерадивому соседу, то деньги. Давал даже тем, с кем потом доходило до мордобоя. Теперь Корней понимал — так отец исправлял неоставление долгов своим должникам. Последовательный во всем был человек.

Корней отошел от иконы. Молитвы все равно не получилось, а последнюю свечку следовало поставить отцу. Найдя быстро канунный стол у Голгофы — куда ставят за упокой, Корней зажег свечу, поставил и положил троекратно крест. «Может, пух для души — это свет от свечек?» — вдруг подумал Корней, пламя свечи как-то притянуло его взгляд, заполнило сознание, он даже забыл моргать. Так он и простоял — без мыслей, без ощущений долгое время, — свечка заметно укоротилась.

— «Первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити даже до дне, воньже, заповедав апостолом Духом Святым, ихже избра, вознесся...» — алтарник нараспев читал из Деяний апостолов.

Корней очнулся. В левой руке все так же был пакет с материнскими куличами и яйцами, правая застыла на сердце. Корней перекрестился и отошел от Голгофы. Все-таки нужно было освятить еду, а всю всюнощную он вряд ли выстоял бы. Пока он стоял у кануна, в церкви стало как-то суетней — людей изрядно прибавилось: по обеим сторонам образовались очереди. Очереди выстроились к священникам — наконец-то батюшка объявился, даже два. Корней встал в одну из них, потому что не знал, как иначе попросить священника освятить пасхальную снедь. Без очереди он бы и так не сунулся, а уж в церкви тем более. Ему повезло — он встал вовремя. Через еще какие-нибудь четверть часа стоявших позади него было раз в пять больше, чем впереди.

Священник, к которому стояла его очередь, был его лет, дородным, с красивым, даже холёным лицом и начинающей седеть бородой. Он о чём-то беседовал с женщиной, теребившей уголки платка и непрестанно кивавшей. Корней спросил потихоньку молодую прихожанку, стоявшую перед ним с Евангелием в руках: «Куда очередь?»

— Христос воскрес! На исповедь, куда ж ишо.

— Воистину воскрес! — Корней почувствовал озноб — он никогда не был на исповеди, никогда не помышлял и никогда бы не решился. На всякий случай предупредив позади стоящего, что отойдет ненадолго, Корней прошел на другую сторону — там очередь стояла к другому батюшке, седому и благочинному старцу в очках.

— Кто в первый раз на исповедь, подождите в сторонке, — молвил батюшка.

Корней подумал, что как раз и надо бы ему в сторонку. Не готов он ни к какой исповеди. Да и как возможно рассказывать о своих грехах незнакомому человеку, пусть и священнику? Про себя вспоминать-то неприятно, не то что вслух рассказывать.

Корней отошел в сторонку и сел на скамейку с облегчением. Исповедь, ишь как. Ему-то и надобно только окропить пасхальную еду святой водицей. И вообще, эту еду пора бы пустить в дело — он уже изрядно проголодался. И хоть пост на то и положен, чтобы отодвинуть от себя чревоугодие куда-нибудь на задворки сознания, но пост-то — как раз еще чуток, и закончится. Часы откусывали у Великой субботы одиннадцатый час. Конечно, следовало потерпеть. Тем более, пост он не соблюдал. Нет, ограничивал себя в первую и последнюю, Страстную седмицу, но только в части алкоголя. И весь пост ел не то чтобы постное, просто переставал есть раньше обычного, чтобы чувствовать легкий голод ко сну. На большее Корней не был способен. Но и к тем, кто истово постился, присматривался внимательней. Не про них ли сказано: «Что за польза, когда мы воздерживаемся от птиц и рыб, а братьев угрызаем и снедаем». Эти слова Иоанна Златоуста Корней специально выписал, чтобы запомнить твердо: в споре могло пригодиться. И пригодилось ведь. Был у него один знакомец — и постился, и на клиросе пел, и причащался, и исповедовался, наверное. Даже невесту в церкви нашел — та приходила послушать, как он поет красивым баритоном. Много этот певун у Корнея на даче о православных канонах рассуждал, строгость православную напускал. А за спиной спаскудничал разок. Корней никогда не прощал подлость, даже мелкую. Даже и не подлость, а нечистоплотность, нещепетильность в отношении себя не принимал и не перекладывал прощение на второй или еще какой-то раз. Да подлец-то прощения и не попросит — подлец-то уверен, что его выгода важнее правды другого, что так оно справедливее. А раз так, то чего тут прощать. Отрезать сразу нитку, пока нитка в канат не превратится. Да и не примет подлый человек никакого прощения, потому что вины за собой не чувствует и никакого прощения не желает. Еще и удивится: за что это его прощать? Дашь такому в долг, а он не

только не отдаст, а еще вознаграждение за хранение твоих денег потребует. Рассуждает такой человек просто: все так делают, и ты бы так сделал, будь ты на его месте. Поэтому лучше я сворую первым. У таких совесть удобно под пользу подогнана, и чем им удобней вместе, тем красивей и глубже поклоны в церковный пол. А воспитывать таких — только душу зря тратить. Так что на пост Корней не был способен и не хотел быть способным. Не в этом вера. Но вот и на исповедь он, оказывается, не был способен. Но почему так? Разве за ним много такого стыдного, чтобы и батюшке не покаяться? Господу Богу про себя-то легко, а вот живому человеку, который тебе прямо в душу смотрит, выходит, «слабо». Корней вдруг встал со скамейки и вернулся в первую очередь. Его пустили без возражений. Перед ним стояло всего только пять-шесть человек, а позади — уже несколько десятков. Корней встал чуть сбоку, чтобы видеть, как там впереди все происходит, что надо делать, как подходить, как целовать крест. Теперь что-то перепутать в процедуре ему казалось чуть не более стыдным, чем те грехи, в которых он собирался покаяться. А каяться он решил твердо — он не привык отступать и всплывающее иногда малодушие из себя выдавливал. Какие грехи поставить «первой очередью», Корней пока только начинал думать, раньше ему грехов рассчитывать не приходилось. А их накопилось изрядно, и нужно было выбрать какой-то главный или почти главный — чтобы по тяжести и облегчение вышло.

Место у священника освободилось, женщина, первая в очереди, обернулась, сложила руки на груди и поклонилась народу:

— Простите, люди добрые! Христос воскрес!

— Бог простит! Воистину воскрес! — ответили из очереди.

Женщина повернулась и подошла к батюшке. Корней заметил, что она что-то быстро положила в короб, стоявший по правую руку от исповедального столика. Нужно было узнать, что это, и тем самым выдать свою полную неосведомленность. Корней немного потушевался, но всё-таки спросил впереди стоящую девушку в огромных очках с Евангелием в руке.

— Туда денежку кладут, — просто ответила девушка и перелистнула Священное писание.

— Ага. Денежку, — обыденность объяснения как-то его успокоила. С «денежками» он дело имел давно, и это мирское «денежку кладут» как-то делало и батюшку более человеческим, и его самого менее суетным пред лицом Всевышнего. И вот то, что он так много работал, чтобы заработать как можно больше «денежки», чтобы когда-то больше никогда не работать, и хотел Корней представить поначалу священнику как грех. Нет, стремление к богатству, наверное, не грех, но понимание людей через их кошелек, достоинство мощной мерить — вот это истинный грех. Давно стал замечать это Корней — и в себе поначалу. Но когда увидел, что почти все его коллеги по бизнесу, знакомые и женщины и его по деньгам меряют — сам стал выискивать в людях другие черты. Бедных он не любил, нищих, кроме немощных и стариков, пре-

зирал, но с какого-то жизненного поворота стал и в тех и в других стараться увидеть что-то кроме их нищеты и бедности. Что-то другое, интересное, чудинку какую или изюминку. Что-то не из кармана. И ведь действительно, один знакомец, простой учитель физики, открылся в живописи — и пусть стрелял у него деньги на холсты и краски, но картины писал завораживающие. Потом взял кредит под квартиру, чтобы в той же квартире мастерскую устроить, но расплатиться не смог, наехали какие-то чёрные риелторы или коллекторы — бандиты, одним словом, выбросили его с пропиской в Тамбовской губернии. Так без пяти минут его приятель оказался уличным художником в прямом смысле слова. Корней помог: снял маленькую комнатку на окраине Москвы, чтобы художник на улице не ночевал и как-то боролся за собственность. Но художник ушел не в борьбу, а в запой. Потом просил еще денег, и весьма требовательно просил, словно у обязанной ему родни. Корней отказал: не помогут деньги такому человеку. Тем нажил себя очередного врага. Год прошел, с комнаты тот съехал, и куда сгинул потом этот человек, Корней не интересовался — забот и так хватало.

А другой приятель, страшный и пошлый матерщинник по трезвости, будучи в стельку пьяным на каком-то недорогом застолье, вдруг начал цитировать Цицерона. Притом по латыни. Никто и думать не мог, что он со школы увлекался историей Древнего Рима. В другой раз выяснилось, что сварливая до остервенелости соседка по дачному посёлку усыновила трёх детдомовских ребятишек, причем одного негритёнка, — и это без мужа, одна. И хотя такие случаи были нечасты, Корней научил себя быть к ним готовым, ждал чего-то необычного в людях.

Корней давно, с начала перестройки, понял, что его мозги стоят дорого. Но, проработав наладчиком-программистом в кооперативе, торговавшем компьютерами азиатской сборки, и пережив двух убитых один за другим директоров, понял и другое. Ему нужен доход от своего дела, а не зарплата с чужого — зарплату он сам будет выплачивать, кому сочтет нужным. И бизнес должен быть не торговым, а высококвалифицированным — таким, чтобы без его мозгов дело встало, и убирать его — во всех смыслах — было бы непрактично. Чтобы прибавочная стоимость создавалась его головой — той самой, которую так часто и не к месту поминал отец. Хотя почему не к месту? Как раз голова у него была на своем месте и делала, что положено — думала. И Корней придумал — кооператив по персональному тюнингу персональных компьютеров. Он нашел — в основном из числа бывших сокурсников — толковых программистов и обучил их писать программы. Парадокс — программы не для новых предприятий, плодившихся, как грибы, а для старых, советских, которые до сих пор обходились перфокартами. Поставь в министерство самый распрекрасный комп — и будет он там стоять как игровая приставка или калькулятор. А чтобы на нем можно было обсчитывать производство и логистику — для этого нужно было создать «софт» — адаптированную программу. И это стоило дорого!

Корней быстро богател, но богател умно. Деньги напоказ не швырял, оргий и еще менее содержательных великосветских застолий избегал, и вообще не был сторонником теории показательного потребления Веблена. В потреблении мало удовольствия, если ему не предшествует труд, а к труду не приложена выдумка и авторская идея. В этом смысле Корней был художником жизни. Хозяином и художником. Но чем истый хозяин отличается от наёмного человека? Тем, что встаёт раньше, работает больше да успевает за работой других приглядывать.

Священник приклонил голову исповедавшейся епитрахилью, что-то прошептал, женщина облобызала икону и крест, потом руку батюшке. Святой отец поцеловал её в темечко — и впрямь по-отечески — и отпустил с миром. Следующим был невысокий кряжистый мужчина. Он тоже поклонился народу, сложив руки на груди, и Корней уже со знанием дела сказал со всеми: «Бог простит». Он уже почти освоился и знал по нескольким прошедшим впереди него, что ему самому нужно делать. Вот только в чем исповедоваться, он до сих пор не знал. Думал то про одно, то про другое, но всех-то грехов не перечислишь, а за один раз — тем более первый — нужно было выбрать что-то потяжелее. Или, наоборот, полегче — для разминки.

Корней начал вспоминать издалека. В голову, как назло, лезла всякая чепуха. Вот он ребенком ещё отнял у младшего мальчика «петушок» — из озорства, а не любви к сладкому. И хотелось посмотреть, что мальчик предпримет, как будет ныть и просить отдать. Но мальчик не стал просить, поднял с земли камень и кинул прямо Корнею в лоб. Промахнулся. Корней тогда его отдубасил, а уже через пару часов его самого порол отец с присловьем про дурную голову. Корней точно не помнил, но смысл был всегда один — головой не понимаешь, задницей доберёшь. Может, отец был прав. Головой-то добирать лучше. Прав не прав, но отца Корней недолюбливал. Был благодарен за науку, за стержень. Но не любил, в сердце не держал, только в памяти. Иногда мечтал и отомстить за порку, но с годами признавал её полезность и к отцу в глубине ума испытывал благодарность, которую никогда вслух или действием не выражал. Мать — другое дело, с матерью они и ссорились, и кричала она на него, и подзатыльники обидные он от неё получал. Но по-настоящему родным человеком — обиды не накапливались, не склеивались в какой-то тяжелый угольный пласт, как с отцом или другими людьми. Прошла гроза, и снова свежий, ясный воздух. Может, грех в том, что он так отца при жизни... не жаловал, что ли. Сторонился. Даже когда помогал — только деньгами, не лично. В город привезти, поселить, к врачам отправить — помощника с машиной выделял, всё устраивал, хлопотал, платил, но всё заочно. Конечно, заглядывал, виделись, выпивали, говорили, но, когда встреча заканчивалась, уезжал с облегчением. Так чувствуют, когда закончена нежеланная или тяжелая работа. Но отец этого не замечал, любви и нежностей не требовал, та же порода. Так что вряд ли это какой-то тяжелый грех. Тогда что же?



Корней внезапно, как-то вдруг, без видимой связи вспомнил один неприятный эпизод. Он никогда не лез в драку с какого-то угара или ради веселья, но драться умел и противников не избегал, коли напрашивались на разговор. Не заступался ни за кого, но, когда дело касалось его самого, сдачи давал не стесняясь. А тут ехал средь бела дня по проспекту Мира и вдруг увидел, как хозяина почти такого же джипа, как у него, мутузили три каких-то кавказца. Дорогу, видать, не поделили. Точнее сказать, мутузил один, двое других держали вылезших из своих машин водителей на мушке пистолетов. Водители были русские, угрожающе выкрикивали в сторону кавказцев, чтобы оставили парня в покое, но с места не двигались. «Бэха» кавказцев с тонированными стеклами и без номеров стояла поперёк проспекта. Образовалась приличная пробка — милиции или ДПС, как обычно, в нужный момент не наблюдалось. Русский парень — довольно плотный — под ударами худощавого и быстрого то ли чечена, то ли дага отступал и пропускал один удар за другим. Вдруг один стал стрелять из пистолета в хозяина джипа — чтобы поскорее свалить. Пистолет был травматическим, но русский уже в состоянии грогги боли не чувствовал. Корней хотел было выйти — уж раз травматика, может, и добрался бы до стрелка, да и свои бы навалились, помогли. Но, пока прикидывал, чёрнобровый залепил еще один удар, второй выстрелил для острастки, все трое быстро сели в машину и с торжествующими гудками растворились в потоке. Парень потерял виски, потрянул головой и, уже шатаясь, пошел к своему джипу. Публика, в том числе возмущавшиеся, видя, что дело кончилось без крови, тоже сели обратно в машины, пробка быстро рассосалась. К парню никто так и не подошел. Не помогли. Выходило, что и он не помог. Стволы, конечно, аргумент, но все-таки он ничего не сделал. Ну а после драки с утешениями лезть было и вовсе неприлично как-то. Корней вспомнил из Шекспира: «Так трусами нас делает раздумье». Получалось, что он слишком долго думал, достаточно, чтобы струсить. И хотя никто не мог бы его упрекнуть, сам Корней целый день себя корил и в тот же вечер напрасно задрал какого-то случайного соседа по ресторану. Драка вышла тусклой, пьяной и некрасивой, но совесть притихла. Нет, это было не то.

Может, покаяться в том, что обманул своего партнёра по бизнесу? Ну, как обманул? Тот стал думать о себе больше, чем о деле. Девочки, курорты, красивая жизнь. Конечно, за свои деньги, но дело было не в деньгах. Раньше Корнею были не нужны, нужны были соратники. Люди, отдающие себя компании целиком. Не трудоголики даже, бездумно и механически выполняющие кучу работы, чтобы заполнить жизненную пустоту, а единомышленники, единочувственники, если так можно выразиться, люди делового сотворчества. Корней говорил с партнёром, предлагал купить его долю по честной цене, но тот бил себя в грудь, напоминал о прошлых заслугах и просил не мешать почивать на лаврах. Корней не стал его переубеждать, но тихо и быстро сделал дополнительную эмиссию, провел все по протоколам, заверил подписи у купленного

нотариуса, и партнёр, вернувшийся с бразильского карнавала, оказался в положении известной бездомной стрекозы, которой муравей посоветовал идти поплясать. Партнёр начал войну, в том числе и внесудебную, но дело кончилось не в его пользу. Корней, предвидя нарушения Уголовного кодекса, заранее прозондировал милицейский генералитет на предмет будущего сотрудничества. Совладелец сел, хотя и ненадолго, за угрозы физической расправы, генеральская дочь возглавила филиал компании в Питере с очень дополнительной зарплатой, Корней стал единоличным владельцем компании. Наверное, бывший партнёр его проклинает до сих пор, и не без оснований. Но как расскажешь об этом вкратце? Как все объяснишь без описания тонких деловых обстоятельств, непонятных непрофессионалу? А как расскажешь о женщинах, которых он бросал сразу же, когда чувствовал свист лассо над головой? Или он заботу принимал за попытку влияния на его решения? Ведь он никакую не сделал счастливой, он боялся завязнуть в любви, боялся, что опутают — детьми, обязательствами, поручениями. Ведь пятый десяток — семьи нет, детей тоже, и, главное, ему и не хотелось этого. Жить для кого-то — это здорово, но если этот кто-то не оценит? Если этот, точнее эта кто-то, предаст? Вон, официальная статистика: каждый третий брак кончается разводом. А это всегда — ложь, слёзы, нервы, а то и похуже. Уже без всякой статистики это произошло почти со всеми его друзьями-приятелями к сорока годам. И почти всегда с гражданскими войнами, отсуживаниями имущества и детей, глубокой враждой там, где была такая же глубокая любовь. И каждая сторона жаловалась ему на другую, обвиняла всех, кроме себя, и было Корнею невдомёк, куда делись те молодые и счастливые люди со свадебных фотографий. Значит, в самом начале уже было заложено разрушение — расчет, обман или что-то похожее на любовь вместо самой любви. Настоящая любовь никогда не проходит, а если проходит — это не любовь. Что-то другое, и уже не важно, что. Вот почему Корней разумно считал брак лотереей, а полагаться на случай было не в его природе.

Кряжистый мужчина отошел от священника. Следующей была девушка в больших очках, стоявшая перед Корнеем. Девушка почему-то не обернулась с поклоном, сразу пошла вперед. Корней подумал, что он тоже может не кланяться народу — уж больно необычно по первости. Но вот он стоит — первый в очереди на исповедь, а в чем исповедоваться — не знает. Или не знает, что выбрать? Или выбирать нужно из того, что он и искать в себе боится?

Корней всмотрелся в батюшку, вспомнил имя — отец Игорь. Теперь он мог ясно различить его глаза. Глаза были карие, умные, очень живые, скорее понимающие, чем порицающие. Такие глаза опасны — им сразу начинаешь доверять. Но почему не довериться — разве исповедь не есть акт высшего доверия? Беззащитность кающегося и есть его броня против будущих грехов. Корней подумал, что открывать душу почти то же, что клапан. Мутная вода выходит под давлением, и душа может наполниться чем-то новым и прозрачным. Потом мутит её сам человек, пускает туда грязь низких деяний и — что хуже

— низких желаний, обманывает душу ради чего-то телесного, ненужного, излишнего. Думает человек: осядет этот ил, покроет только дно души, а на поверхности — чистое и приятное озеро. Нет, не выйдет так никогда, потому что снова и каждый раз, когда везлкаешь неправедного, ил со дна поднимается да заполняет собой всего человека. И настолько заполняет, что и убедить себя в этой мути легко в чем угодно, а убедив — и пойти на всё, что угодно жадности да гордыне человеческой.

Может быть, покаяться в несоблюдении поста? Но он уже объяснял себе и при случае другим, почему он не строг в этом вопросе. Да и разве ж стоит ради этого стоять в очереди в Великую субботу? Тут вместо покаяния просто нужно себя приучать к посту, волю применить, сие и без исповеди возможно.

Корней ощутил пустоту в себе. Не было того греха, в котором стоило бы каяться сейчас, все мелкота одна, не грехи, а клопы какие-то. Но в этом и был самый главный грех его жизни — он ничего не сделал достойного для другого, потому что, избегая плохого, избегал и хорошего. Получалось, что Корней, хотя и жил богато и скромно одновременно, не вмешивался в эту жизнь. Не любил, не ненавидел. Не предавал, не спасал. Не крал, но и не помог никому. Одно недеяние... Как наглухо закрытый в защите боксёр на ринге портит поединок, так он портил свой жизненный матч. И спроси его, что он сделал к последним раундам, сколько очков заработал, он бы и не ответил. Какая-то вечная ничья — и ничья не в его пользу.

Корней вытащил из кармана купюру и зажал в потном кулаке. Какого достоинства, было уже неважно, не на рынке. Он взмок от напряжения: так выпускник ждет вызова на экзамен, бегун ждет старта, так чувствует себя начинающий парашютист, стоящий у рампы вертолета и глядящий вниз, на разлинеенную землю. Еще шаг — и падение на эти квадратики. «Ну, ну, — успокоил дыхание Корней, — что это ты? Не побьют же за исповедь-то. И не падать тебе никуда, а скорее, наоборот, к Богу воспарять, душу облегчить, может, как раз для полета и нужно». Как избито сказано — облегчить душу. Это если камень на душе — скинул его, обошел, чтобы ногу не окровавить, да и дальше легкой походкой до поры до времени. А если нет такого камня? Если вместо камня какой-то песок? Везде, во всех порах, наилившийся с каждым мелким поступком, с каждым невмешательством, с каждым малодушием и с каждым хвастовством. Мокрый песок, тяжелый, прилипчивый, так сразу не отсыпаться.

Ну вот — девушка отошла с благословением. Священник поглядел уставшими умными глазами на следующего. На него. Корней, забыв, что разрешил себе не кланяться народу, обернулся, сложил руки на груди и поклонился в пояс. «Бог простит», — услышал в ответ и сделал два шага сделавшимися ватными ногами вперед, к исповеди. Быстро положив бумажку в короб, Корней поцеловал Распятие и Евангелие — как делали исповедующиеся до него.

— Что у вас в пакете? — вдруг просто и по-домашнему спросил отец Игорь. — Полный, погляжу.

— Да вот... — Корней усмехнулся своей незадаче, поднимая пакет в руке, — принес яйца с куличами освящать, да время не рассчитал как-то.

Батюшка так же просто взял у него пакет, отошел от аналоя и скрылся в дяконских вратах. Корней выдохнул, как студент после зачета. И совсем не страшно, никто суровость не показывает, не осуждает. Корней приосанился, слегка обернулся назад. Очередь стояла уже до выхода, а может, и тянулась за двери, на улицу. Получается, на освящение опоздал, а на исповедь как раз вовремя. Вот уж точно сказано: пути Господни неисповедимы.

Отец Игорь вернулся с алтарником, тот держал чашу со святой водой.

— Егда снизшел еси к смерти, Животе Безсмертный, тогда ад умертвил еси блистанием Божества: егда же и умершие от преисподних воскресил еси, вся силы небесныя взываху: Жизнодавче, Христе Боже наш, слава Тебе... — пропел отец Игорь и трижды окропил Корнеев пакет.

Получалось, что ему вышло освящение пасхальной еды в индивидуальном порядке. Корнею стало приятно и неловко одновременно. Ну что все-таки за олух, ведь мог прийти и раньше, как все. «Это чтобы не исповедоваться? — тут же спросила Корнеева совесть. — Уклониться хочешь, малодушие выказываешь?»

Батюшка отдал келарю кропило и внимательно посмотрел Корнею в глаза. Он был готов слушать. Корней, как говорится в старых романах, опустил очи долу.

— Я... я... меня зовут Корней Кондратьевич. Корней.

Батюшка спокойно ждал и смотрел тихими внимающими глазами. Корней взглянул в них быстро и снова опустил взгляд, закусил губу. Он вдруг почувствовал, что открывается его внутренний клапан, и испугался того, что сейчас из души выльется. Но сдерживать это Корней уже не мог.

— Я... я никого не люблю! Никого не могу любить и не хочу! Нет, хочу, но я не встретил такую женщину, они все... они продажные или глупые. Мне душно с ними. Мне со всеми душно. Я устал от людей. От их глупости, даже идиотизма, вороватости какой-то мелкой. Всё норовят обмануть или украсть, обвинить любого в своей нищете, кроме себя. Так кажется иногда — не люди, муравьи. Термиты с челюстями на всю морду. Нет, я не возношусь, я грешен, отец Игорь, я всю жизнь грешную провел, наверное. Я очень понимаю, что то, что и сейчас говорю, грешно — людей нужно любить, и Бога нужно любить. А я — я Бога боюсь, а людей... презираю. Почти всех. За то, что им всем что-то нужно. Вот мне нужно только, чтобы нашлась женщина, такая, чтобы всё отдать, а она — только чтобы не обманула, не обвела, чтобы обратно со мной делила, что от моей души получает. Я всюду искал, смотрел, вглядывался, пытался со многими — нет, ничего не цепляет сердце: ни красота, ни ум. Красивые свою красоту как инструмент используют для взлома мужского кармана, типа отмычки к сейфу. Умные даже корысть свою не скрывают, рассчитывают мужика без стеснения и притворства. Они это всё любовью называют, а разве ж в любви пользу ищут?

Я, батюшка, посмотрелся по друзьям да знакомым — ни одного исключения! Ни одного! А кто еще не развелся с дележом имущества, так тот гуляет на сторону, похоть свою чешет. Вот я с женщиной не сплю принципиально, если знаком с её мужем или даже просто парнем. Я честный по природе своей человек, воспитан так. Не хочу умножать ложь. Противно, будто воруешь. Я ведь сам хозяин, воровства не терплю потому. А ко мне в постель уже две такие жёнки просились. Но я помнил Соломоновы слова: «...мёд источают уста чужой жены, и мягче ея речь её; но последствия от неё горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый». Так и вышло. Эти... как бы мягче их в церкви назвать... «неледи» в отместку за то, что отказал, так они своим мужьям нашептали: мол, я их домогался. Чуть с друзьями не развели. Не поругались в итоге, но дружба подмочена уже. А я-то думал — ложь не множу, в обмане не участвую. Как бы я друзьям своим в глаза смотрел? А эти... замужние потаскухи, прости Господи, это любовью называли. Мне такая любовь противна, а другой я не встречал. Вот в чем дело. Может, Господь не сподобил, может, еще сподобит, не знаю, мне знать не положено. А вот то, что я в любовь не верю уже совсем, это я знаю. В Бога верю, а в любовь нет. И ведь молился Богу, в тишине, в одиночестве, не в церкви, не прилюдно, но молился — и горячо, искренне. Но мои молитвы в спам, что ли, попадают, не знаю, или просто глух Всевышний, не знаю. Но мне душно среди людей, отец Игорь, я человек насквозь вижу, а почему? Не потому, что много знаю, а я немало про жизнь знаю. И не потому, что читал много и видел вокруг себя подтверждение книжной мудрости. А потому, что пуста одна в людишках, воздух. Измельчали до крошек. Но ведь раньше были ж другого сорта люди. Достоинство было, честь была, слову можно было верить, помогали друг другу. Женщинам за разврат хоть стыдно было. А теперь проводятся курсы официальные, дорогие, по б... по женской теме — как на мужчине заработать, ну вот, чтобы в храме не сквернословить..

— Я понял, сын мой. Блудить, блажить — старинное русское слово, означающее: говорить всякую кривду, неправду. Продолжай.

— Вокруг, куда ни посмотри, такое. Я работаю всю жизнь, много, на себя, достиг кое-чего в жизни. От людей не завишу — вроде радость. А разделить эту радость не с кем. Не верю никому. Не люблю никого. Даже не ненавижу. Равнодушно мне, и на всех, по большому счету, наплевать. Матушка вот только, родная кровь. Я ей помогаю, как могу, люблю, берегу, вот пошел куличи освящать... но это я — для неё. А для меня — никого. И чем больше людей вокруг, тем меньше любви. А больше подлости и... нелюбви. Как волки, ей-богу, спиной не повернешься. Так улыбается, а в спину нож уже готов, заточен. Враги хоть честно ненавидят, я их вижу, они мне понятны. А остальные — мутные, скользкие, как рыбы хвосты. А женщины. Эти... я почти женился на одной, любил её, как мог, делал всё для неё. Кормил, заботился, что еще мужчина может делать — всё делал. А она, оказывается, со старым любовником — моим же бывшим приятелем — план составила: выйти замуж, пожить полгода, год,

купить недвижимости подороже, потом обвинить в чем-нибудь и на разводе денег отжать. Или ту же недвижимость. И ведь как всплыло-то! Этот приятель спьяну похвастался кому-то, что скоро при деньгах будет. Его и расспросили под скрытую запись на диктофоне. И мне же эту запись продали. Женщина эта, отец Игорь, даже не отпиралась. Разве она каялась? Или исповедовалась, как я сейчас? Она только раздосадована была, что её любовничек болтливым оказался. Извини, говорит, только бизнес, ничего личного. Я спрашиваю — а любовь, а все признания и ласки — тоже бизнес? Знаешь, говорю, как такие су... существа в народе называются коротко, у которых любовь — бизнес? Так она мне и пощечину закатила. Оскорбилась, стало быть. Где же эта любовь, отец Игорь? Для кого же жить, если никому верить нельзя? Вернее, нечем верить уже. А по глупости притворяться, что все нормально, я не могу, я же не глупый и не слепой. Даже удавиться хотел после того случая, но все ж думаю: может, повезет еще? Да и врагам не хочется повод для радости давать. Но как быть-то? Как? Не люди кругом, стая какая-то. Поможешь — сядут на шею. Доверишь — предадут. Отвернешься — украдут. Полюбишь...

Корней вдруг почувствовал, что у него трясутся губы и плечи. Он плакал. С раннего детства не рыдал, а тут прорвало. Священник спокойно ждал и в нужный момент тронул Корнея за плечо.

— Правильно, что плачешь. Когда нет любви, жизни тоже нет. Но Бог милостив, раз грехи нам прощает. А это не грех, это беда, и Господь тут первый помощник. Знать, ждет Он, когда ты душу для любви откроешь, ты же, сын мой, её захлопнутой держишь, засупонил совсем. Как же любовь туда попадет? Как свет через нераскрытые ставни в дом проникнет? Никак. Так и любовь. Открой свои ставни, не бойся обид, плевков, обмана. Господь худшее снёс, на Кресте обидчиков простил и возлюбил мучителей своих. А ты боишься всего лишь обмана или насмешки.

Корней уже слушал спокойнее, потихоньку вытирал глаза рукавом.

— Вот свеча, она для чего горит? Для чего её люди в храме Божьем ставят?

Корней покачал головой — не хотелось попасть впросак с ответом. Да и говорить не хотелось — только слушать.

— Многие прихожане считают, что, мол, грехи в пламени сгорают. Нет, не сгорают. Грехи в истинном покаянии, в молитве и исповеди сгорают. В праведных делах тоже. И в любви, конечно. А свеча для того горит, — продолжал отец Игорь, взяв со столика свечку, — чтобы ты, человек, видел, как воск в огонь превращается. Так и душа твоя мягкая, что пластилин, обжигание должен пройти, душу в вере закалить и в любви закалить, внутренний свет зажечь. Вот если ты свой внутренний свет со светом свечи-то соединишь, Господь его тогда и увидит. А увидит, то и услышит — молитву твою, от сердца растопленного идущую. А от каменного сердца какой свет? Никакого. А какой звук? Глухой и тихий. А далеко слышен только звонкий. Вот тебе, сын мой, нужно это понять и принять.

Долго еще говорил с ним отец Игорь, терпеливо ждала очередь — и каждый в ней понимал, что много накопилось в человеке лишнего, что времени расчищать такие заносы тоже много требуется. Но все время мира у Господа на ладони, и каждому в утешение свой час найдется.

— Ходи на воскресную службу, сын мой. И не забывай мои слова, исповедуйся чаще. И с каждым разом короче будет твоя исповедь и больше благодать.

Корней ничего не стал говорить, склонил голову под епитрахиль и закрыл глаза под разрешительной молитвой. Так было тепло и спокойно, словно не голову, а душу накрыли детским ватным одеялом. Поцеловал руку священнику, как — видел — делали другие до него. В первый раз в жизни поцеловал не женщине — и сам себе удивился. Удивился и обрадовался благодарной легкости этого лобзания. Батюшка поцеловал его в темя, перекрестил, отпуская.

Корней возвращался не спеша, заново осматриваясь, словно попал в эту местность впервые. Только теперь, когда вышло из него что-то ненужное, липкое, городское, он физически ощутил, как выросла его деревенька. И не деревенька уже, а целая слобода. С собственным музеем. Да, наличествовал музей местных ремёсел — если вон свернуть туда, через овраг. Мать говорит, туристов прямо автобусами привозят. А ведь в детстве оврагом деревня и заканчивалось — они играли там в войну. И проигравшие бегали до «железки» — плющить гвозди и отвинчивать гайки с полотна на грузила для победителей. А теперь там вокзал — с рестораном и почтой. Да, выжила деревенька, расцвела, крепкий корень у неё оказался. И он, Корней, не фрукт без корней, как шутил отец, а ветвь своей малой родины. От того же корня дерево. И думалось ему так, что — не кривое.

Вернулся Корней уже затемно. Мать, конечно, не спала, ждала, испуганно спросила, куда сыночек запропастился? Корней не стал объяснять, сказал, что гулял, но гулял с чистой совестью. Куличи освящены, можно разговляться завтра, да что завтра — почти сегодня. Часы показывали без четверти полночь. Месяц свесился с неба и щупал белыми руками занавески. Стояла завораживающая живая тишина. Колыбель мироздания перестала качаться и остановилась в божественном равновесии. Наступала благодать. Наступала Светлая Пасха. Корней смотрел из окна на щербатую луну, долго смотрел, вдумчиво и вдруг улыбнулся — широко, ласково. Открылись, стало быть, ставни, и осветилась душа серебристым светом до самого дна. И со светом вошло какое-то новое чувство — спокойная надежда, все будет хорошо. Будет то, что для него главное. Что для всякого главное, да не всякому дается. А ему дастся — вот что понял Корней, вот почему так улыбался. Месяц боднул белесым рогом случайную тучку, завяз в ней, но скоро высвободился. Корней постоял еще, перекрестился и пошел христосоваться с матушкой.



**Ададь ХОЛЪМ**

## **МОЛИТВА О ЧУДЕ**

**Стихи**

\* \* \*

О том, что нет чудес, я знаю сам,  
или сама, зависимо от пола,  
но иногда молитва к небесам  
доходит долго, иногда так скоро...

И как бывают пятна на луне  
Или, точнее, кратеры на солнце —  
так и Господь — в небесной глубине  
не отвечает признакам господства...

\* \* \*

Я повис на абажуре  
перепонками крыла...  
Если ты была одна —  
замечала, как без шума  
под ногами меркнет гравий  
в облепиховом саду.  
Я тебе такой гербарий  
обязательно найду...  
А пока вишу, как мышь,  
Не летающая, правда,  
на краю бесцветных крыш  
и раскачиваюсь плавно...

\* \* \*

Я сделал вздох —  
и зацвела сирень,  
и я оглох



от собственного вздоха;  
и на порог  
от сомкнутых дверей  
упала тень  
вошедшего кого-то.  
Ему, быть может,  
тоже стало жутко  
от тишины  
немного промежутка...

#### КАЙ И ГЕРДА

Мальчик  
на снежной дорожке  
ищет следы снегирей...  
Вьюга с обочины в дрожки  
всё намедает сильнеей.  
Взоры в морозных осколках  
смотрят растерянно врозь.  
Золотом падая звонко,  
что между нас пронеслось?

#### БАБОЧКА

Я почувствовал в споре, что лишний,  
и украдкой ушёл, говоря,  
что я бабочкой падаю с вишни,  
чтобы биться в плафон фонаря...

И, упав с обожжённого круга,  
в хороводе мелькающих крыл,  
не теряясь во сне от испуга,  
мотылька на ладони раскрыл...

#### ТАРУСА

*Памяти Борисова-Мусатова*

Здесь гений русской старины,  
мечтая вырваться из плена  
словесных крыльев, по колено  
ушёл под рокот глубины...

И поэзументы мёртвых дам  
оставил в пламени богам...

### ПИРУЭТ

Была зима  
в рябиновых побегах,  
взлёт снегирей  
на обморозь пшениц,  
и за метелью —  
память тишины  
на огоньках  
мерцающего снега...  
Закатный час —  
счастливая пора  
свидания теней на галерее,  
и — росчерком гусяного пера —  
склонённый паж  
в распахнутой ливрее...

### ДУЭЛЬ

Трава от инея пожухла.  
Нет, мне от этого не жутко,  
но замираю в тишине  
от горькой памяти рассудка,  
о ней  
скорблю, как Грибоедов  
по паре лёгких пистолетов.  
В дуэли нет упрёка, право,  
но от звенящего кимвала  
болит по смерти голова,  
которой беглые слова  
ты на улыбке начертала...

### БАЛЛАДА В ДУХЕ ШАМИССО

В безысходном бою  
потерял я свою  
золотую литую свирель.

И теперь у меня  
нет меча и коня  
и в могиле моя колыбель...

Встану я поутру  
и травую сотру  
сновиденья о жизни былой.

Ты теперь не моя,  
ты жена короля,  
а король обезглавлен толпой.

Друг мой кинул меня,  
и, пришпорив коня,  
он гарцует во вражеский стан.

И вокруг ни души,  
только жмётся в тиши  
моё сердце к любимым устам...

#### ЛИСТЬЯ

Жёлтые листья лежат  
у заброшенных хижин.  
Скоро дорога  
Завьётся, как ласточка, в гору.  
Там, за горой,  
я тебя на распутье увижу  
в алом сиянии  
тьмы с перерезанным горлом.  
Грусть сокращает  
последних минут промежутки,  
шорох шагов  
удаляет от понятых истин,  
боги, скупые на росписи,  
в пламени жутком  
жгут в обожжённых ладонях  
жёлтые листья...

## ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

Брейгель вышел из дома под вечер  
и заказчика встретил в пути.  
Он хотел избежать этой встречи,  
но прохожий не дал пройти.

Он твердил со знанием дела,  
понимая в картинах толк,  
что исчерпана в жизни тема  
и другую найти не мог...

Что он вышел из дома под вечер  
и увидел в зелёном свету,  
как вдали затопили печи  
для охотников на снегу...

**Ольга ПРАВДИНА**

**ОНА ЛЮБИЛА  
СТИВЕНА КИНГА**

**Рассказы**



**КАК ЛУГОВОЙ ТРОФИМ В КОСМОСЕ ОКАЗАЛСЯ**

— Петька! — восхищённо прошипела Алька другу в ухо. — Смотри! Луговые опята! Да какие крепенькие и хорошенькие!

— Ага! — обрадовался Петька и потянулся к ним с ножом.

— Ой, Петь, погоди! — вдруг осадил его девочка и даже ухватила за рукав рубашки.

— Ты чего? — обиженно буркнул мальчишка и даже обернулся на подружку. На её конопатом лице читалась явная озабоченность. Она даже лоб наморщила от напряжённой умственной деятельности, словно на уроке математики. И тёрла переносицу указательным пальцем, что с ней случалось, когда она сильно волновалась.

— Дай-ка я сначала погляжу!.. — Алька присела, наклонилась так низко, что тоненькие косички свесились аж до самой земли! Девочка стала раздвигать траву вокруг грибов. — Так я и думала! — она быстро поднялась, будто отпрыгнула, и отступила на пару шагов от Петьки.

Мальчик уставился на неё в изумлении. Да чего это она?

— Эти грибы брать нельзя! — решительно заявила Алька и обхватила себя за плечи, будто замёрзла.

Петька невольно заметил, что руки у неё, как и лицо, тоже в золотистых конопушках. Он посмотрел на подружку и понял, что Алька не шутит. Она даже немного дрожала, но на дворе стоял июль — какой тут холод! Жара несусветная! Хорошо ещё, что три ночи подряд ливни идут — грибы сразу в рост пошли!

— Почему? — только и смог выдавить из себя мальчишка, озадаченно глядя на Альку.

— Потому что это Ведымин Круг. А на лугу такой круг — это дом Лугового.

— Какого ещё такого Лугового? — опешил Петька.

— Ну, как дома — Домовой, в бане — Банник, во дворе — Дворовый. Те, кто охраняют дом, двор, баню держат в порядке... Так и луг. У него есть свой хозяин и защитник — Луговой.

— Вот ещё чего выдумала? Бабкиных сказок наслушалась!.. Где его дом? Где хозяйство?

— А живёт он в Ведьминоме Кругу. Видишь, в центре самый большой опёнок? Так вот это и есть его дом. А хозяйство — весь луг! — серьёзно сказала Алька. — И это не сказки. Вон смотри, по ту сторону оврага — болото! А это — бывший луг. Говорят, что речка вышла из берегов — затопила его. Старожилы из деревни поговаривают, что случилось это из-за того, что пропал хозяин — Трофим... Попросту исчез! А куда исчез — никому не ведомо.

Петька озадаченно почесал вихрастый затылок: «Луговой?.. Трофим?.. У них что — и имена как у нас?..» А вслух уныло поинтересовался:

— Ну и куда дальше?

Алька встрепенулась:

— Айда вон в ту рощу! — и кивнула на дубы, виднеющиеся на холме. — Там наверняка уже свинюшки с моховиками повылазили!.. Давай кто вперёд! — она закинула за спину рюкзак и бросилась бежать. Да так резво, что только локти засверкали и косички запрыгали по плечам.

— Эй! — обиделся Петька, которому совершенно не хотелось в такую жару играть в догонялки. — Так нечестно! — и, еле передвигая ноги, поплёлся вверх по склону...

А в это время на космической станции на орбите Земли спорили два космонавта. Один из них был командиром станции. Раньше он пилотировал обычные межпланетные челноки, курсировавшие по Солнечной системе. Но Мисс Удача улыбнулась, и вот он — Первый пилот первого на Земле корабля-станции! Он сидел за штурвалом в коконе-кресле, когда махина поднималась на орбиту с Земли, и очень гордился своей ролью в этом запуске.

А второй космонавт был самым обычным коком. И гордился тем, что кормит всю «шатию-братию» этого большого корабля-станции не какими-то там концентратами из тубиков и контейнеров, а полноценной натуральной пищей!

Если на капитане ладно сидел форменный костюм с нарукавными и петличными знаками космического рода войск, а голову венчала фуражка с кокардой, то на коке мешком висел белый халат, а на голове игриво накренился набок поварской колпак. А большой клеенчатый фартук был запачкан мукой и чем-то масляным...

— Василий Иванович, доложи мне честь по чести, чем собираешься кормить команду? Надеюсь, не получится, как вчера... А то люди все по смене

отпахали: кто в рубке управления, кто на наблюдательной площадке, кто в открытом космосе, а кто и в оранжерее твоей любимой, чтоб овощи натуральные и корнеплоды вырастить... Все устали и хотят есть, и не просто есть, а употреб-лять в пишу нормальные продукты, а не галлюциногены...

— Геннадий Петрович, — вступил в разговор невысокий толстенький кок, вытирая руки о полотенце, повешенное через плечо, — обижаешь! Какие такие галлюциногены? В меню: картошечка космическая, выращенная, как вы правильно упомянули, в наших оранжерых. Сорт называется «Орбита». Вот только маленький нюанс: вчера была жареная картошка с грибами...

— Вооот! — командир станции ткнул указательным пальцем в грудь кока. — Что и требовалось доказать! Гри-боч-ки! Они самые!

— А в этот раз, — Василий Иванович продолжал говорить, будто и не слышал вовсе реплики Геннадия Петровича, — в этот раз у нас пюре картофельное с селёдкой, маринованной в собственном соку! С лучком! Мммм!.. Ум отъ-ешь!..

И командир тоже продолжал говорить, сделав вид, что не заметил аппетитного рецепта кока:

— Селёдка так селёдка! И чтобы больше никаких грибочков! Эксперимен-ты, понимаешь, он тут над нами проводит!..

— Да полно вам, Геннадий Петрович! — всплеснул руками кок и улыбнулся по-доброму — так, будто и не кричал на него командир станции, и не сыпал обидными несправедливостями. — Грибочки, а именно опята луговые, выра-щены в оранжерых из спор, собранных на лучших и чистейших лугах нашей с вами родины. Это, кстати, самые ароматные и легко усвояемые грибы из всех видов грибов! А прислал споры нам Институт космического питания и диетоло-гии. Я тут вообще как бы и ни при чём получаюсь...

И, отвернувшись от командира станции, он стал спокойно закладывать по-мытые овощи в картофелечистку.

Геннадий Петрович потоптался ещё немного за его спиной, побурчал что-то, посопел, но, видя, что разговор окончен, махнул в сердцах рукой и вышел в коридор.

А кок, делая своё дело, размышлял над теми странностями, что творились на борту станции с момента её подъема на орбиту. Наблюдатели с observa-тории, находящейся в правом крыле станции, рассказывали, что маленький человечек периодически бегаёт по телескопу и даже хулиганит: сбивает на-стройки, крутя ручки установки фокусировки телескопа.

Дежурные в рубке управления тоже заметили маленького человечка. Тот, по их словам, появился из ниоткуда, взбежал по проводу к главному монитору и сверху, обернувшись на обалдевших от неожиданности пилотов, погрозил им маленьким кулачком.

Оранжереи находились в левом крыле станции. И оттуда тоже приходили ботаники и с опаской рассказывали о маленьком человечке, живущем среди посевов грибов. Они даже пытались найти с ним общий язык, но человечек обиженно прятался каждый раз, когда приходила пора снимать урожай грибов. Поговаривали даже, что в следующий раз надо оставить ему грядку несобранных, чтобы он мог там жить постоянно.

А в это время на Земле, в том самом болоте, на месте которого был луг..

— Эй, Кикимора Ивановна, шо там нонче у нас на обед? — спросил мужичок небольшого роста, весь заросший волосами и бородой, наклонившись к самой поверхности болота.

— А чё? Да усё то же самое, Леший Васильевич: ряска, трясина да водица болотная. Фу, надоело!.. — отозвался кто-то ему в ответ, и тут вода зарябила, и над поверхностью возникла голова. С виду — женская, с длинными волосами, большими оттопыренными ушами и огромными жабьими глазами.

— Да... Дела... Одно и то ж каждый день! — вздохнул мужичок и сел на камень около болота.

— А ты как хотел? — обиделась Кикимора Ивановна, полностью выбираясь на сушу и присаживаясь рядышком с Лешим. — Живём мы так, как положено нашими предками... Но... как же скуууушно!.. — неожиданно закончила она. И тоже вздохнула, выжимая воду из зелёных волос.

Леший помолчал, почесался, а потом вдруг спросил:

— Чё, Кикимора Иванна, поди уж и не рада, что с луга прогнала хозяина-то? Трофима... не помню, как по батюшке величать-то? Раньше как у вас весело было: то он осушит часть твоего болота да там всё цветами да грибами засеет. То ты его водицей затопишь, ряски насаждаешь, плавунцов заведёшь... А кадись отправила ты ентого весельчака с подвернувшимися товарищами в институт-то какой-то, так и загрустила сама, и уж в болото своё игратья не хочешь. Протухает водица, птицы перестали водиться... А раньше всякой живности ой скока было-то!

Кикимора неопределённо хмыкнула, помолчала и через некоторое время сказала:

— А кто ж знал-то, что это не простые городские понаехали по грибы? Я думала, что подкину им Трофима в кузовок с помощью магии своей позабытой-позаброшенной. Они повизжат, поорут, да и бросят своё занятие и в город обратно ломанутся! Кто ж ведал, что там у них не только грибы в кузовках-то были, но и травы разные. В том числе и сон-трава... Не выпрыгнул Трофимушка-то, как я думала, и не напугал их до смерти, а уснул мирным сном. А уж куда они его, родимого, врага моего сердечного увезли, никто не ведает..

А в это время на орбите в космосе в оранжерее...



— Ну почему люди такие тупые?! — возмущался Трофим Васильевич, в очередной раз перетаскивая свои небольшие пожитки на новую плантацию грибов. — Ну ужели не понятно, что живу я здесь! Что грибы — это мой дом! Уж и козни им строить надоело! Только сваливают всё на галлюцинации какие-то... И ведут себя так, будто меня вовсе не существует! А я вот он — Трофим Васильевич — живой и здоровый, собственной персоной! И не молодой уже... Сколько без дома можно скитаться? Пора уж и остепениться. Как-никак третье столетие пошло... Вот наведу порчу на их любимую картошечку — будут знать!.. Могу ведь навести... Но не буду... Добрый потому что... Пушай живут и радуются, что добрый я... Эх, вот только жаль, поболтать не с кем и поозоровать! Бывало, как мы с Кикиморой Ивановной-то друг дружке задачки задавали! Любо-дорого вспомнить!.. А тут одно развлечение — ката корабельного погонять!.. Эх, надо на Землю возвращаться. Что я в этом космосе забыл?.. Всё! Решено! Со следующим кораблём — на Землю!..

## **ОНА ЛЮБИЛА СТИВЕНА КИНГА**

*С. К. посвящается*

«Как непривычно! — Алла оглядела полупустой вагон метро, невольно выделив взглядом молодого человека в длинном чёрном пальто. — Всего-то сорок минут в книжном магазине, и уже есть свободные места!»

Действительно, час пик прошел. Основная масса людей, спешащих с работы домой, схлынула. Метро, похожее на нажравшегося спрута, равнодушно заглатывало отставших пассажиров и раскидывало подземными щупальцами в разные концы города.

Алла села на приглянувшееся ей место и с замиранием сердца открыла тяжелый том. «Тёмная башня!» Как долго я ждала эту книгу! — она счастливо вздохнула. — Неужели последняя? Странник Роланд всё-таки добрался до башни?.. — Алла открыла первую страницу. — И так...»

Поезд останавливался на станциях и снова начинал «полёт» по тёмным недрам города, в котором она жила безвылазно вот уже несколько лет. Но Алла ничего не замечала. Она перенеслась в параллельный мир, выдуманный Стивеном Кингом — по её мнению, самым великим мистиком своего времени.

Люди входили и выходили, и шум, который они производили, напоминал шелест морских приливов и отливов. Она ничего не замечала, не беспокоилась ни о чём. Метро привезёт куда надо. Её станция — конечная. Не ошибёшься!..

Внезапно она почувствовала, что вокруг неё что-то изменилось. И это что-то заставило её вернуться из параллельного пространства. С трудом понимая, где она и что с ней, Алла подняла глаза. Парень, на которого она обратила внимание в самом начале пути, перебрался на сиденье напротив неё. И наблюдал за ней с нескрываемым интересом.

Она попыталась снова погрузиться в чтение, но поймала себя на том, что уже пятый раз подряд читает одну и ту же строку, не понимая смысла написанного.

«Чёрт! — выругалась она мысленно. — Чего уставился? Познакомиться захотел?»

Алла усмехнулась. Она была некрасива: нос — длинноват, губы — узкие, челюсть — квадратная, серые глаза слишком близко посажены к переносице. Плюс ко всему этому — жёсткие непослушные волосы неопределенного цвета...

В юности был один момент, когда она хотела что-то изменить в своей внешности. Тогда она попробовала косметику, покрасила волосы в светло-русый цвет... Вывод сделала сразу, как только посмотрела на себя в зеркало: горбатого только могила исправит. И оставила всё как есть.

Хотя... Сейчас, спустя почти десять лет после той безрезультатной попытки, измениться можно было бы... Можно. Только это очень дорого стоило. И каждый раз, когда она уже была готова сделать пластическую операцию, цена на неё опять повышалась...

Она тайком взглянула на соседа напротив. Он смотрел на неё. Аллу бросило в жар. «А не сойти ли? — пришла на ум здравая мысль. — Только сумасшедший может любоваться моим фейсом! — сразу стало тоскливо и тревожно. — Теперь уж не до Кинга. Надо сматываться!»

Поезд как раз тормозил на какой-то станции.

«Вот сейчас встану и!.. — Алла не сделала этого. Почему? Да потому, что ездила этим путём уже четыре года и не собиралась что-либо менять из-за недоумка, у которого слюни начинают течь при виде первой попавшейся юбки... — Хорошо ещё, что на мне джинсы!»

Слюни, конечно, у парня не текли. Но пухлые, чувственные губы казались влажными. «Он, что, блеском для губ пользуется?» — мелькнула мысль, но Алла отогнала её и постаралась погрузиться в чтение.

Не получилось. Странный попутчик не шёл из головы. Она могла описать его даже с закрытыми глазами! Длинные русые волосы зачёсаны назад (наверняка с помощью геля!). Голубые глаза — чуть на выкате, но яркие и блестящие, словно в них — контактные линзы. Пушистые чёрные ресницы, которым позавидовала бы любая девушка, прямой нос с аккуратно очерченными ноздрями, волевой подбородок. Холёные руки...

О руках можно было отдельный рассказ написать. Они жили своей жизнью. То ложились — одна на другую, то сцеплялись неестественно длинными пальцами, и тогда становилось заметно, что ногти хорошо обработаны, словно их хозяин только что побывал в маникюрном салоне. Руки то сходились вместе, то разбегались по карманам пальто. Но ненадолго. Через минуту движение начиналось сначала.

Глаза странного попутчика неотступно следили за Аллой, словно она была в этот момент единственным живым существом во Вселенной.

Алле оставалось ехать всего ничего — семь остановок. А там забежать в крохотный магазинчик — купить продуктов. Сегодня она дежурная по кухне. Алла и две её бывшие сокурсницы снимали однокомнатную квартиру на окраине города. Цены в центре сильно отличались от «окраинных». Алла не ходила по магазинам там, где работала. Исключение составлял книжный...

Она вспомнила о тяжёлой чёрной книге, мирно дремавшей у неё на коленях, словно кот, готовый в любую минуту выпустить острые когти.

Книги занимали главное место в её жизни. Особенно написанные Стивеном Кингом. Мистика, остросюжетная фантастика, нестандартные решения и выходы из сложных ситуаций, странная психология насильников и сумасшедших, а главное, положительные герои. Их мысли, рассуждения, скромные будни и героические подвиги... Что ещё нужно было для счастья такой одинокой некрасивой девушке, как она? Только новая книга. И только Стивена Кинга.

Читать не получалось. В голову «полезли» мысли о работе: «Господи! Как же я не хочу!.. Каждый день — одно и то же! А сослуживицы, как паучихи в банке: зависть ко всем и каждому, по поводу и без повода, и нескончаемые сплетни!»

После института она пошла работать на тот завод, на котором делала дипломную работу. Она перебирала бумажки, но год из года просилась в цех. У неё была странная для девушки мечта — научиться всё делать своими собственными руками! Да и запах машинного масла и металлической стружки, грохот станков и крики мастеров нисколько не пугали её. Наоборот, ей очень хотелось почувствовать себя маленьким, но необходимым винтиком в огромном производстве. Мужчины там не обращали внимания на то, что она страшная. Они заигрывали с любыми женщинами, оказавшимися на их территории.

Но... Пока мечта так и оставалась мечтой. В ученики слесаря, или токаря, или фрезеровщика можно было попасть только через увольнение. А этого она боялась как огня. Если нечем будет платить за квартиру, то девчонки просто выкинут её на улицу!..

«Так, не думать о грустном!» — приказала она себе.

Но если не думать о работе, то что делать? Играть в «кто-кого-переглядит» с молодым человеком на сиденье напротив?

Словно угадав её мысли, парень вынул из внутреннего кармана пальто тёмные узкие очки и надел их.

«Нагляделся! — успокоилась Алла и тут же чуть не фыркнула от смеха. Он напомнил ей Нео из фильма «Матрица». — Круто-ой!»

На очередной станции в вагон ввалилась весёлая компания. «Студенты! — угадала Алла. — Везёт же! Все проблемы — учишь, выбивай из «преподов» зачёты. И не думай ни о чём. Красота!»

В свои студенческие годы она, конечно, так не считала. Ночей не спала, зубрила, шпаргалки писала под лупой, карманы потайные шила. Слезы лила, когда один особо ненавидевший её «препод» год из года, курс с курса вышвы-

ривал за дверь зачётку, заставляя её таким образом приходиться к нему ещё раз. И ещё раз. На пересдачу.

Симпатичным девчонкам отметки могли поставить за красивые глазки. Ей, увы, приходилось бороться и вкалывать, как «мама Карла», за каждый балл. Но и в те, трудные времена, было у неё одно-единственное спасение. Когда выдавалась свободная минутка, Алла брала в руки очередную книгу Стивена Кинга и читала, читала, читала...

Через две остановки гогочущая молодежь, толкаясь и «прикалываясь» друг над другом, той же плотной толпой вывалилась обратно на перрон. А молодой человек в чёрных очках остался.

Алла снова разнервничалась. Открыла зачем-то сумочку, порылась в её захлапленных недрах. Рука наткнулась на мобильник. Алла вынула его, посмотрела на часы. Затем, заблокировав клавиатуру, положила обратно... И тут же мороз пошёл по коже: «Что же я делаю? Сейчас про эти мобильники столько талдычат и по телевизору, и везде!..» — она подозрительно покосилась на «Нео». Но тот не испытывал никакого особого интереса к её средству связи. Но и из вагона не выходил. Он даже руки свои успокоил. «Ну вылитый Сфинкс! — съехидничала она. — Даже не пошевелится!»

Неприятное чувство не отпускало. Оно росло, ширилось, распирало её изнутри, словно гелий ярмарочный воздушный шарик.

На глаза попалась красная кнопка на стене. «Может, милицию вызвать?.. А что скажу? Что всю дорогу на меня как-то странно смотрит один из пассажиров?.. Нет, лучше уж я сойду!»

Скорость поезда упала, он остановился. По-змеиному зашипели автоматические двери. Алла неторопливо встала и направилась к выходу, зажав под мышкой неудобно-толстую книгу. Краем глаза она заметила быстрое движение за спиной, словно большая черная птица взмахнула огромными мягкими крыльями...

«Началось!» — отстранённо подумала она, а по спине побежали мурашки страха. Алла старалась как можно быстрее преодолеть все эскалаторы и переходы. В сводчатом тоннеле, как назло, оказалось совсем мало народу. Впереди маячила парочка, да позади слышались одинокие шаги...

Она обернулась на ходу. Почти по пятам за ней следовал... «Нео»!

Она пошла быстрее, стараясь нагнать обнимающуюся парочку. Но преследователь тоже увеличил темп. Звуки его шагов гулко отдавались под высоким полукруглым сводом коридора. Ближе, ещё ближе...

Парочка впереди неожиданно куда-то свернула. У Аллы от страха подкосились ноги. «Что, если я упаду?» — она стала разворачиваться к преследователю, но всё получалось как-то медленно, будто она делала это в толще морской воды. Вор, не останавливаясь, на ходу резко вырвал из её руки сумочку и...

Вздвогнув, Алла пришла в себя. Огляделась по сторонам. Тот же самый вагон. Тот же парень на сиденье напротив. Та же книга у неё на коленях. «Я выходила или нет? — Алла растерянно уставилась на открытую страницу. — Всё было так реально!.. Странно...»

Двери закрылись. Поезд рванулся в темноту нового тоннеля.

Сердце у Аллы колотилось с такой силой, что казалось: незнакомец слышит его. Ведь вагон-то пустой, и шума никто, кроме поезда и её сердца, не издаёт.

За тёмными очками глаза парня были неразличимы. «Куда он смотрит? — бесилась Алла. — На меня? Ну конечно, на кого же ещё?»

Её снова бросило в жар. Она расстегнула молнию своей ярко-жёлтой куртки, которой втайне гордилась. Это была её первая самостоятельная покупка. Яркая, модная вещь после череды безразмерных «хламид» мрачных серых и чёрно-коричневых тонов, которые выбирала ей мама. Прошло четыре года с тех пор, как мамы не стало...

Алла вынула из кармана платочек, вытерла пот со лба. «А вот кофточка-то на мне старая! — заметила она, нервно запахивая полы куртки. — И поправились я за новогодние праздники! Обтягивает слишком...»

Новая станция. Алла, не раздумывая больше, вскочила, бросилась к двери, на ходу засовывая под мышку раздражающе-толстую книгу. Краем глаза она заметила быстрое движение за спиной, словно большая чёрная птица взмахнула огромными мягкими крыльями...

«Началось! — отстранённо подумала она, а по спине побежали мурашки страха. Она искала выход из метро. — Только бы оторваться от преследователя!..»

На улице её встретил такой мощный и ледяной порыв ветра, что она растерялась, остановившись на минуту. Редкие прохожие быстро исчезли в дверях подъездов и магазинов. Ещё более редкие фонари даже не старались осветить узкие тротуары. «Идиотка! — обозвала себя Алла. — Выскочила не поймёшь где! Куда теперь идти? Обратнo в метро, в лапы этому... ненормальному? Не дождётесь!» Алла застегнула молнию куртки и бросилась вперёд. Едва она это сделала, как услышала за спиной... Или почувствовала?..

Рванувшись в первую попавшуюся подворотню, она прижалась спиной к шершавой кирпичной стене. От страха подкашивались ноги. «Господи, да что же это такое?» — рвался из груди крик, но она душила его, боясь даже пискнуть от страха.

Парень в чёрном пальто не заставил себя долго ждать. Он возник около неё словно чёрт из табакерки. Алла даже не успела вскрикнуть, когда он грубо дернул застёжку молнии на её куртке. Та отчаянно вжикнула и сломалась. Видимо, это распалило насильника. Он рванул полы куртки в разные стороны, и та лопнула, словно кожа спелого банана. Его руки уже добрались до кофточ-

ки, когда Алла начала сопротивляться. Нет, она всё так же боялась, но нужно же было хоть что-то делать. Хоть что-то!..

Нападающий удвоил натиск. Пуговицы многострадальной кофточки пулеметной очередью прошили темноту подворотни... Как ни странно, больше всего Алла боялась не за себя, а за книгу. Так не хотелось, чтобы та упала в кашу из грязного снега и мокрой земли! Алла изо всех сил сжала под мышкой жутко-толстую книгу, и это мешало ей сопротивляться.

Тёплое тухлое дыхание насильника коснулось щеки, холодные потные руки проникли под кофточку...

— Не-е-ет! — закричала она, теряя сознание и сползая по стенке...

Вздвогнув, Алла пришла в себя. Огляделась по сторонам. Тот же самый вагон. Тот же парень на сиденье напротив. Та же книга у неё на коленях. «Кажется, я схожу с ума!» — мысль мелькнула, точно фонарь за окном, и пропала.

«Нужно как-то защититься от него. Но как? У меня даже газового баллончика нет! — Алла ничего не чувствующими пальцами рылась в сумочке. — Господи, может аэрозоль для горла подойдет? — она сжала небольшой холодный цилиндр и нащупала «пшикалку». — В случае чего — в глаза ему прысну!»

Двери открылись. Алла невольно сунула аэрозоль в карман, придерживая под мышкой отвратительно-толстую книгу. Краем глаза она заметила быстрое движение за спиной, словно большая чёрная птица взмахнула огромными мягкими крыльями...

«Началось!» — отстранённо подумала она, а по спине побежали мурашки страха.

Она бежала к эскалатору. Там были люди! Она хватала их за руки, за полы пальто, за сумки, удерживая под мышкой книгу, которая норовила вырваться и упасть. В другой руке она держала баллончик аэрозоля. Алла кричала: «Помогите! За мной гонятся! Спасите меня!» Но люди отрывали её от себя, выкручивали потные ладони из её слабой от ужаса руки, выдергивали ремни сумочек и быстро-быстро расходились кто куда.

Алла слышала за спиной тяжелые шаги и шумное дыхание. Даже не обращившись, она знала, что преследователь близко. Она побежала по эскалатору вверх, но парень в чёрном пальто настиг её, схватив за плечо. Ноги у Аллы подкосились. Развернувшись, она увидела, как в руке «Нео» блеснуло лезвие ножа...

Сначала Алла ничего не почувствовала, только люди вокруг почему-то закричали и начали толкаться в одном направлении — вниз по эскалатору.

А потом резкая боль полыхнула в низу живота, раздирая огнём все внутренности.

Убийца выдернул нож. Тот уже не блестел, как вначале.

Эскалатор стал похож на потревоженный пчелиный улей. Все стремились убраться подальше от страшного места.

А страшный чёрный человек всё поднимал и опускал нож. Кровь брызгала в разные стороны, словно из пульверизатора. Боль пронзала всё её существо, но с каждым разом всё слабее и слабее. И вот навалилась благодатная темнота, в которой уже не было ни ужаса, ни боли... Ничего.

— Девушка! Девушка, вам плохо? — Алла открыла глаза и оттолкнула от своего носа чью-то руку с ваткой, пропитанной нашатырным спиртом.

Тот самый «Нео» в чёрном пальто. Только без очков. И глаза голубые навыкате — близко-близко!

— Может, пепси? — он попытался сунуть ей в руку початую бутылку.

— П-пошёл т-ты! — выдохнула Алла, отпихивая руку с бутылкой. — Ч-чего п-прицепился?

Парень растерялся, отступил на шаг, выпрямился.

— Простите... Я только... хотел помочь.

— Помочь? Тем, что пялился на меня всю дорогу?

— А! Это... — он хотел присесть рядом, но Алла подскочила, как ужаленная, и кинулась к двери. — Не подходи, тварь! — книга, точно разбуженный кот, слетела с колен и скользнула по полу вагона к соседним сиденьям.

Он наклонился за книгой, поднял:

— Неужели я напугал вас? Но... чем?

— Повторяю, ты пялился на меня!

— Разрешите мне всё объяснить! — он шагнул к ней, протягивая книгу.

Она вырвала «Тёмную башню» из его рук и выставила впереди себя как щит.

Парень продолжил:

— Я — хирург... Удивлены? Я — хороший специалист. Пластическая хирургия для меня всё! Я сделал уже три сотни операций... Честно! Не верите? Вот моя визитка! — он вынул из внутреннего кармана пальто блестящий прямоугольник. — Ваше лицо меня заинтересовало. Хиромант собирает в свою коллекцию слепки рук. Я езжу на метро и собираю лица. На компьютере разрабатываю программу исправления... Знаете, выпрямляя человеку нос, соизмеряя разрез глаз и носогубных складок, толщину надбровных дуг и губ, можно сделать идеально красивого человека...

Воодушевляясь всё больше и больше, незнакомец стал размахивать руками, как бы подтверждая свои слова. Его глаза ещё больше заблестели, щеки покраснелись, в уголках губ появилась пена...

...Медицинский стол. На белой поверхности разложено множество инструментов. Алла увидела руки с невероятно длинными пальцами в прозрачных резиновых перчатках. Эти руки любовно перебирали ножи, скальпели, резак, дробилки, пилки, какие-то щипцы...

— Начнем, пожалуй!

Алла попыталась повернуть голову, оглядеться. И поняла, что лежит на другом столе, привязанная к нему крепкими ремнями. Тело её едва прикрывала белая простыня. Хирург «Нео» (но уже не в чёрном пальто, а в белом медицинском халате) наклонился над ней с огромной циркулярной пилой...

— А-а-а! — дико закричала она и начала биться о стол. — Помогите же кто-нибудь!.. Помогите!..

Двери вагона, на которые она опиралась спиной, неожиданно разошлись. И она, потеряв равновесие, начала падать на перрон...

Книга вырвалась из рук, когда Алла попыталась уцепиться за разъехавшиеся створки дверей. Но пальцы лишь скользнули по резине и... сорвались.

Как при замедленных съёмках, толстая чёрная книга переворачивалась в воздухе: титульный лист с заглавием: Стивен Кинг «Тёмная башня»; торец книги с золотым тиснением; обратная сторона... А двери вагона всё удалялись и удалялись...

Алла упала на гранитный пол перрона, сильно стукнувшись затылком. Острая боль пронзила её, в голове всё смешалось, перед глазами поплыли разноцветные круги, но это ещё был не конец. Она пошевелила головой: «Ворочается!» Она начала перекатываться на бок с одной-единственной мыслью: «Только бы встать! Ну, хотя бы на колени!.. А там...»

Что-то чёрное полыхнуло золотом перед глазами и ударило в висок...

Она оказалась под сводом станции. Оттуда всё было хорошо видно. Какая-то девушка в желтой курточке — кстати, очень похожая на неё, Аллу — лежала на перроне, а вокруг суетились люди. Кто-то звал милицию, кто-то побежал звонить в «скорую».

Но не это взволновало её. Она увидела свою любимую книгу на грязном, затоптанном множестве ног, гранитном полу. И какой-то незнакомец в чёрном пальто наклонился над ней. Поднял.

Она мгновенно оказалась рядом с ним: «Это моё! Отдай!» Попыталась вырвать книгу из рук парня, но ничего не получилось. Просто потому, что у неё не было рук. Её вообще не было...

Парень выглядел задумчивым и грустным. Он тихо сказал:

— Я всего лишь хотел дать ей шанс стать красивой! — он засунул книгу под мышку и зашагал по направлению к выходу. — Но она любила Стивена Кинга...



**Максим ТОКАРЕВ**

**ПУТЬ  
ЧЕРЕЗ ДОЖДЬ**

**Стихи**



**НАЧАЛО ДНЯ БЛАЖЕНСТВА**

Естественно — грешить и каяться.  
Мир в беспорядке. Но — живёт.  
Родится золото из хаоса.  
Родится счастье из забот.

Пускай врывается отчаянье  
В людей, как вражеская рать,  
Но есть надежда изначальная,  
Она готова всех спасать —

И заблудившегося путника,  
И душу в наболевшем зле.  
Начало дня блаженства — в утренней  
Певучей нови на земле.

**ПУТЬ ЧЕРЕЗ ДОЖДЬ**

Капли пронзительны, мелки.  
Вечер озяб от дождя.  
Свет не несёт свойства грелки,  
От фонаря исходя,

Между морозом и жаром  
Ровно дорожку ведёт.  
В нимбе электропожара  
Лишь отрешённость живёт.

Трудно-холодным, но светлым  
Кажется путь через дождь,  
И темноты незаметно —  
Окна пылают, как рожь.

На дождевую подушку  
Тёмное небо легло,  
Только не стало заснувшим  
В уличной спальне — светло.

\* \* \*

Я ничего не знал об августе —  
Не знал, что он бывает знойным.  
Вот первый жёлтый лист за аистом  
Хотел вспорхнуть — упал безвольно.  
Тревожится напрасно птица —  
На юг пытается лететь,  
Ведь будет август греть и греть...  
Прохлады бы чуть-чуть добиться.

Не знаю ничего об осени,  
А то, что знал, забыл. Так легче  
Идти к опавшим листьям с просьбою  
Путь осветить в тумане вечном.

### СУЩЕСТВА-КОЛОКОЛЬЧИКИ

На себя примеряю возраст  
Земли — не нынешний, а юный,  
Когда излучали росы  
Солнечно звучащие струны,

Когда, взамен динозавров,  
Появлялись существа-колокольчики.  
В нашем «сегодня» «завтра»  
Они почему-то закончились.

\* \* \*

Почувствую черту,  
Что ветер проведёт,  
В свой путь её вплету,  
Ещё в водоворот.

Огни на берегу,  
Наморщилась вода.  
Я в те края бреду,  
Где пламенна слюда,

Где блеск воды игрив  
Под млечною звездой,  
Где мир иной открыт —  
За ветреной чертой.

### МУЗЕЙ

Уснула старая усадьба,  
Которая теперь — музей  
Поэта, чьей судьбы касаться  
Позволено душе моей.

Его не называю имя,  
А буквами лишь золотыми  
Пишу на темноте ночной...  
О, собирательно оно!

В нём есть и Пушкин, и Некрасов,  
И Фет, и Анненский, и Блок.  
Их слить я воедино смог —  
И будет легче углубляться

В суть, что поэзии дана  
И светит ночью, как луна.



**Владимир ГОЛЬДШТЕЙН**

## **ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ ВЕЛОСИПЕД**

**Рассказ**

Вечер в Натании выдался, как всегда, душным. Обоженная летним солнцем земля Израиля выдыхала теперь полуденный зной в неподвижный воздух, и струйки пыльного марева колебались между колесами пробирающихся к побережью машин.

Рабочий день благополучно закончился несколько часов назад, завтра суббота — мой единственный выходной, и я, недолго думая, решил провести этот вечер около моря. Собственно, выбор был невелик: сидеть в душной квартире под завывающим вентилятором у телевизора, поехать к друзьям, чтобы сидеть перед телевизором у них, или отправиться к морю. Надо ли объяснять, почему я выбрал последнее?

Весь прошедший год после моего развода с женой эти невеселые варианты неумолимо вставали передо мной каждый вечер, и все чаще я выбирал море. В выходные будет уже иначе — по воскресеньям меня тянуло на стройку, где я успешно работал бригадиром. Все просто — я любил свою работу. В этой строительной компании я начинал простым рабочим, получая в час всего двадцать шекелей. Приходилось целый день стоять на жаре с отбойным молотком и сбивать старые потолки и стены. Ну да что вспоминать плохое? Я приехал в эту страну, чтобы чувствовать себя по-настоящему дома, жить и работать, несмотря ни на какие трудности. И в конце концов все стало получаться, вот только семейная жизнь...

Я наконец выехал на набережную и припарковал машину на стоянке, раскинувшейся почти на самом берегу. Мой серебристый «мицубиши», купленный на одолженные у родственников деньги вскоре после приезда, смотрелся совсем неплохо среди кустиков чахлой зелени, разделявших стоянку на небольшие секции. Я захлопнул дверцу, бросил окуроч в прозрачный пластиковый мешок, заменяющий урну (по соображениям безопасности, обычных урн у нас нет), и направился к воде.

Побродив полчаса по набережной и подышав морским воздухом, я вернулся к автостоянке. Машин заметно прибавилось. Вплотную к моей теперь стояла потрепанная чешская «шкода» с облупившейся краской на дверце. Я перевел взгляд на свою машину и замер.

Незнакомая стройная блондинка в светлом брючном костюме деловито отпирала мой «мицубиши». Точнее, она пыталась открыть его своим ключом. Замок явно не поддавался (и в этом не было ничего удивительного!), но незнакомка упорно пробовала снова и снова. Я обошел свою машину, открыл дверцу с другой стороны и с улыбкой опустился на сиденье пассажира.

Когда я распахнул дверь изнутри, женщина сначала ничего не поняла, а потом возмущенно вскрикнула на чистом русском языке:

— Что вы сделали с моей машиной?! Вы специально сломали замок!

Видимо, она собиралась звать полицию. Несмотря на грустное настроение, я даже расхохотался, представив себе дальнейшее развитие событий — когда во мне заподозрят арабского террориста. Заодно сразу вспомнился сюжет фильма «Ирония судьбы», правда, сейчас-то замки оказались разными, да и действие происходило не совсем в заснеженном Ленинграде.

— Я действительно так похож на бандита?

Тут моя незадачливая блондинка, кажется, прозрела. Она растерянно прищелкнула к машине (к сожалению, не ко мне), бросила взгляд куда-то вдаль и уже другим тоном промолвила:

— Ой! Извините... У нас совсем одинаковые машины. Моя вон там, за кустами, а я еще очки сняла.

Интересно, что ни она, ни я не удивились нашему русскому языку. Хотя в Израиле русскую речь теперь можно встретить повсюду, но все же это не Россия, и кто-то из нас вполне мог оказаться израильтянином. Я бросил взгляд на ее светлые волосы и снова улыбнулся — только не она, конечно. «Что-то часто я сегодня улыбаюсь», — подумалось тут же. Я и забыл, когда такое настроение было в последний раз.

Женщина между тем все еще стояла, чуть пригнувшись, перед распахнутой дверцей.

— Извините, — повторила она, — меня там знакомые ждут.

Она виновато, совсем по-детски сморщилась, посмотрела на меня светлыми глубокими глазами и направилась к своей машине. Не знаю, что на меня нашло в этот душный вечер. Никогда раньше я не приударял за женщинами. Наверное, в душе ощущал, что успехи мои будут невелики. Так заложено природой: кто-то просто присутствует, отпускает нелепые шутки — и все женщины без ума. Другой же будет на голове ходить да еще петь при этом, подыгрывая на гитаре, — и никакого толку. «Может быть, это просто судьба, — часто думал я. — Как и семейная жизнь, которая у меня не сложилась». Но в тот вечер меня словно подменили. Не знаю почему, но я поехал вслед за машиной незнакомки. Возможно, причиной стала необычность нашей встречи или ее почти детское

поведение, а скорее всего — что-то совершенно неуловимое и необъяснимое, проникшее в самую глубину души. Ну а состояние души, как известно, никакими словами не опишешь.

Машина ее действительно была точно такой же, как моя, только под задним стеклом виднелся игрушечный тигренок со смешной мордой на шарнире. Женщина высадила сидевших в ее машине пассажиров — пожилую пару — около одного из домов и направилась к окраине города. Я все время держался прямо за ней, но она совершенно не замечала «хвоста». Лишь когда шоссе приблизилось к невысоким холмам, за которыми уже не было городских домов, я наконец понял, куда она направляется. Слева, в неглубокой ложбинке рельефа, лежал новый жилой комплекс, состоящий пока всего из нескольких многоэтажек. Этот комплекс (по-совковому, «микрорайон») строила как раз наша компания. Правда, я был в нем только один раз, но знал, что квартиры тут относительно недорогие, хотя достаточно просторные и уютные.

Женщина свернула к одному из крайних домов и затормозила недалеко от подъезда. Я остановился позади и вышел из машины. Уже стемнело. В большинстве окон горел свет, и на безбрежном южном небе тоже зажегся затейливый звездный узор. Таинственная незнакомка, из-за которой я оказался почти за городом, все еще ничего не замечала. Она заперла машину и направилась к дому. Только теперь я увидел, что идет она тяжело, чуть сутулясь: может быть, из-за тяжелой сумки на плече и пакета с продуктами в руках, а может, как и я, просто устала за неделю. Я стал мучительно соображать, каким способом привлечь ее внимание — не зря же тащился в такую даль! — как вдруг у самой двери она совершенно неожиданно обернулась и застыла в недоумении.

— Вы? — впрочем, удивления в ее голосе было меньше, чем я ожидал.

Я подошел ближе. Вечерний ветерок доверчиво обдал меня запахом ее духов. Аромат был приятный, но необычный — очень нежный, явно европейский, казалось даже, что это просто естественный запах ее волос.

— Я был рядом с вами последние полтора часа.

— Вы за мной следили!

— Да, — честно признался я. — Хотел с вами познакомиться.

— Таким способом?

Тут она, очень кстати для меня, видимо, вспомнила, что повод для знакомства подала сама. Я думал, что наша словесная дуэль перед знакомством только началась, но женщина поставила пакет на асфальт, стряхнула со лба прядь волос и произнесла:

— Людмила.

— Саша, — так же просто отозвался я.

Неоновый свет фонаря освещал слева ее лицо, придавая ему совершенно необычный вид. Никого не было поблизости — только мы вдвоем под вечерним небом, скомканный пакет у наших ног да еще приютивший нас Израиль, благополучно встречающий очередной Шаббат.

Я наконец рассмотрел ее. В чертах ее лица не было той точеной безупречной красоты, которая так ценится большинством требовательных мужчин и которую я никогда не любил. Чуть вздернутый нос, большая нижняя губа, щеки с едва заметными ямочками. Ничего не говорило о нанесенном макияже — скорее всего, я его просто не замечал. На вид Людмила можно было дать немногим больше тридцати. Впрочем, у меня всегда были сложности с определением женского возраста. Ее глаза, подернутые дымкой усталости, все же смотрели на меня с интересом, который она не особенно пыталась скрывать.

— Скажите, вы замужем? — вдруг спросил я.

Именно вдруг. Если бы я специально хотел придумать наиглупейший вопрос и задать его в самый неподходящий момент, то вряд ли смог бы изобрести что-то получше. Вернее, похуже. Наверное, усталость от жизни в одиночестве и постоянные мысли о том, что нельзя разрушать чужое счастье, сыграли свою роковую роль. Люда слегка вздрогнула и проговорила:

— Да...

— Знаете, я дал себе слово никому не переходить дорогу, — обреченно покачал головой я. — Иначе счастья все равно не видать.

Больше добавить как будто было нечего. Еще несколько секунд мы стояли друг напротив друга, не отводя глаз в неверном свете фонаря. Ох, как я корил себя за эти немые секунды, когда все еще можно было изменить! Потом Людмила подняла с асфальта пакет и набрала шифр на дверном замке.

— Будьте здоровы и счастливы, — сказал я.

— Вы тоже... Будьте... — тихо ответила она и скрылась за массивной дверью.

Я, как робот, направился к машине, завел двигатель и тронулся с места. В зеркальце отчетливо просматривался аккуратный пустой двор с линией высоких фонарей и пятачок перед подъездом, который я наверняка запомню навсегда. Из-за угла показался небольшой грузовичок и поехал вслед за мной через двор, слепя яркими фарами.

Вдруг я заметил, как дверь оставшегося позади подъезда быстро распахнулась и в свете фар показалась знакомая стройная фигурка! Я резко затормозил, но грузовик закрыл от меня выскочившую женщину. Я еще успел разглядеть, как Людмила растерянно посмотрела по сторонам, ослепленная фарами, и, видимо, решив, что я уже уехал, вновь исчезла в подъезде.

Надо было срочно что-то предпринимать! Грузовик остановился как раз за моей машиной, мешая сдать назад. Тогда, чувствуя бешеный стук сердца, я резко нажал на газ, визжа шинами, буквально пролетел мимо дома с обратной стороны, объехав его, и резко затормозил у знакомого подъезда. Я очень надеялся, что удастся заметить, в какой квартире зажжется еще одно окно, ведь иначе мне ее не найти — здесь десять этажей, по четыре квартиры на каждом, а я не знал о ней ничего, кроме имени!

Свет нигде так и не зажегся.

Я неожиданно вспомнил, как совсем маленьким ужасно расстроился из-за одной первоапрельской шутки. Мой младший брат заговорщическим тоном сообщил мне тогда, что родители наконец купили настоящий велосипед, который дожидается меня в сарае. Я, конечно же, забыл, в какой день это происходит, и бросился на улицу. Надо ли говорить, как было обидно, когда все выяснилось! Такое же чувство я испытывал теперь, много лет спустя. Меня будто поманили чем-то светлым и желанным, а потом, в последний момент, отняли эту мечту, вновь бросив в полном одиночестве.

Конечно, можно было остаться здесь хоть до утра и дожидаться Людмилу у машины, но это показалось мне полной глупостью и ребячеством. В конце концов, мне давно не пятнадцать лет! Да к тому же она ведь замужем. Значит, не судьба, и ничего не изменишь. Я сел за руль и уехал прочь. За моей спиной одно за другим гасли равнодушные окна.

Прошло почти полгода. Я покривил бы душой, если бы сказал, что эти месяцы пролетели незаметно. Довольно однообразная жизнь тянулась бесконечной серой лентой, в которой еврейские праздники мало отличались от еврейских будней. Спасался я только тем, что шутил сам с собой да задерживался на стройке допоздна, осматривая законченные квартиры и давая пояснения будущим покупателям.

Даже не знаю, почему в тот день я опять свернул с привычной дороги в сторону моря. Я ехал не спеша и вспоминал вечер, когда увидел стройную блондинку у моей машины. До моря оставалось несколько кварталов, когда на перекрестке передо мной зажегся красный свет. Я машинально притормозил и бросил взгляд вперед. Там, под слегка запотевшим задним стеклом машины, как две капли воды похожей на мою, удивленно покачивал головой смешной маленький тигренок.

Сколько раз я читал и слышал об удивительном свойстве времени — то оно мучительно долго сочится бессмысленным мутным потоком, то под влиянием изменившихся обстоятельств вдруг резко меняет ход и становится стремительным ручьем из радужных брызг, где каждая капелька несет новое счастливое мгновение и неопишуемую радость настоящей жизни! Конечно, одно дело, когда такое слышишь о ком-то, и совсем другое, если это происходит с тобой.

С момента, когда я вновь встретил Людмилу, жизнь моя действительно изменилась до неузнаваемости. Теперь я не оставался на работе ни одной лишней минуты. Я заезжал домой, быстро принимал душ, переодевался и отправлялся в одно из мест, где мы заранее договаривались встретиться. Таких мест было несколько, но одно по-прежнему оставалось главным — кафе на берегу, у стоянки, где мы впервые увидели друг друга.

Никогда не забуду, как Люда отреагировала на мое появление через полгода после сумбурного прощания у подъезда. Стоило мне лишь направиться к ее машине, как она резко повернула голову, будто почувствовала мое присутствие. Потом выяснилось, что она уже давно представляла себе нашу новую встречу, хотя и не верила, что это возможно на самом деле.



— Вы? — интонация у нее была точно такая же, как тогда, в пустынном дворе у подъезда.

Людмила совсем не изменилась: те же светлые волосы, внимательные, хоть и усталые глаза под ненакрашенными ресницами, подрагивающие тонкие пальцы на обтянутом кожзаменителем руле. Я промямлил что-то невнятное и протянул руку, чтобы помочь ей выйти из машины. Ее пальцы сжали мою ладонь, будто ища опоры в этой непростой жизни. Мы пересели ко мне и долго колесили по городу, узнавая все новые подробности друг о друге.

Люда действительно была замужем, но в Израиле пока жила одна. Ее муж — состоятельный бизнесмен из какого-то уральского города — обещал приехать вслед за ней вместе с дочерью. Но дела у него пошли в гору, и приезд откладывался на неопределенное время. Я поймал себя на мысли, что мне почему-то стало совершенно безразлично ее семейное положение. Людмила очень тосковала, причем не столько по мужу, сколько по привычному для нее общению и друзьям. Ее не на шутку тяготила и постоянно жаркая погода, и плохое знание языка. Я в двух словах рассказал о своем не слишком удачном браке, о жене, увезшей сына в далекий Нью-Йорк. Больше мы никогда не возвращались к семейной теме, как будто она была навсегда исчерпана. Нет, эта тема не стала запретной, просто наши встречи оказались словно в другом измерении, неподвластном ни прошлому, ни неведомому будущему.

Мы долго молчали, сидя рядом, и мне казалось, что Люда испытывает то же самое, что это и есть то самое мистическое и безгрешное слияние двух лун, двух энергетических половинок, которые наконец нашли друг друга, в точном соответствии с древними китайскими трактатами. Не было больше никаких неприятностей в наших судьбах, и нам обоим едва исполнилось по пятнадцать лет, и это была наша первая любовь, и где-то впереди — наши счастливые дети и безоблачная жизнь.

Все наивные мечты полузабытого детства всплыли передо мной, будто именно они были реальностью, а все остальное — лишь коротким сном перед прекрасным ласковым утром, когда уверен, что впереди великолепный день, а будущее видится прямой отполированной дорогой.

— Ты оказался совсем не тем мужчиной, о котором я часто мечтала, — вдруг произнесла Люда.

Я вопросительно посмотрел на нее.

Она слегка наклонила голову и добавила:

— Ты невысокий и... совсем неразговорчивый. И еще... — она крепко сжала мою руку. — Я без тебя не могу. Не исчезай больше надолго. Никогда.

В этот же вечер я впервые оказался в ее квартире, в том самом доме на окраине города. Обстановка была достаточно богатой, хотя и без лишней роскоши. Я, конечно, понимал, что на ее скромную зарплату продавщицы в продуктовом магазине всю эту мебель и электронику не купишь. Наверняка муж постоянно помогал деньгами.

Мы пили чай по-сибирски с русскими блинами и кошерным вареньем, а по телевизору шел очередной американский боевик с субтитрами на иврите. Сверху через приоткрытое окно доносилась зажигательная еврейская мелодия, прерываемая новостями на русском языке: соседи снизу, в отличие от верхних, слушали русскоязычное «Радио Рэка» с иммигрантом Александром Довом в роли ведущего.

Мы опять, как ни странно, почти не говорили. Люда допила чай и встала, я тоже поднялся из-за стола.

— Послушай. Ты сейчас счастлива? — тихо спросил я.

Она поставила чашку и молча подошла ко мне вплотную. Кончики ее волос завернулись в мою сторону и подарили мне тот самый неповторимый естественный аромат. Весь мой житейский опыт куда-то сразу улетучился, оставив меня наедине с фантастической глубиной ее глаз и нежностью губ.

...Я уже давным-давно забыл, что поцелуй может быть не только успокаивающим или выражающим признательность. Лишь когда воздуха совсем перестало хватать, мы почти с удивлением посмотрели друг на друга. Я обнаружил, что в руке у меня все еще зажата пустая чашка из-под чая.

Потом была ночь, которая по таинственным причинам стерлась из моей памяти. Может быть, психика просто не выдержала и отключила неведомые предохранители. Помню только, что окно в спальне было распахнуто настежь, мы говорили друг другу что-то не имеющее значения и со страхом поглядывали в бледнеющую темноту за окном — будто умоляя, чтобы утро с его суетой не наступило никогда! Если бы можно было перенести Израиль далеко на север и погрузиться на полгода в полярную ночь, мы бы ничего не имели против. Под утро я буквально провалился в сон — такой крепкий, что его можно было сравнить только с потерей сознания.

К счастью, у нас впереди было еще много подобных ночей. Мы объехали с Людой всю страну, побывали в местах, где я бы никогда не оказался сам. Маленькие невзрачные базарчики, еврейские горные ресторанчики, в которые специально приезжали семьи из разных городов лишь на один обед, потому что только здесь (и нигде больше!) готовились особые блюда по старинным еврейским рецептам. Все эти «неизвестные достопримечательности» могли рассказать об Израиле больше, чем любые музеи.

Весной компания оплатила мне двухдневный отдых на знаменитом Мертвом море. Людмила поехала со мной. Мы лежали под навесом недалеко от берега и смотрели, как отдыхающие осторожно входят в совершенно неподвижную целебную воду, насыщенную солями до такой степени, что долго пробыть в ней невозможно.

Утром следующего дня мы должны были возвращаться: я — на стройку, Люда — на рабочее место за прилавком. Накануне вечером мы ужинали в маленьком открытом ресторанчике, отмахиваясь от назойливых мошек. Кроме

красивой свечи, на столике стояла бутылка легкого и очень вкусного красного вина.

Я чувствовал себя как никогда хорошо и спокойно. Конечно, сказался долгожданный отдых, но главное было в том, что Люда сидела напротив. Стоило лишь протянуть руку — и можно погладить ее прекрасные волосы или провести пальцами по нежной коже на щеке.

— За то, чтобы в нашей жизни такие вечера были почаще, — сказал я, поднимая прохладный бокал. — Ну, хотя бы пару раз в месяц.

Она задумалась, устремив взгляд куда-то вдаль, и произнесла:

— На следующей неделе мой муж приезжает. Ты прости, что не сказала раньше.

Я по инерции отхлебнул вино, прихлопнул на шее очередную мошку, и только тогда до меня стал доходить смысл сказанного.

— Я понимаю, что тебе очень больно, — быстро заговорила Люда, словно оправдываясь, — но я не знаю, как быть иначе. Я обязана этому человеку всем — деньгами, положением, тем, что я здесь. Мне очень надоел его бизнес, эта неопределенность. Месяц назад я позвонила ему и сказала, что если он не сможет все бросить и приехать, то потеряет меня навсегда! Извини, я рассказала ему о тебе, о нас. Конечно, не все. Теперь он сделал выбор и едет. Прости меня.

Нельзя сказать, что я был сражен наповал или растоптан ее словами. Я только стал вдруг видеть себя будто со стороны. Вот сидит за столиком человек, который должен сейчас непременно убиваться из-за потерянного счастья, пытаться что-то предпринять, что-то вернуть. А вместо этого он спокойно попивает вино, словно ничего не случилось, и все так же отгоняет насекомых.

И еще. Я снова неопишимо ярко вспомнил тот самый первоапрельский розыгрыш из детства. Опять, только в сотни раз больнее, жизнь проделала со мной эту шутку — поманила счастьем, чтобы разочарование было еще горше. Будто кто-то невидимый все испытывал и испытывал меня изощренными способами на предмет готовности к любым неожиданностям.

Ночью в гостинице я не спал ни минуты. Ее обнаженная тень на стене казалась еще обнаженнее, чем она сама, а главное — еще прекраснее и желаннее. Магнитофон тихо доиграл песню Визбора с моей кассеты.

И кандидат в мужа,  
Боже, да это ж я...  
Я на себя гляжу,  
«Нету чудес», — твержу...

Эту кассету я потом подарил ей перед самым расставанием. Не было ни слез, ни упреков, только покорность судьбе и благодарность за счастливые дни. «Помни обо мне», — написала она на обороте фотографии, где мы счастливо улыбались в объектив.

Прошел почти год. Жизнь брала свое. Я решил воспользоваться услугами одного из многочисленных брачных агентств и теперь, как на работу, ходил на знакомства с разнообразными дамами, безуспешно ища в них черты человека, с которым пришлось навсегда расстаться. Кроме того, созрело решение съездить в Америку — повидать сына, пока он не успел окончательно меня забыть.

Однажды я оказался на городском рынке — надо было закупить для родственников всякой снеди. Я с трудом протискивался между торговыми рядами, когда из расположенного рядом мясного магазина донесся голос Визбора.

Внутри магазин насквозь пропитался запахом свежего мяса. Какая-то до-тошная старушка придирчиво рассматривала красные куски в застекленном холодильнике. На полочке стоял магнитофон, из которого и лилась знакомая мелодия.

Открылась дверь в подсобку, и на пороге показалась женщина. Моя женщина! Безупречно выглаженный белый халат, намного больше косметики, аккуратно собранные на затылке волосы. Люда подошла к прилавку, не заметив меня, перекинулась несколькими словами на иврите с покупательницей и стала раскладывать новые порции розовой говядины. Ее такие красивые раньше пальцы показались мне вдруг совершенно чужими. Кусочки мяса, перемешанные с кровью, прилипли к коже, забились под ногти и обволокли массивное обручальное кольцо, которое раньше она никогда не носила. Мне показалось, что я даже ощущаю неприятный вкус этого расплющенного мяса.

Людмила подняла глаза, на секунду замерла и почти шепотом спросила:

— Ты искал меня? Как ты нашел меня здесь?

В ее голосе дрожали нотки надежды. Я молча продолжал смотреть на нее.

— Игорь! Я сейчас вернусь! — крикнула она куда-то в глубь магазина. — Пошли, выйдем на минутку.

Базарная суeta за дверью обтекала нас, как бурный поток обтекает случайно попавшие в него камешки.

— Мы купили этот магазин: очень хорошее место, людей всегда много, — Люда говорила что-то еще и еще, показывая то на магазин, то на снующих покупателей, и мясо, которое она забыла вытереть, почти подсохло на ее ладонях.

*Катятся по тро-пе*

*я и вело-сипед...* — долетела через приоткрытую дверь фраза песни.

Кто-то задел меня плечом.

— Знаешь, тебе очень идет этот халат, — сказал я и зашагал прочь, туда, где продавали овощи, фрукты и всякие кошерные деликатесы.

**Татьяна ИВАШИНА**

**С ТОБОЙ  
И БЕЗ ТЕБЯ**



**Стихи**

**У ТЕБЯ НА РЕСНИЦАХ**

У тебя на ресницах проснулся медовый рассвет.  
Солнца луч заблудился в пшеничных твоих волосах.  
Написать бы я мог о любви своей дивный сонет...  
Да, боюсь, не смогу передать эти чувства в стихах!

Мне бы просто держать твои руки в ладонях своих,  
Полной грудью вдыхать запах неба, что дождь нам принёс.  
Разделить бы судьбу, этот мир пополам, на двоих,  
И тебя защитить от ошибок, печалей и слёз!

**АВГУСТ**

Август. Пора звездопада.  
Спелый, как яблока бок.  
Нам бы испить ещё надо  
Лета последний глоток.

Август задумчивый. Зрелый.  
Осени мокрой сосед.  
Вот уж листва полетела  
Нашей разлуке вослед.

Август целует ветрами,  
Дарит прохладу воды.  
Грустно прощается с нами  
Светом летящей звезды....

**ВЗГЛЯД**

## ИЮЛЬСКИЙ ЭТЮД

Ты пахнешь земляникой... И дождём,  
Что весело гуляет над полями.  
Бежим, а он несётся вслед за нами,  
И радостно грохочет в небе гром!

Собрали лето горстью в кузовок.  
Пусть нам оно зимою улыбнется:  
Мы в банки прячем ягоды и солнце,  
Чтоб каждый насладиться ими мог.

В твоих глазах — веселья огоньки,  
Ты в детство с головою окунулся.  
Дождь серебром волос твоих коснулся.  
Июль. Прохлада. Поле. Васильки...

## С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

...И все не так, когда тебя со мною нет:  
Вползает в дом неласковый рассвет,  
И серый дождь уныло барабанит,  
И воет ветер, как предвестник бед.  
Но мир меняется, когда приходишь ты!  
Целует теплый дождь твои следы,  
И утро небеса уже румянит,  
И расцветают радостью сады  
Моей души...  
Я жду. Ты поспеши!

## НОВОГОДЬЕ

Я погружаюсь в Новогодье,  
Как в море в жаркий летний день,  
Под звуки праздничных мелодий  
О чем-то важном думать лень...  
Идет снежок неторопливо,  
И ты с делами не спешишь,  
По дому бродишь молчаливо,  
Мечтаешь или просто спишь.  
Пижама, лучшая подружка,  
Любимый праздничный наряд...

На елке старые игрушки,  
Как в детстве, призрачно блестят...  
Желанный праздник новогодний,  
Среди забот и суеты,  
Миг между завтра и сегодня,  
Как нужен нам, спешащим, ты!  
А за окном — начало года,  
Как первый лист календаря,  
И засыпает вся природа  
В объятьях снежных января.

### НАМ С ТОБОЙ...

Нам с тобой у реки б жить,  
И под шелест волны спать,  
И на лодке в рассвет плыть,  
Рассекая воды гладь.  
По весне забрести в лес,  
На цветочный взглянуть рай.  
Возвестит нам грозой Зевс,  
Что опять наступил май.  
Словно птица, сломав клеть,  
Сердце просится на взлёт!  
...Мне бы песни тебе петь,  
Но другая уже поёт...

### О ВЕЧНОМ

В две тысячи каком-нибудь году,  
Окинув бранный мир прощальным взглядом,  
Как все, из этой жизни я уйду,  
Чтоб снова возвратиться... звездопадом,  
Прозрачной речкой, капелькой росы  
И васильком, что ветер в поле клонит,  
Солёным бризом, запахом грозы,  
Снежинкой, что растает на ладони.  
А может быть, смятенная душа  
Вдруг обретёт совсем другое тело?  
И будет жизнь нова и хороша,  
Такой, как я мечтала и хотела.  
В две тысячи каком-то... не смогу  
Предстать на суд суровый перед Богом:

Так много дел на этом берегу,  
Что рано собираться мне в дорогу!

#### ДОЖДЬ-МУЗЫКАНТ

Дождь-музыкант легко по лужам скачет,  
Водой небесной землю освежая,  
То в темпе «модерато», то «виваче»,  
То барабаня вновь, то затихая.  
Дождинки-ноты, музыку слагая,  
На нотном стане — проводах запели,  
И молния, вмиг небо озаряя,  
Пожаром полыхает для веселья.  
Земля напьётся долгожданной влагой,  
Проснутся птицы, и исчезнут тучи...  
Вот так бы нам дождем умыться надо,  
Чтоб стать светлее и немного лучше.



**Владимир РОГОЖКИН**

**ВРЕМЯ  
ДОЖДЯ**

**Рассказы**



### **ЗА ЛЮБОВЬ!**

Сегодня тридцать первое декабря. Одиннадцать часов вечера. И ещё совсем немного минут. В нашей квартире вкусно пахнет уткой, запекаемой в духовке. И ещё много чем вкусным пахнет. На кухне суетится наша мама. Нам же с папой, несмотря на сильное желание стибрить что-либо повкуснее, вход туда закрыт. Потому что мы непременно должны что-то опрокинуть или залезть не в ту тарелку. Какие глупости! Красивущее-прекрасивущее платье висит на плечиках, рядом на полочке красуются туфельки, как у Золушки. А так хочется всё примерить! Хорошо еще, в косички заплетены банты, о которых мечтала весь год. В противном случае дискриминация была бы полнейшая. Я уже совершенно взрослая. Мне шесть лет, и в следующем году я пойду в школу. Бабушка говорит, что я «размазня» и поэтому меня в школу не возьмут. Ха-ха-ха! Сама очки вечно теряет. А ещё все говорят, что я очень похожа на маму. Прямо одно лицо. Только она серьёзная, а я вертушка. Ничего подобного, я похожа сама на себя. И кто это придумал: есть вкусности за столом, да и ещё под бой каких-то там курантов? Торт, например, намного вкуснее, когда его ешь, сидя на полу. Мысли — одна грустнее другой. Поэтому я забираюсь на колени к папе, и он рассказывает мне предновогоднюю историю. Я эту историю знаю наизусть. Но всё равно забираюсь на колени и слушаю. Потому что эта история про любовь. Знаете, как девочки любят слушать истории про любовь? А дело было так.

Семь лет назад, как раз накануне Нового года, возвращался один молодой человек из дальнего рейса. И осталось ему проехать совсем немного. Всего-то километров пятьсот. Но, как назло, у машины застучал двигатель. Я не знаю, как стучат двигатели, но двигатель застучал.

**ПРОЗА**

Хорошо еще, это случилось рядом с городом. С другим городом. До нашего оставалось ещё много километров. Поэтому пришлось оставить машину у поста ГАИ и дальше добираться на перекладных. Молодой человек сильно спешил. Потому что у него было назначено свидание на Фонтанной площади. Ни адреса, ни телефона девушки он не знал, потому что не было ни адреса, ни телефона. Девушка была иногородняя. Она приехала погостить на каникулы к подруге и случайно познакомилась с молодым человеком, который и добирался на перекладных. Слово-то какое смешное — на «перекладных»! Но не до смеха было молодому человеку. Времени остаётся совсем немного, а у него неприятность за неприятностью. Но, несмотря ни на что, добрался он до вокзала города. И билет на поезд купить успел. А вот на сам поезд уже не успевал, потому что он отправлялся через три минуты. Да и ещё с самой дальней платформы. Если даже очень быстро бежать через подземный переход — всё равно не успеешь. Ну а если напрямую, через пути? Так в чем же дело? И молодой человек бежит. Отправление объявлено. И он видит этот поезд. Но перед ним стоит другой поезд. И молодому человеку всё ещё везёт — он пытается открыть дверь тамбура. И дверь, конечно же, открывается. Молодой человек забегает в тамбур. И тут везение заканчивается. Вторая дверь закрыта на ключ. Молодой человек пытается пробежать по вагону в соседний тамбур. Но именно в это время оба поезда, и этот и его, почти одновременно отправляются. Только в противоположные стороны. Но не всё ещё потеряно! Молодой человек прибавляет ходу. Выскакивает в тамбур. И, как назло, налетает на двух сотрудников дорожной милиции. Он не знает, что это милиция. Потому что на них гражданская одежда. А они в свою очередь думают, что это преступник, стащивший в вагоне сумку и пытающийся скрыться. Зачем еще заскакивать почти на ходу в вагон и тут же из него выпрыгивать? Поясняю — сумка его собственная. И всего-то в ней две бутылки шампанского да и еще кое-какие мелочи. Очень не хотелось бы папе рассказывать, как молодого человека пытались задержать, используя специальные приёмчики. А он, используя другие приёмчики, вырывался. Я же говорила: он не знал, что это милиция. Наконец-то недоразумение улажено. Стороны вежливо извинились и обменялись рукопожатиями. Но рукопожатия рукопожатиями, а поезд везёт его с нарастающей скоростью. И не просто с нарастающей скоростью, но ещё и в сторону. В этом городе пересекаются две железнодорожные ветви под прямым углом. Молодой человек всё еще пытается выпрыгнуть на ходу. Но его не пускают, потому что выпрыгивать на ходу очень опасно. На следующей станции он выходит на перрон. С неба огромными хлопьями валит снег, но этот снег его не радует. Совсем ему не до снега. Но он по нему прогуливается. Негде ему больше прогуливаться. И пока еще не всё потеряно. И пока ещё есть время. Но нет поезда, который бы довёз его до той станции, на которой он переседет на другой поезд. На другом поезде он всё ещё успевает на свидание со своей девушкой. Но в том-то и загвоздка — по путям этой маленькой станции раскатывается

лишь маневровый тепловоз. И у молодого человека возникает дерзкая мысль: а если? И молодой человек забирается по лестнице к машинисту тепловоза. Машинист страшно ругается и собирается выкинуть его вместе с предлагаемыми деньгами. Молодой человек, заикаясь и сбиваясь, рассказывает свою историю. А ночь-то предновогодняя! И как же в такую ночь без чудес? И машинист соглашается отвезти его на соседнюю станцию. Потому что это у него последний рабочий день перед уходом на пенсию. И когда-то давным-давно не дождалась его девушка. Вернее, задержали его в армии по не зависящим от него причинам. А девушка его, не поверив в это, вышла замуж за другого.

И вот по бескрайнему полю, засыпанному только что выпавшим кипенно-белым снегом, мчится тепловоз с единственным вагоном. В боковые окна весело таращатся огромные звёзды. И кажется, что тепловоз едет не по колею, а напрямик по полю, ослепительно светя своим прожектором. Гудят рельсы, суетятся колёса, устало урчит мотор тепловоза.

На этом самом месте папа отворачивается и украдкой смахивает слезинку. Но я уже большая, я всё понимаю. И поэтому делаю вид, что ничего не заметила. Пусть попереживает! А потом папа обязательно закончит свой рассказ словами: «Я всё еще успеваю. Тепловоз уверенно мчит меня на встречу с моей судьбой. А мы с машинистом пьем шампанское прямо из горлышка. И во весь голос орём песню, не помню, как она называется, но там есть прекрасные слова: «Выпьем за любовь»!

## ВРЕМЯ ДОЖДЯ

*Вперед пятьсот — назад пятьсот...  
В.С. Высоцкий*

Генке снился цветной сон. Ему всегда в переломные моменты жизни или когда сильно болел, снились цветные сны. На этот раз снился шарик. Голубой, цвета безоблачного утреннего неба. Смешной такой шарик на длинной ниточке, завязанной бантиком. Невысокая скуластенькая девушка, в сиреновой — в тон шарик, блузке, коротеньких, чуть ниже колена, стильных брючках и в босноножках на высоченных тонюсеньких каблучках. Девушка, жестикулируя, разговаривает по мобильнику и на смотрящего на нее во все глаза Генку не смотрит. Это его будущая жена. Но скажи ей тогда об этом — вот бы смеху-то было! Оживленная трасса, рядом пешеходная дорожка и заросли цветущей сирени. Сначала Генка обратил внимание на шарик. Потом на жестикулирующую руку с телефоном. И только потом на девушку. Никогда Генка не знакомился сидя за рулем. Он и в обычной-то обстановке никогда не знакомился, — как правило, знакомились с ним. Но из каждого правила бывают исключения. Нет, конечно же, Генка пытался сопротивляться! Но сопротивляться обаянию девушки было все одно, что сопротивляться гравитации. Минуты три он медленно ехал,

не решаясь не только заговорить, Генка боялся прибавить скорость и уехать. Потом его МАЗ затормозил на светофоре. Как показалось Генке, затормозил сам, без его ведома. Генка догнал девушку и снова поехал рядом. Она пошла быстрее. Пришлось прибавить газу. Изношенный мотор его машины выдал изрядную порцию вонючей копоти. Девушке это очень не понравилось. И она недовольно посмотрела. Нет, не на Генку она посмотрела, а на немилосердно чадающий МАЗ. Генка испугался и рванулся вперед. Проехал метров тридцать, остановился и стал сдавать назад. Следующие попутным курсом машины недовольно загудели. Но Генка ничего этого не слышал. Он даже не обратил внимания на сотрудника ГАИ, собирающего «мзду» у знака «остановка запрещена». Генка вывалился из кабины, сломал самую большую ветку махровой сирени и преподнес девушке. «Я тут подумал! Я подумал, что сирень очень подойдет к вашему шарику». Оказывается, этой девушке с глазами, «наполненными» осколками синего зеркальца, никогда не дарили сирени прямо на улице. Букеты шикарных цветов дарили, как же такой девушке не дарить шикарных цветов! А вот сирени на оживленной трассе не дарил никто. И что удивительно, сотрудник ДПС Генку тогда простил и наказывать за грубейшее нарушение правил дорожного движения не стал. Сотрудники ДПС, оказывается, тоже верят в любовь с первого взгляда....

На одну странность обращали внимание водители, призванные тянуть вместе с Генкой нелегкую шоферскую лямку. Он почти не пил. Не пил даже в так называемый день шофера, один из особо почитаемых шоферами страны неофициальных праздников. Иными словами, в обыкновенную пятницу. Если рядовому обывателю можно при желании выпить в любой день недели, и даже «хорошо выпить», то шоферам не судьба. Жди пятницу, чтобы в тесном шоферском кругу основательно расслабиться. Генка таких компаний никогда не чурался, но и от предложенного «стопаря» решительно отмахивался, хотя деньги на общую «поляну» вносил исправно. Примостится где-нибудь в уголочке со своей потертой, выдавшей виды тетрадкой и строчит, строчит чего-то непонятное. Пытались посмотреть, не показывает. Пытались пошутить, не реагирует. И очень удивились, узнав, что пишет Генка рассказы. А узнав и удивившись, отстали. Пусть пишет, раз хочется. Каждый сходит с ума по-своему. Не доносы же он, в самом деле, строчит. Но здесь дело другое: редкие Генкины рассказы на ура идут. Особенно удаются ему пронзительные истории про шоферов. Тем более знаком Генка с этой темой не понаслышке. Помотался по российским дорогам. И в аварии попадал. И с произволом инспекторов сталкивался. И от беспредельщиков страдал. Но рассказы — занятие разовое и по этой причине малоходное. Решил Генка написать серьезную книгу. Роман или повесть. А там, глядишь, в солидном издании заинтересуются. Или, что еще лучше, фильм по сюжету книги снять задумают. Чем черт не шутит! Но на все это нужно время и деньги, очень много времени и денег! Тем более дела у него в последнее время не клеились. То, что со здоровьем у него не все в

порядке, почувствовал Генка около года назад. Непроходящая жажда замутила. Чуть ли не по ведру воды за день выпивал. Значительно потерял в весе. Купленное незадолго до армии кожаное пальто болталось теперь на нем, как на вешалке. Кроме того, стало катастрофически падать зрение. Но прошло еще долгих полгода, пока он наконец-то отважился обратиться в поликлинику. Результат не замедлил себя ждать. Инсулинозависимая форма сахарного диабета! Такое заключение врача прозвучало для него приговором. Профессия водителя и диабет — понятия несовместимые. С этим заболеванием шутки плохи: путь за руль автомобиля, тем более тяжелого тягача, категорически заказан. Но кушать не только ему одному хочется. И опять же, проживание в коммуналке здоровья никому не прибавило. Но не из тех Генка, что распускают сопли при первых неудачах. Пусть его неудачи не первые, не вторые и даже не третьи — сдаваться не собирался. На свой страх и риск где нужно приплатил, что нужно в документах подделал. Чем он от других отличается? Почитай, половина шоферов липовыми справками козыряют. Влез в кредит и купил почти новый МАЗ. Задумка была такая. Поработать годок-другой на междугородних перевозках, скопить денег и наконец-то выбраться из осточертевшей коммуналки.

А там, глядишь, и на литературном поприще можно будет развернуться. Поэтому и не вылезает он неделями из кабины машины. Не успеет вернуться из рейса, отмыться, в постели с любимой женщиной понежиться — берет новый заказ, и снова на трассе. Очередные тысячи километров на кардан МАЗа наматывает. Некоторое время такой режим нравился. Жена с постоянными жалобами на отсутствие денег и плохие жилищные условия не достает. По ее словам, все у других лучше. Много она знает! Посмотрела бы, как живут эти самые другие! С соседями по коммуналке тоже не повезло. Рыбкой аквариумной чувствует себя Генка под пристальными взглядами любопытных бабушек. Лучше бы за собой на кухне или в ванной лишний раз прибрались! Зудят в его отсутствие, косточки промывают. А вернется из рейса, голодный и уставший как собака, — «Геночка, Геночка, у нас в туалете вода плохо уходит». Не хрена бумагу рулонами в унитаз спускать! Слесарей, что ли, в ЖЭУ нет! Послать их... Но ведь не пошлет. Сигарету в зубы, сантехнический трос в руки и вперед! Гадьте дальше, мои ненаглядные «божьи одуванчики»! И откуда в вас столько дерьма берется?

Один из рейсов чуть было не стал для него последним в прямом смысле этого слова. И спасла его, как ни странно, жена, находящаяся в это время за несколько тысяч километров.

Сумерки застали Генку на безлюдной трассе километрах в ста пятидесяти от Новосибирска. Сильно мело, трасса скользкая. По общему состоянию предположил, что сахар в крови близок к норме. Может быть, немного выше. Оказалось, что ошибся. Съехал на обочину, заглушил двигатель. На то, чтобы выпить сладкого чая из термоса или зажевать конфету, ни времени, ни сил уже не

осталось. Потерял сознание. И какое дело было проезжающим мимо редким водителям до того, что делает склонившийся на руль одиноко стоящего на обледеневшей обочине МАЗа человек? Не иначе, принял на грудь поллитровочку горячительного, чтобы расслабиться. Вон и стекла в кабине как запотели! Храпит себе поди преспокойненько, сны эротические смотрит. Или, может, просто движок у машины перегрелся. Схолынет немного и дальше потянет свою фуру. Обычная дорожная тягомотина. Да и мало ли еще чего? Не всякий отважится остановиться около незнакомого автомобиля. У самих за спиной груз на многие тонны баксов. А если уж, не дай Бог, чего произошло, лучше в свидетели не соваться. Затаскают, сто раз потом покаешься.

Это уж когда спасатели приехали («достала» их все-таки жена!), когда вскрыли двери машины, когда накачали его глюкозой и увезли в больницу, когда отлежал он неделю в реанимации, — в палату принесли разряженный мобильник, а там сотня звонков от жены. В службы спасения и ГАИ этих звонков было значительно больше.

Товар изрядно подпортился. Машину обсняли. Попал Генка на хорошие деньги.

Поэтому с мечтой о новой квартире пришлось временно расстаться. Но это еще не все. Главный сюрприз ждал дома. Жена после непродолжительной ссоры с битьем столовой посуды ушла. Правда, кастрюли и сковородки чаще летали в его сторону. Но от этого тоже несладко. И без того комплексующий по поводу своего заболевания Генка сник окончательно. В коммуналке он больше не появлялся. То ли доказать кому-то что-то хотел, то ли еще что? Генка и сам ничего толком не понял. Да и что можно изменить, когда все так далеко зашло!

— Ты на свой МАЗ прямо как на девку какую смотришь. Только не облизываешься, — съязвил неизвестно откуда появившийся чернявый парень с золотой фиксой вместо правого нижнего клыка, когда Генка, выгнав свой МАЗ из помещения мойки, ждал, пока он немного просохнет. — Нашел тоже, на что радоваться. Колымага, она и есть колымага. Ладно бы «мерс» или «вольво». На приличную машину капуты не хватает, значит? Понятно, понятно!

— А ты сам-то пробовал собственными ручками заработать? Привык, наверное, в чужих карманах деньги считать, — огрызнулся Генка. — Может, займы дать хочешь?

— Какие деньги и где я считаю — не твое дело. И займы давать тебе я не собираюсь. А вот подзаработать немного предложить могу. И даже не немного, а хорошо подзаработать, — смачно продавил букву «р» через свою фикса парень. При этом он эффектно хрустнул неизвестно как появившейся у него в руках пачкой американских «президентов», скрученной обыкновенной резинкой. Прямо как карточный шулер какой хрустнул. — За эти деньги можно тебя с потрохами купить. С коммуналкой и твоим паршивым МАЗом. Но я добрый. Хочу облагодетельствовать.

— Так уж прямо хочешь, — опять огрызнулся Генка. — Или еще какие другие причины сподобили?

Что было загружено в рефрижератор и в каком количестве, Генке не дожили. Ключи от фуры у него отобрал напарник. Но, судя по тому, как недовольно заурчал мотор МАЗа, загрузили «по самое не хочу». «Уж не гексоген ли сдуру взялся отпереть к месту очередного взрыва? — промелькнула мысль в Генкином мозгу, и спина у него предательски заглодела. — Тогда мне точно кранты».

— Не ссы, не «гекс», — усмехнулся фиксатый, плюща зубами кончик спички. — Но для нас же будет лучше, если ехать будем осторожно.

Заранее предупрежденный Генка вел машину аккуратно — не дай Бог, какой дорожный инцидент. Если было можно, стороной объезжал стационарные посты ГАИ.

С инспекторами, останавливающими их чуть ли не у каждой развилки, разговаривал фиксатый. В неприметный районный городишко въезжали рано утром. За рулем был напарник, хорошо знающий эти места. Он же и загнал фуру в ангар, расположенный на окраине в окружении каких-то полуразвалившихся промышленных помещений. Генка остался дожидаться снаружи. Спустя пару часов он уже снова сидел за баранкой своей машины. Отъехав на приличное расстояние, остановились. Фиксатый открыл дверь рефрижератора: «Все, фенита ля комедия! Пустой фургон был арендован, пустым и сдаю». «Уж не куклы ли так лихо закидывает напарник в фирменный пакет? — подумал Генка. — С пачками зеленых так равнодушно не расстанутся». «Не переживай, братуха, — неожиданно по-доброму улыбнулся фиксатый, — знаешь, как зауважал бы ты сам себя после того, как узнал, какую глыбищу мы с тобой своротили. Но знать тебе этого совсем не обязательно. Бывай! До вокзала подвозить не нужно. Прогуляюсь пешком». И пристально посмотрел своими пронизывающими насквозь глазами: «Ты, парень, в такие игры больше не играй. Подфартило сегодня, в следующий раз может и не подфартить. Не пугаю — предупредить хочу». И не успел Генка опомниться, как фиксатый исчез в помещении одной из придорожных забегаловок.

Осенью темнеет быстро. К тому же с крупными трассами федерального значения асфальтированного сообщения не было. Разбитая щебеночная насыпь, мало отличимая от обычной грунтовки, и все. И неудивительно, что обрадованный Генка рванул не по той дороге. На какие-то пятьдесят метров раньше свернул с кольцевой. Ни знаков, ни прочей информации на дороге, ведущей в никуда, естественно, не было. К тому же какой-то шутник повернул стрелку единственного дорожного указателя совсем в другую сторону. Щебенка вскоре закончилась. Всю безвыходность своего положения Генка почувствовал, когда всеми колесами плюхнулся в настоящую осеннюю грязь. Легкий морозец, сковавший дорогу, обнадеживал мало. Проехав несколько километров по полевой дороге, Генка выключил двигатель машины. Даже материться же-

лания не было. Никаких желаний у него в этот момент не было, кроме желания напиться. Не водкой или другой какой дрянью. Обыкновенной воды хотелось Генке. Без всякой разницы. Холодной или теплой. Чистейшей родниковой или колодезной. Любой воды, и как можно больше! Опять разгулялся сахарок в крови. Наученный горьким опытом предыдущих поездок, сделал инъекцию инсулина и решил переждать до утра. С грустью подумал о жене: «В этой дыре даже ей не придет на ум его разыскивать. Да и вообще, кому теперь придет на ум его разыскивать?» Немного полегчало. Не заметил, как уснул.

К утру заметно потеплело. Заморосил мелкий дождь. Лежащий клоками снег таял на глазах. Генкина машина сильно просела. О том, чтобы самостоятельно выбраться, не было и речи, даже если в ближайшее время подморозит. Со стороны темневшего невдалеке леса показалась группа людей. Сразу и не разберешь, мужчины это или женщины, до чего они одинаково одеты. Приблизились, недовольно оглядели раскорячившуюся на их пути Генкину машину, поворчали, обошли по еще большей, чем на дороге, грязи и растаяли, словно призраки, в зеркале заднего вида. От этих точно помощи не дождешься! Да и чем они, собственно говоря, могут помочь? Через некоторое время заметил женский силуэт, двигавшийся в том же направлении.

Женщина почти бежала. Если, конечно же, можно назвать бегом движения человека по колено в грязи. Затраты энергии явно не пропорциональны скорости движения. «Опаздывает», — догадался Генка. На работу в поселок спешит.

В отличие от предыдущей группы людей, женщина на него не заворчала. И злобным взглядом не окинула. Поздоровалась и вежливо спросила, не может ли чем помочь.

— Чем мне теперь сможешь? — усмехнулся Генка. — Разве что танком дернуть.

— А танком вытащить можно? — участливо спросила женщина.

— Танком можно, — усмехнулся Генка. — Только на все наши дороги танков не напасешься. Вы бы, красавица, если, конечно, назад по этой дороге пойдете, курева пачку захватили бы. И сотовый у меня разрядился. Я вам заплачу. Хотите нашими, хотите ихними рублями.

— Никаких денег не нужно, — почему-то по-военному отрезала женщина. — А вот насчет танка нужно крепко подумать, — сказала она так, что Генка не понял, смеется она или говорит серьезно. — Давайте ваш телефон!

«А она симпатичная, — подумал Генка, глядя вслед удаляющейся женщине. — Грязюка непролазная, а она не идет, а словно плывет по воздуху. Еще с полгодика без бабы поживу, в каждой встречной женщине красавицу писаную буду видеть». И тут же сам себя поправил: «Нет, эта действительно классная телка!»

Первый вопрос, который задал Генка женщине, когда она через некоторое время снова постучала в дверь кабины: «А где же, милочка, ваш танк?» Просто



так спросил, ради шутки. И очень удивился ответу. «Экий вы быстрый, не торопитесь. Вот доберусь до брата, их часть в соседнем селе расквартирована. Он там служит. Из всего состава один остался. Ни солдат, ни офицеров, даже собственная жена сбежала. Оставила его с двумя детьми. Вот и приходится мне почти каждый день за восемь километров по грязи таскаться. Танков у него там нет. А вот огромные тягачи размером с тот же танк — БАТами они, кажется, называются — имеются. Так что магарыч на стол, и подкачу я вам обещанную технику. Как не помочь хорошему человеку!» «Не, я плохой! Вы же меня не знаете! От меня тоже собственная жена сбежала, — отшутился Генка, не задумываясь над тем, что своими словами каким-то образом компрометирует ее брата. При слове «жена» женщина заметно погрузстнела: «Не переживайте, вернется».

Женщина ушла, а Генка принялся лихорадочно убираться в кабине. Вымел мусор, скопившийся за две недели его постоянного проживания в чреве МАЗа. Вымыл стекла, протер зеркала, вытряс чехлы, сложил в мешок разовую посуду и пластиковые бутылки. Туда же отправил грязную одежду и обувь. Отпер на край оврага и сжег.

Как у всякого уважающего себя дальнбойщика, у него всегда с собой приличный запас питьевой воды. Растелешился по пояс и окатил себя из пластикового ведерка. Растерся докрасна полотенцем и ощутил во всем теле несказанную легкость. Потом поставил жирную точку, сбрив многодневную щетину. И довольно крикнул, осмотрев себя в зеркале заднего вида: «КрасОвец, да и только!» Потянулись тягостные минуты ожидания.

Но как ни ждал ее Генка, женщина появилась внезапно. Было заметно, что Генкино преображение ее приятно удивило.

— Ой, чуть не забыла! Сигареты я вам принесла. А вот с сотовым придется подождать. Заряду у брата, вы уж не обижайтесь, закружилась совсем.

Женщина явно не торопилась уходить. Генка тоже поймал себя на мысли, что и ему этого совсем не хочется.

— Может, вместе пойдем, там и переночуете в человеческих условиях.

— Нет, могут обнимать машину, всякий народец вокруг шатается.

Стемнело, Генка забеспокоился:

— Вы уж поосторожнее, мало ли чего, не дело по ночам таскаться, запросто обидеть могут.

— Некуда мне торопиться. Работа осточертенела, дома не ждут. До брата восемь верст.

— Так оставайся здесь, вдвоем теплее, — пошутил Генка.

— Знаешь, а я действительно, наверное, останусь, — обрадовалась женщина.

Генка суетливо достал бутылку коллекционного вискаря, принесенного его нанимателем, чтобы выпить за знакомство. Бутылку тогда так и не почали. Теперь совсем другое знакомство. Что-то многовато в последнее время новых

знакомств! Да и что тут такого, сверхъестественного! Раздрай в семье — раздрай во всем остальном.

В этот вечер у них все и произошло, прямо в кабине, на сиденье спальника. Некоторое время, будто испугавшись чего-то, молчали. Потом словно прорвало какую-то преграду, заговорили разом. Про свою самую сокровенную мечту — написать хорошую книгу — рассказал подвыпивший и оттого такой смелый Генка почти незнакомому человеку. Про обиду на жену рассказал. Что он по собственной дури, что ли, жилы рвал да за любую мало-мальски оплачиваемую работу зубами хватался? Тут уж без вариантов: или дома сиди, или неделями из-за баранки не вылезай!

— А я вообще потаскухой последней себя чувствую, — захлопала носом женщина. — Ничего, кроме вот этой дороги. Ничего! Ничего! Ничего! Ни друзей, ни семьи! Хорошо еще, брат рядом живет. Ты, наверное, меня осуждаешь. Шатается, мол, по ночам, шоферов в соблазн вводит. Да у меня и с бывшим мужем этого почти не было. А вот так спонтанно, с незнакомым человеком вообще впервые.

«Все когда-то происходит в первый раз», — чуть было не ляпнул Генка, но посмотрел в мокрые от слез глаза женщины, и паясничать ему расхотелось.

— Знаешь, ты только не смейся, по моей профессии должны у меня быть временные жены во всех городах, где довелось побывать. А на самом деле кроме жены никого и никогда больше не было.

— Теперь есть, — грустно улыбнулась женщина.

А потом Генка уснул. Спал он крепко и долго. Так крепко, что даже не заметил, как женщина ушла, осторожно прикрыв дверку кабины.

И снова Генке снился цветной сон. Ему всегда в переломные моменты жизни или когда сильно болел, снились цветные сны. Снова снился шарик. Голубой, цвета безоблачного утреннего неба. Смешной такой шарик на длинной ниточке, завязанной бантиком. Невысокая скуластенькая девушка, в сиреновой — в тон шарик — блузке, коротеньких, чуть ниже колена, стильных брючках и в босоножках на высоченных тонюсеньких каблукках. Девушка, жестикулируя, разговаривает по мобильнику и на смотрящего на нее во все глаза Генку не смотрит. Это его жена...

Проснувшись, Генка почувствовал все послевкусие вчерашнего. Во рту, да что там во рту — в душе словно дюжина кошек неделю гадила. Может, вину свою перед женой чувствовал Генка, проснувшись. Может, оттого, что пить редко приходилось. Может, бутылка вискаря на двоих действительно многовато. Поди теперь разбери. Только и осталось, что ждать. А чего ждать в такой ситуации?

Сначала услышал и только потом увидел Генка грохочущую и чадающую гору металла, движущуюся по полю к его машине. Из кабины армейского БАТа легко выпрыгнул невысокий, худенький, белобрысый парнишка в яловых сапогах с замком и в кожаной куртке. Головного убора на нем не было, зато на плечах

красовались капитанские погоны. Парнишка — по крайней мере, на вид ему нельзя было дать и тридцати — деловито обошел Генкину машину:

— Время дождя заканчивается. Тягать нужно сейчас. Через день-другой общались сильно же похолодание. Машина вмерзнет. Нет, мы ее и из мерзлой земли, конечно же, выдернем, но, боюсь, оторвем моты.

Генка посмотрел на белобрисого капитана, на сестру, снова на брата.

— Правильно, отцы у нас разные. Мой погиб, когда мне годик всего был, — закончил Генкину мысль собеседник. — Да, кстати, меня Валеркой зовут, — и сунул в руку Генки свою не соответствующую маленькому росту лапищу. — С Надюхой вы, как вижу, познакомились.

— Познакомились, — промямлил Генка, удивляясь тому, что до сих пор не знал имени женщины.

— Так что воспитывал нас уже Надюхин предок, — продолжил Валерка. — Сам себя так любил называть, покойный. Хороший мужик был, выпивал, правда, немного. Но кто не выпивает? Приучил с железками ковыряться. Поэтому, когда часть расформировали, руки не поднялись все бросить. В подвешенном состоянии нахожусь. Жалование год не платят. Я и за сторожа, и за механика-водителя, и за командира. Солдат после дембеля убрали. А два БАТа бросили. Еще КамАЗ, но на нем сейчас не пролезешь. Да и не потянет он твою фуру. А вот на этой «дуре» в самый раз. Двигун у нее танковый. Благо солярки — хоть улейся, — и Валерка ласково посмотрел на рокочущий «танковым» двигателем огромный роторный экскаватор. — Предлагаю тянуть ко мне на базу. В баньке попаримся. Шашлычку пожарим. Я у местного председателя за бочку солярки двух барашков выменял. Заодно и машину твою посмотрим. А подморозит — скатертью дорога! Ну как?

— Едем! — кратко согласился Генка, запуская двигатель МАЗа.

Толстый, толщиной в руку человека, буксировочный трос напрягся, и машина Генки заскользила по настоявшейся грязи, словно баржа по глади речной воды, увлекаемая мощным буксиром. Краем глаза Генка покосился на пассажирку, ее лицо заметно погрузнело. Было видно, что она лихорадочно сообщает. Миновали березовую рощицу, расположенную на краю дороги, по которой двигалась кавалькада. Развернуться можно было только здесь. Дальше дорога пойдет по заболоченному участку поля. Развернуться там невозможно.

Наконец-то Надюха решилась. Рванувшись к рулю, она принялась лихорадочно давить на клаксон. Над бескрайним полем полилось монотонное: «Ф-ф-фа-фа...» БАТ остановился, нажал на тормоз Генка. Надюха выпрыгнула из кабины и, не обращая внимания на грязь, побежала к застывшему в тягостном ожидании тягачу. На какое-то мгновение, словно раздумывая, замерла на месте. Замер и Генка. Женщина сделала над собой титаническое усилие и проворно забралась в кабину. Генка вздрогнул от прозвучавшего для него, словно раскат грома, звонка сотового телефона. Машинально оглянулся и увидел на

сиденье собственный мобильник, оставленный Надей. Машинально включил... Все те же, как и год назад под Новосибирском, СМС и пропущенные звонки от жены. Великое множество пропущенных звонков и СМС. «Генка, прости меня, дуру. Куда ты пропал? Христа ради, прости! Очень жду! Я давно уже у нас дома. Очень, очень, очень, очень сильно жду...» Тягач нервно зарычал и снова потянул Генкину машину, плавно разворачиваясь назад. Через некоторое время тягач остановился. Из его дверцы показалась Надюха:

— Так будет лучше! Так всем будет лучше! — нервно выкрикнула женщина.

— Я обязательно напишу эту гребаную книгу! Я ее обязательно напишу! Чего бы мне это не стоило! — закричал Генка в ответ.

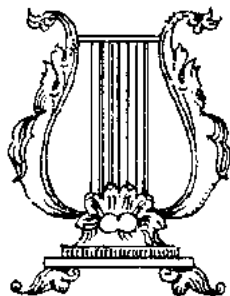
— Ты ее обязательно напишешь! Я верю тебе! Я тебя...

Налетевший порыв ветра швырнул приличную пригоршню мокрого снега в раскрытое окно МАЗа. Слова их запрыгали, забились о заиндевшие стволы и ветви берез. И словно в подтверждение этих слов громыхнул разряд запоздалой осенней грозы.

По крыше кабины застучали тугие капли дождя, перемежающиеся с порывами ветра.

Напишшшешь! Напишшшешь! Напишшшешь!

## НАВЕЯНО ЛЕРМОНТОВЫМ



Уважаемый читатель! Позвольте предложить вашему вниманию небольшую подборку стихов, навеянную личностью Михаила Юрьевича Лермонтова. Здесь вы не найдёте вздохов, ахов и фальшивых причитаний, составленных из вариаций строк самого Лермонтова, — любят у нас ко всякого рода рождественским торжествам и «празднованиям дней памяти» наскоро сплестать панегирические вирши, заполняющие Всемирную паутину, а также страницы журналов и «коллективных» сборников. Тем приятнее было разыскать стихи, в которых чувствуется *индивидуальное дыхание* каждого автора, *его* образы и *его* личное отношение к Поэту.

### **Лоренс БЛИНОВ (Казань)**

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ  
ТРИПТИХ

#### **1. В земных оковах**

*Безумец я! Вы правы, правы!  
Смешно бессмертье на земли.  
М.Ю. Лермонтов*

Не высказать! И не хочу! —  
Вам боль души моей — отравы.  
Но *разом* обезглавить травы  
косе — и той не по плечу:

заголосят! Едва с полей  
созревших дум дохнёт пожаром,

займётся песня косарей,  
покатится полдненным шаром.

Душа колосьев, что душа  
прозреньем вспыхнувшего мозга —  
стихом вдруг засвербит в ушах,  
зерном насытится повозка.

Зерно — и смерть. Зерно — и жизнь.  
Закон судьбы. Стиха законы.  
Под пулю встать поэт спешит.  
Как Демон, весь — в земных оковах.

## **2. В сторону России**

Надменный зверь — Бештау гордый —  
лениво дремлет предо мной.  
Враждой извечною упорной  
отмечен дерзостный покой.

Суровой лермонтовской силой,  
казалось, вздыбились хребты,  
и снова в сторону России  
упрямо движутся черты.

Душе спокойной непонятен  
пород изломанных разбег:  
как плащ с налётом бурых пятен —  
печоринский отброшен век.

Но в каждой складке пятигорья  
мне виден исполинский луч —  
иного времени Героя  
он жаждет высмотреть из туч.

Горит застывшее боренье  
корявой тверди и высот..  
Могучих скал стихотворенье  
как Слово гения встаёт.

## **3. Пьедестал**

Луна. Лачуга. Лечь любил.  
Ещё — езда. Ещё — ехидца.

**Рад** разъярить резон ревнивца:  
**Мол**, «мир, Мартышка, — маскарад,  
**Очнись**, очами озверелый!»

**Но не** направить ночь назад:  
**Терзаясь** Терека тревогой,  
**Ознобом** облака он осветлён,  
**Ветрами** Вечности влекомый.

### **Валерия НАРБИКОВА (Москва)**

И там был Лермонтов. Вот его ещё только не хватало.  
Ну был же Пушкин.  
И хватит.  
Хватит.  
А тут ещё Лермонтов.  
А самый хороший получился Максим Максимыч,  
вот как человек жил в горах, так и жил,  
а Бэла тут совершенно ни при чём.  
Печорин, он, конечно, хорош —  
противный, но приятный и вообще.  
Но любил ли Лермонтов Пушкина?  
Да кто знает.  
Да кто знает, тот пусть и скажет.

### **Константин КЕДРОВ (Москва)**

#### ЛЕРМОНТОЛЁТ

Чтобы коснуться тюрьмы ресниц  
я хотел бы немного раздвинуть стены  
Эта стена стений твоих ладоней  
В ладонях живут только птицы  
Но и они улетают если  
ладонь в ладонь  
Ладонь уплывает  
Ах как ненавистны все эти птицы  
терзающие когтями небо  
складывающие крылья  
как две ладони  
и раскрывающие ладони  
чтобы лететь аплодируя телом

Нет нежнее ресниц жён  
жён рожаящих патефоны  
жён питающихся стихами  
и ласкающими гортанью  
В это непролазное небо  
вламываются тела из ломоты

Я пишу птицами как кистями  
Они мне во всём послушны  
обмакиваемые в небо

Тамародвижение  
Интрига беззвучной бездны  
Бездны не имеющей эха  
но отдающейся в себе слева

Коллапс

## **Олег ФЁДОРОВ (Тюмень)**

### ЛЕРМОНТОВСКИЕ МОТИВЫ

*К 200-летию со дня рождения...*

И скучно и грустно,  
И некому руку подать —  
Ни правым, ни левым...

Лишь слушать, как лист шелестит,  
Лишь у дуба стоять.  
Россия — forever...

Мундиры твои навсегда,  
Простодушный народ —  
Святой (тире) грешный.

У дуба ль стоять,  
у берёзы ль весенней рыдать  
над чьей-то скворешней...

А если стемнеет совсем,  
Выходи на шоссе, —  
Глядишь, и подбросят.



Чтоб после, сквозь промельк оконный,  
К знакомой звезде —  
вопросы, вопросы...

А парус порвали, —  
Об этом Высоцкий кричал.  
Обломки в тумане...

А вечно любить нас  
Никто ведь и не обещал,  
С дырою в кармане...

А жизнь, как посмотришь,  
Сплошной адюльтер-трагифарс,  
И нам не до шуток...

Какие-то вещи уже не способен объять  
Холодный рассудок.

Лишь сердце — понятно.  
Умная наша душа,  
Лишь ветры задули...

По-прежнему ищет покоя,  
Живя не спеша,  
В предчувствии бури...

## **Навел ДЮЛЬСКИЙ (Санкт-Петербург)**

### **СУДЬБА ГОРЦА**

С промёрзлых гор сошёл ты в мир  
Пещерным зверем — зол и сир.  
Дитя Аргуна и Сунжи,  
О жизни прошлой расскажи.

— Мне нужно многое сказать.  
Я помню, как убили мать,  
Когда ребёнком я играл  
В ауле у подножья скал.  
В мой дом незваные мужи  
Ворвались, обнажив ножи.

Трёх братьев старших, мать мою  
В неравном кончили бою.  
Они пришли из-за отца,  
Насильника и подлеца,  
Что так же ночью в дом чужой  
Прокрался, справившись с ходжой.  
Его на ложе он убил  
И многих шашкой порубил.  
Хурджун наполнил серебром.  
С чужой женой, с чужим добром  
Он скрылся в хвойной чаще скал.  
С тех пор навеки он пропал.  
А я бродил один, как перст  
И будто недобитый перс,  
Что выл в Апраксином кругу  
На Дагестанском берегу.  
Дрожал я в гротах по ночам,  
Не доверял своим очам.  
Не верил сердцу и судьбе  
И жизнь влачил в пустой борьбе  
С любым обидчиком моим.  
Я был всегда, везде гоним.  
Приют любой мне был не рад,  
Глухих не открывая врат,  
Боялись люди взаперти,  
Меня моля скорей уйти.  
Я стал дичайшим из зверей  
И в жизни мне всего милей  
Тепло приклада у щеки  
И сила каменной руки,  
Кровавый бой штыком к штыку,  
Кулак к другому кулаку,

Кинжал булатный сквозь халат,  
Как был убит мой старший брат,  
И шашкой пламенный раскрой,  
Как был убит мой брат второй.  
Страшнее резать во сто крат,  
Как был зарезан третий брат.  
Разбой чинить во все края.  
За что убита мать моя?  
Мне горечь жжёт всё изнутри,

В глаза мне лучше не смотри!  
Среди моих деяний всех  
Таится там ужасный грех.  
В один из дней, с моим ружьём,  
Я крался колющим жнивьём  
По полю влажному. Гроза  
Недавно стихла, но глаза  
Мои следят за склоном гор.  
Там в стланиках обилье нор,  
И дичь ветвями шевелит,  
Чем выдаёт себя на вид.  
Я пулю в дуло зарядил,  
Движеньё зверя проследил,  
Ружьё узорное навёл,  
Вдруг вижу: предо мной осёл.  
На нём поклажа нелегка.  
И горца твёрдая рука,  
В чужой запекшейся крови,  
Мешки поправила свои.  
Мне стало ясно — это вор  
Добычу тащит в лоно гор.  
Я выстрелил, и он упал,  
Зашевелился. Не попал.  
Скорей к нему я побежал,  
Из ножен выхватив кинжал.  
Он тоже саблю обнажил  
И предо мною закружил.  
С повадкой старого бойца,  
Сукном укутав пол-лица,  
Как барс голодный, прыгнул он.  
Сошлись клинки. Протяжный звон  
Донёсся мигом до вершин.  
Я бил полтысячи вражин,  
Но этот ловок и умён.  
В нём, видно, кровь моих племён.  
Я на мгновение застыл,  
В глазах узнав знакомый пыл

И хвою чёрную бровей.  
Из тысяч пламенных кровей  
Я горячее не встречал.  
Он вепрем страшно закричал,

Чело булатом мне рассёк,  
Но я успел метнуться вбок.  
Удар плашмя мне угодил,  
И я в листву упал без сил.  
И кровь бордовая со влас  
Мне застилала зренье глаз,  
Как мёд, неспешно по щекам  
Текла, по согнутым рукам,  
Что цепко стиснули клинок.  
Для виду умер я на срок.  
В груди дыханье задержал,  
Но наготове мой кинжал.  
Обман подействовал тотчас,  
Ичкерец совершил намаз  
С успокоением души.  
Решил забрать мои ножи.  
Он надо мной склонил главу,  
Колени опустил в траву,  
Златые ножны отстегнул,  
Коран серебряный рванул  
С груди недвижимой, и с руки  
Он перстни снял. И так горьки  
Минуты были эти мне,  
Что я, как будто бы в огне,  
Момент не смея больше ждать,  
Его на части начал рвать.  
Колол кинжалом на убой.  
Вверх до снегов тянулся вой,  
И сучьев треск со всех сторон,  
Олений горных этот стон  
Мгновенно в бегство обратил.  
И луч сквозь ветви осветил  
На смерть объятые тела,  
Как две скалы, как два крыла.  
И я увидел, что мертвец  
Не кто иной, как мой отец.  
Я шарф содрал с его лица  
И понял, что убил отца.  
И наяву я в первый раз  
Услышал с неба громный Глас,  
Какой внимал я лишь во снах.  
И вот что мне сказал Аллах:

«Тебе не искупить вины,  
Ты опорочил честь страны,  
Ты запятнал великий род  
И осквернил течение вод,  
Что бьют с вершин святым ключом.  
Ты стал народным палачом,  
Презрел божественный Коран,  
Уничтожая мусульман.  
Твой тейп не в силах перенести  
Такой позор, и будет месть.  
В любом краю, в чужих местах  
Ты смехом будешь на устах,  
Зловонием, бельмом в глазу.  
Ты разбудил во мне грозу.  
Не будешь знать ты никогда  
И ни любви, и ни стыда,  
Поскольку этих чувств святых  
Шакал не ведает. Как жмых,  
Ты будешь мрачно век влачить  
И жалким видом всех учить  
Тому, что небо мусульман  
Простить не в силах этих ран.  
Ты будешь как растение жить,  
Гнилым бревном по ветру плыть,  
Молить меня о смертном дне,  
Об искупительном огне,  
Но я не сжалюсь над тобой  
И не займусь твоей судьбой.  
Ты будешь вечно одинок,  
И не ропщи на тяжкий рок».  
Я это помню как сейчас.  
Отца, тот лес, небесный Глас,  
Как я бежал, гореньем полн  
С собой покончить в беге волн,  
Но Терек, брызгами звеня,  
На камни выбросил меня.  
Я полз, как старая змея,  
Но это был уже не я.  
И кроме злобы и обид,  
Что углем сердце пепелит,  
В груди я ноши не несу.  
Не замечал с тех пор красу

Прекрасной родины моей,  
Дожди лесов, ветра полей  
И голубые шапки скал,  
Что в детстве оком я искал,  
Играя с глиною речной,  
И птицы рядышком со мной

В воде плескались на камнях.  
И я купался в светлых днях  
Счастливой жизни, без забот.  
Лишь выводить на зелень скот,  
Да братьям в поле помогать,  
И навещать на лозах мать.  
Мне помнится в тени чинар  
Мой дед, как эти древа, стар,  
На витьеватости корней  
Исхода ждал последних дней,  
Но памятью ещё силен,  
Вёл сказ легенд былых времён.  
Дремотой полон я лежал  
И теребил его кинжал.  
И постелив наземь чуху,  
Внимал я древнему стиху.  
Как шелест листьев — тихий глас  
Вверял мне тайны про Кавказ.  
О гнётах Золотой Орды,  
Тимуром посланной беды,  
О рабстве вольного нахче,  
На землях наших, на бахче.  
О том, как прятались в горах,  
Когда татары сёла в прах  
Сметали жёлтою рукой.  
Но снова принесли покой  
Соседей русские войска.  
И их могучая рука  
Нас хоронила от войны,  
Уже с турецкой стороны.  
И в недрах памяти с тех пор  
Храню я каждый разговор,  
Что в нежном возрасте впитал,  
Как грудь карающий металл.  
Поскольку детской жизни свет

В тени последующих лет  
Ночами приходил ко мне,  
В раздумьях или в сладком сне,  
И клювом жадным сердце грыз,  
К утру звездой срывался вниз,  
В колодцы памяти опять,  
Где братья спят мои и мать.  
Мне больно помнить о былом,

Уж лучше думать перед сном  
О битвах в сумраке ночей,  
В объятьях каменных плечей  
Гяура сильного, как льва,  
Что скуп со мною на слова.  
Он, как и я, узнал одно  
В прекрасной жизни — только дно,  
Грабёж, убийство, воровство.  
Он плыл с далёких берегов  
И всюду находил врагов.  
Но вот сошёлся он со мной,  
Как гордый демон с сатаной.  
И затряслись леса вокруг  
От мощных взмахов наших рук,  
И вековые снега с гор  
Сорвались, услышав раздор.  
Но с ним мне нечего делить.  
Мы оба потеряли нить,  
Что к жизни чистой нас вела,  
А ныне серая зола  
Забила уши нам и рты,  
И мы, слепые как кроты,  
Ведём возню в земле сырой,  
Живём, как черви под корой,  
Не вылезаем из травы,  
С годами множимся, увы.  
И в мир явился я другой,  
Где не желаю быть слугой.  
Но люди смотрят на меня,  
Рукой улыбку заслоня.  
И мне не ясен их язык,  
Привык я слышать стон и крик.  
Мне жизнь без битвы не мила,

Любая улица мала.  
Законов я не потерплю.  
Я вольной птицей быть люблю...

Взмахнув последний раз крылом,  
Смертельно раненным орлом  
С печальных гор спустился ты,  
Не замечая красоты.

### **Навел АЛЁШИН (Москва)**

НОКТЮРН

*Лермонтову и Врубелю*

Бывают ночи, полные видений:  
Не сон, не явь — иное бытиё.  
Тогда сознание, словно остриё,  
Пронзает тишину любых сомнений.  
Лишь ночь вокруг — и таинство её.

Луна, как лебедь в необъятном море,  
Сияет серебром из синей мглы.  
А тучи предсказаньем тяжелы:  
Томятся в них сиреневые зори —  
Иного мира тайные послы.

И, прозревая образы-послания,  
Звездою новой сердце возлетит  
Туда, где вечность Богу предстоит,  
Где наравне и радость, и страданье  
Вселенной образуют монолит.

### **Екатерина ПОЛУМИСКОВА (Ставрополь)**

Облака — степные кобылицы —  
вновь уходят в бронзовый закат.  
И слагают люди небылицы:  
кто был прав тогда, кто виноват.

Кто нарушил правила дуэли?  
Был ли выстрел в воздух или нет?



И какие призрачные цели  
видел в этой смерти «высший свет»?

Только солнце, вспомнив об обете  
сохранить и правду, и покой, —  
как немой, единственный свидетель,  
каждый день восходит над землёй.

### **Александр КНЯЗЕВ (Санкт-Петербург)**

Я должен Лермонтову.  
Боратынскому должен.  
Двадцать шесть минуло,  
сорок четыре — тоже.  
А сделал **что** уже?  
Пятьдесят семь.  
Время — по нарастающей...  
Так аз есмь.

#### **БЕССМЕРТИЕ**

Пистолета жало —  
острая фреза.  
Рассекла, распяла  
надвое гроза.

Ярким запределом  
через сотни лет —  
в строчке чёрно-белой  
вспыхнет вновь поэт...

*Вступительная реплика и публикация  
Александра Князева*



**Геннадий ГОРЛАНОВ**

**«Я НИЧЕГО  
НЕ ЗНАЧУ  
БЕЗ РОССИИ...»**

**К 80-летию со дня рождения  
Дины Злобиной**

Кому особенно благодарен — так это памяти. Если к ней обратиться приветливо, то она может совершить с нами полеты в прошлые времена, попытается вновь устроить встречи с ушедшими в мир иной родственниками и друзьями. Вот и сейчас крылья памяти унесли меня в 60 — 70-е годы прошлого столетия, когда мне посчастливилось встречаться, беседовать, дружить с такими мастерами нашего пензенского литературного цеха, как Николай Почивалин, Николай Катков, Василий Стенькин, Александр Сазонов, Федор Ракушин, Виктор Агапов, Олег Савин, Дина Злобина...

Дине Дмитриевне Злобиной, признанному мастеру поэтического слова, в декабре 2016 года исполнилось бы 80 лет. В связи с этой датой волей или неволей приходится иметь дело с не изученным пока что существом — временем. Оно неумолимо и постоянно борется с памятью. А главное: в союзе с судьбой заставляет физически покидать землю обетованную наших друзей и близких нам людей. Что касается творческих личностей, то они остаются жить с новыми поколениями, ибо душа бессмертна, а души поэтов воплощаются в поэтические строчки и книги. Дины Дмитриевны нет с нами только физически, а книги ее продолжают дружить с нами, имя ее каждодневно звучит в музее ее имени, в Пензенской писательской организации, в журнале «Сура» она всегда на слуху. Когда я прихожу на Новозападное кладбище в Пензе, всегда вижу ее задорную, умную улыбку на фотографии — она беседует со мной как живая, вроде бы никогда не покидавшая нас.

В мае 1969 года на Кутузовском проспекте в Москве мне посчастливилось встретиться с большим русским поэтом Василием Фёдоровым. В тот день на своей московской квартире он расспрашивал меня о пензенских писателях, и, когда я назвал имя Дины Дмитриевны Злобиной, как-то особенно оживились его гла-

за. Он сказал, что читал её стихи, назвал их интересными, душевными. И вот сейчас, пытаясь выделить главные особенности её поэтического таланта, я бы отметил именно душевность. Стихи незаметно пленяют читателя своей теплотой и обнажённой сердечностью. Дина Дмитриевна умеет наполнять их горением своего беспокойного сердца, заставляет читателя радоваться её радостью при встрече с родными ей местами, печалиться по случаю несправедливого раскулачивания дедушки, задуматься над судьбой много-страдальной Родины.

В семидесятых годах встретились мне стихи:

Ах ты, Динка ль моя,  
Холодинка ли,  
Не ходила бы ты в океан.

Они поразили меня не только звучностью (как хороши здесь сочетания звонкого «д» с мягким, ласкающим слух «л»), но и своей содержательной стороной. В них сама судьба поэтессы, выросшей в полевой России и очутившейся благодаря своему таланту в океане поэзии. Нелегка писательская работа, но выбор сделан, и остановиться на половине пути уже невозможно.

Стихи Злобиной продолжали волновать меня, и я не мог не откликнуться на них. Вылились эмоции в стихи, посвящённые Д. Д. Злобиной:

Дина, Динка ль, холодинка,  
Вольной воле вопреки,  
Ваша сказочная льдинка  
Любит летние деньки...

Лучшие стихи Дины Злобиной лишены вычурности, исполнены благородной простоты. Юрий Разумовский в рецензии на сборник «Вёсны», вышедший в издательстве «Молодая гвардия» («Литературная газета», 28 мая 1963 г.), за «чистый и прозрачный язык. Ясную и нежную мысль, безыскусность и простоту образов» сравнивает её стихи с родничком.

С таким сравнением нельзя не согласиться, правда, с некоторым уточнением. Та книга появилась в 1962 году. С тех пор у Злобиной вышло двадцать сборников в разных издательствах — в Москве, Саратове, Пензе. Каждый из них тепло встречался читателями и критиками. И теперь её поэзию можно сравнить с многоводной рекой с весенними разливами и летней прохладой, быстринами на крутых перепадах и глубинными омутами, с рекой, текущей по среднерусским просторам, внешне неброской, но зато с прозрачной и чистой водой.

Книга «Воскресение вербное», изданная издательством «Советский писатель» в 1991 году, в некотором роде итоговая, даёт наглядное пред-

ставление о написанном поэтессой почти за сорок лет работы в литературе. Она свидетельствует, что поэтическая река Дины Дмитриевны с годами не измельчала, а, напротив, расширила своё русло и пробилась к морю российской поэзии.

Поэтами и рождаются, и становятся, ибо поэт, говоря словами Александра Блока, «не профессия, поэт — судьба». Как легко было затеряться на перепутьях больших и малых дорог девочке из далекого провинциального села Чернозерье Мокшанского района Пензенской области, но изначально с ней была Россия и книги, любовь к которым привил отец, Дмитрий Павлович, учитель по специальности. Живописная природа мокшанских полей и лесов не могла не сказаться на её творческой судьбе. Пылливая до всего девочка, спеша поскорей взглянуть на мир, запоминала, как *«ручей весенний булькает в овражке за ракитой»* и как о ней *«скачуют маргаритки, // И безмятежно свищут соловьи!»*.

Чувство любви к Родине прививалось ей на берегах лучезарной Мокши, куда она частенько бегала со своими подружками, чтобы вдоволь надышаться цветущей черёмухой, любующейся своим отражением в голубой реке. Была и другая Родина, власто призывающая школьницу *«ходить по горестным дорогам // С раскрытой книжкой записной»*. В книге «Воскресение вербное» читатель найдёт неласковые приметы нелёгких лет: изнурительный физический труд, похороны в военное лихолетье и приказной тон высоких партийных работников, наведывавшихся в сёла за благополучными сводками. Знала она от взрослых и о незаконно репрессированном в годы коллективизации деде, *«правду печальную — Не газетную, официальную»*.

Как-то были мы с ней на одном мероприятии, и она процитировала мое первое четверостишие из стихотворения «Признание в любви». Высоко отозвалась о произведении в целом, а вот с последней строчкой не согласилась: «Люблю Россию всякую». Дина Дмитриевна утверждала: *«Нельзя любить Россию всякую. Родину, которая терпит поражения из-за неразумности военных начальников или в которой людям живётся плохо, — нельзя любить»*. Мои ссылки на Лермонтова и Блока не убедили её. Так мы и остались каждый при своём мнении.

Стихи она начала писать в школьные годы. Что-то получалось, что-то нет. «Первые свои серьезные стихи, — вспоминала уже состоявшаяся поэтесса, — я написала в шестом классе. Прочла подружкам, а те высмеяли меня: «Это ты списала». Отец тоже первоначально не верил. Я расплакалась и послала стихи в Русский Ишим Матрене Смирновой. Так завязалась переписка». После окончания средней школы пыталась сдавать вступительные экзамены на историко-филологический факультет Пензенского государственного педагогического института. К сожалению, безуспешно.

Романтически настроенную девушку поманили дальние дороги — оказалась она в городе Калач-на-Дону, где в местном техническом училище освои-



*Дина Злобина*

ла специальность токаря по металлу. Потом работала токарем в Волгограде, на заводе «Баррикады». Стихи Дины Злобиной впервые появились в заводской многотиражке, а первая тщательно продуманная подборка была опубликована в областной газете. Крёстным отцом в поэзии для неё стал руководитель литобъединения, известный поэт Ф.Г. Сухов. Это он посоветовал девушке поступать в Литературный институт имени А.М. Горького. Стихи выдержали конкурс. И вот сбывается её мечта — она становится студенткой прославленного института. Осваивая вузовскую учебную программу, она печатается в журналах «Москва», «Смена», «Юность», в газетах «Комсомольская правда», «Литературная газета».

Чем жила Дина Злобина в этот период, можно узнать из её стихов, написанных в жанре посланий близким людям («Мама», «Письмо из дома»). Живя в шумном городе, она ни на минуту не забывала «край свой сельский», тропинку к старенькой школе, вспоминала, как в уголке своём бабушка зажигала свечу. Хотя и не ведала советская девушка о великих муках Христа, но всё-таки дарил он ей «свечение вербного куста... неспроста». Она вспоминает:

Снились мне перелески, поля,  
Снилась лошадь и с ней жеребёнок!  
А ещё снился мне сенокос —  
С земляничкой, с водой родниковой.

Есть у неё стихи, связанные с памятью о бабушке Насте и деде Василии, — «Правда печальная»; строчки, посвящённые самому дорогому человеку на земле — матери Прасковье Васильевне, женщине-труженице, каких много в крестьянской России: «Ночью у мамы болела спина».

Первая книга Дины Злобиной «Черёмуха у проходной» вышла в далеком 1959 году, когда поэтесса училась на третьем курсе Литературного института. Это небольшого объёма сборник в голубой обложке, на которой — девичий профиль, вдалеке тёмным силуэтом выделяется завод. Кто хорошо знает биографию поэтессы, отметит неслучайность этого пейзажа.

Немало бессонных ночей провела она в работе над стихотворными строчками, вырабатывая свой поэтический стиль и свой взгляд на поэзию. Велик

был соблазн использовать новаторские приемы письма, разработанные в тонической системе стихосложения. И все-таки остановилась на традиционном силлабо-тоническом сложении, позволявшем глубже передавать свои чувства: «...я убедилась, что все эти «лесенки», как у Маяковского, — искусственность, чепуха. Если воду влить в кувшин, то и она принимает форму кувшина. Содержание, на мой взгляд, должно со временем окончательно затмить форму». С таким теоретическим утверждением трудно согласиться, в любые времена форма должна соответствовать содержанию, однако чутье поэта-практика подсказывало ей в период поисков именно такое резюме. Поэтесса по-своему была права.

Активно участвовала Злобина в издании коллективных сборников, печаталась в «толстых» журналах. Стихи её получали одобрение известных поэтов. В предисловии к сборнику «Качели» Николай Тихонов, говоря о высокой требовательности поэтессы «к себе и к людям», писал: *«Я приветствую Дину Злобину, я понимаю её страстное желание рассказать по-своему о России, о своём детстве, о поэзии, о любви, о жизни, которая вокруг неё. Её стихи живут и горят хорошим чистым огнём!»*

Талантливые стихи поэтессы обратили на себя внимание и выдающегося писателя Украины Павло Тычины. Выступая на страницах газеты «Правда» (17 марта 1963 года), он отмечал: *«Я не могу здесь удержаться от того, чтобы не привести отрывок из прекрасного стихотворения молодой русской поэтессы Дины Злобиной, удачно и точно передавшей приподнятое, а вернее сказать, радостное душевное состояние молодых, когда они делают первые свои шаги в литературе:*

Не по отточенному лезвию  
И не в атаку, не в штыки,  
Волнуясь, входим мы в поэзию  
Благим советам вопреки.

Поэтический талант Злобиной горячо поддерживали Всеволод Иванов, Дмитрий Ковалев, Николай Тихонов, Василий Федоров...

В чём же сильная сторона её творчества? Думается, прежде всего в том, что поэтесса находится в постоянных поисках смысла жизни, в отыскивании той великой истины, которую пытается найти вся наша литература. Говоря гражданским языком поэзии, эту великую правду можно определить одним коротким словом «борьба». В борьбе с пережитками прошлого, с лодырями и проходимцами, с теми, кто поднимает руку на красоту природы, закаляется доброе сердце поэтессы.

Лирическая героиня Злобиной находит своё понимание счастья жизни в любом, казалось бы, незначительном деле: в том, как плотник строит новый дом («Дед, похожий на могучий корень...»), как девочка «с косичками и в ту-

фельках по моде» окучивает картошку бабушки или как поэт трудится над стихами («Стихи, стихи — всю ночь напролёт»). Сама Дина Злобина сказала об этом ёмкой поэтической фразой:

А счастья истина великая  
Есть в каждой мелочи простой.

Сила стихов Злобиной кроется не только в провозглашении обретенной ею истины, но и в стремлении помочь читателю понять её. Здесь-то и выступает самое действенное средство — задушевный лиризм стихов, созданный самыми разнообразными средствами. О чём бы ни писала Дина Злобина — об одуванчиках ли, что желтеют и теснятся «... в садах. У речки, на лугу», о голубом ли Иссак-Куле, о старой ли сельской школе, у которой «глухо закрыто окошко завесью жёлтых берёз», — везде чувствуется биение трепетного сердца автора, поэтический жар её души. Разлитые по поэтическим строчкам, они-то как раз и создают эмоциональный накал, то магнитное поле стиха, мимо которого читатель не может пройти равнодушно.

И ещё одна немаловажная деталь: строфы её произведений сработаны так искусно, что за ними не видно авторского труда. Такое впечатление, будто бы сами написаны без всякой подготовки. Будто бы сразу вызрели в сердце поэтессы. А последней ничего не оставалось, как раздарить щедрой рукой стихи-самоцветы любителям поэзии. Осмысливая жизнь, она находит такие краски, такие метафоры и сравнения, что остаётся только завидовать её наблюдательности и удивляться поэтическому восприятию мира. Это признак большого мастерства.

Дина Злобина — человек тонкий, чуткий, благожелательный. Эти черты характера с наибольшей силой проявляются у неё в пейзажной лирике, где тонко передано чувство единства человека с природой. Большая часть художественно-изобразительных средств связана с сельским бытом. Причины такой связи можно объяснить тем, что она постоянно жила в своём Чернозерье, как и в детские годы, дружила с ивняками и берёзами. Приветствовала по утрам восход благодатного солнышка, делала крестьянскую работу. Когда она пишет в «Сельской шутке»: «Вознесенский сейчас в Америке, // Важно ходит по авению... В Чернозерье с речного берега // Я привычно гусей маню», в этой иронии кроется житейская правда.

Отчий край, научивший поэтессу любить прекрасное, до сих пор вдохновляет свою воспитанницу на творческие поиски, помогает найти темы и образы. Недаром она с такой благодарностью отзывается о своей малой родине:

Здесь, где помнятся детские проказы,  
Буду проще, счастливей, новей!

Чтоб фальшивая нотка ни разу  
Не слышалась в речи моей.

Одна из особенностей «землянично-пахучих» стихов Дины Злобиной заключается в том, что она находит красоту и поэзию в обыденном. С любовью показывает душевное богатство скромных и непритязательных людей — будь то бабушка Арина из одноименного стихотворения, сама воплощённая доброта и простота, или тётя Даша, потерявшая в тяжёлые годы Отечественной войны здоровье. Героини Злобиной, как правило, жительницы села, умеющие трудиться и в поле, и на ферме, и в собственном доме. В стихотворении «О себе», с молодым задором признавая сильные и слабые стороны своего характера, Дина Злобина правдиво скажет о том, что может

Быстрее всех  
С косой пройтись по просу,  
Рожь уложить в высокие валки.  
Могу сестрёнке —  
Школьнице курносой —  
К зиме связать пушистые носки...

И это отнюдь не похвальба — это штрихи её биографии, правдивые сцены жизни человека, не признающего иждивенческого отношения к ней. Что интересно: там, где речь идёт о физической изнурительной работе, там и строчки стихов тяжёлые, суровые. И совсем иное дело, когда рассказывается о труде не особенно тяжёлом: с молодым задором — кажется, сама природа помогает труженикам, и птицы своим пением создают хорошее настроение — девочки убирают высохшее сено:

В малиннике  
Малиновки поют!  
У девчонок — сарафаны до колена,  
Пересмеиваясь, девушки гребут  
Лёгким солнцем пересыпанное сено.  
Носят воду родниковую в ведре,  
Колят сено загоревшие колени,  
Ну а в полдень, непривычные к жаре,  
Чуть не плачут разомлевшие студентки.

Картина написана как будто с натуры. Даже радостная, считающаяся на деревне лёгкой, работа по уборке сена человеку непривычному покажется тяжкой. Её не смог бы в столь привычных деталях нарисовать человек, ни разу не участвовавший в сенокосе. Кстати, последние две строчки — результат поз-



дней правки автора. В первых сборниках труд студенток на сенокосе выглядел облегчённее: *«Не привыкли к нашей пензенской жаре. // В сенокос зеленоглазые студентки...»*. Жизненный опыт подсказал поэтессе новую, более правдивую концовку.

Тема Родины, на мой взгляд, главная в творчестве Злобиной. Не писать о России она просто не может. Её судьба и судьбы её земляков вплетены в канву из ромашковых лугов, полей и перелесков. Поэтическая строчка: *«Я ничего не значу без России»* — имеет глубокий смысловой подтекст. Ведь именно Россия подарила жизнь, научила языку, наградила поэтическим даром.

Осознание своей ответственности перед трагической судьбой России даёт поэтессе право рассуждать о добре и зле, о счастье и долге, о самой жизни. Ей не по себе становится оттого, что на седьмом десятке жизни при советской власти *«даль не столь светла, // Как нынче б этого хотелось»*. Совсем не радостно лирической героине, когда она видит, как *«идёт старушка в магазин // За хлебом в ватнике потёртом»* («Пейзаж России — даль светла»). Дина Дмитриевна не торгует своими мировоззренческими принципами. И она просто не может легкомысленно относиться к своей работе. По твёрдому убеждению Злобиной, «бестрепетное служение музе» — не только занятие безнравственное, но даже и вредное. Допускаю, что имеют право на жизнь и другие виды поэзии, что Муза может обслуживать и некие элитные слои общества. Дина Дмитриевна такая, как есть в стихах. Другой она быть не может. Такой она дорога мне и, надеюсь, многим ее читателям.

С днем рождения, наша дорогая Дина Дмитриевна!



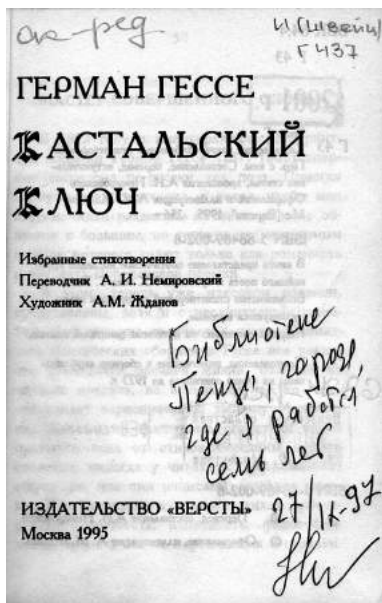
**Дмитрий МУРАШОВ**

## ПЕНЗЕНСКАЯ МУЗА НЕМИРОВСКОГО

**К 125-летию  
Лермонтовской библиотеки**

Александр Иосифович Немировский (1919 — 2007) известен, прежде всего, как великий историк и автор исторических повестей и романов. Из-под пера Немировского вышли «Слоны Ганнибала» и «Пифагор», «За столбами Мелькарта» и «Карфаген должен быть разрушен». Александр Иосифович — автор учебников и научно-популярных рассказов по истории Древнего мира, неоднократно издаваемых (в том числе на разных языках) в так называемых книгах для чтения по античной истории. Менее известны стихи и переводы Александра Немировского, лучшие из которых собраны им в небольшой книжке «Свиток» (Воронеж, 1992), а поэзия лауреата Нобелевской премии Германа Гессе — в книге «Кастальский ключ» (Москва, 1995). На одной из страниц «Кастальского ключа» и стоит автограф переводчика, адресованный Лермонтовской библиотеке, неожиданно открывающий пензенские страницы биографии великого ученого: «Библиотеке Пензы, города, где я работал семь лет, 27/IX-97».

Стихи Александр Немировский писал и до приезда в Пензу, в которой в 1950 — 1957 годы преподавал на историко-





*А.И. Немировский*

филологическом факультете педагогического института (вел курс истории древнего мира)<sup>1</sup>. Но в Пензе, в местном книжном издательстве, его сочинения **впервые** напечатали в виде книг<sup>2</sup>. В 1953 и 1956 годах — стихи и поэму «Александр Радищев», в 1955 году — повесть «Тиберий Гракх»<sup>3</sup>.

На пензенской земле будущий мэтр, единожды названный **«пензенским писателем»**<sup>4</sup>, получил и первые порции литературной критики. Журналист Юрий Кривошеев, одобрительно отозвавшись о повести Немировского, пожелал молодому писателю «не злоупотреблять авторским рассказом в ущерб показу действий самих героев» и «заботливее относиться к художественной мотивировке поступков действующих лиц». «Из книги, например, — указывал он, — трудно понять, как философствующий юноша Тиберий Гракх стал мужественным, решительным

воином, который первым взшел на стену Карфагена»<sup>5</sup>.

Другой рецензент отметил, что начинающий писатель в своей повести «не отступает от благородных традиций советской художественно-исторической литературы» и ярко воссоздает картины жизни древнего Рима, но народные трибуны показываются им «с внешней стороны, не раскрывается их внутренний мир»<sup>6</sup>.

Несомненно, Пенза оставила глубокий след в биографии Немировского. Иначе спустя сорок лет знаменитый ученый и писатель не вспомнил бы о ней с такой теплотой (см. автограф), свидетельствующей о привязанности к городу, где началась его научная и писательская жизнь.

Публикуемые стихи тридцатилетний Александр Иосифович написал в Пензе. До мировой известности было тогда далеко. Эти стихи — отпечаток его биографии и эпохи, проба пера, а для жителей Пензенского края — еще одна поэтическая история родных мест, созданная знаменитым человеком.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Энциклопедия Пензенского государственного педагогического университета имени В.Г. Белинского. Пенза, 2009. С. 247.

2. Александр Иосифович Немировский. Указатель литературы. Воронеж, 2009. С. 9 — 11.

3. Немировский А. Стихи. Пенза, 1953; Немировский А. Лирика. Пенза, 1956; Немировский А. Тиберий Гракх. Пенза, 1955.

4. Рудакова М. Интересная книга // Сталинское знамя. 1956. 3 февраля. С. 4.

5. Кривошеев Ю. Повесть о древнем Риме // Сталинское знамя. 1955. 28 сентября. С. 4.

6. Рудакова М. Указ. соч.

## Александр НЕМИРОВСКИЙ

### СТИХИ

#### СЕРДОБСКИЙ ПЕРЛАМУТР

Сверкает пуговка на блузке  
И красит девушки наряд.  
Но ты забыла, что моллюском  
Она была лишь год назад.

Лежал он, растворивши створки,  
На дне песчаном Сердобы,  
Пока его парнишка зоркий  
Сачком однажды не добыл

И не доставил как-то утром  
На пуговичный комбинат,  
Чтобы сердобским перламутром  
Украсить девушки наряд.

\* \* \*

Когда мы ссоримся по пустякам,  
Когда мы лжем друг другу, не краснея,  
Я музыке лишь верю и стихам:  
Они нас откровенней и честнее.

Я верю им. Они не знают лжи.  
Они не вынесут ничьей измены.  
Свою ладонь на грудь мне положи.  
Как эти строки, будем откровенны.

#### В ЛЕРМОНТОВЕ

И вот село с холма открылось сразу,  
И дом возник, как память о былом,  
И светлый пруд, и ствол иссохший вяза.  
И мельница со сломанным крылом.

А над поэтом каменные своды.  
И смерть взяла его в свинцовый плен.

Он не услышит голоса свободы,  
Как будто в мире все без перемен.

А за оградой в солнечном кипенье  
И шелест трав, и неба смелый взлет.  
Как строк его волшебных воплощенье,  
Природа торжествует и живет.

И стих шумит листвою узорной сада,  
И жаворонком вьется над селом,  
Журчит ручьем — и ничего, что рядом  
Здесь мельница со сломанным крылом.

#### СТОРОЖЕВАЯ ЧЕРТА

Опять ковыль на диком поле  
Копытами коней примят.  
Опять ногайцы злой неволей  
И разорением грозят.

Чтобы поля родного края  
Не жгла, не рушила Орда,  
Легла черта сторожевая,  
Непроходимая черта.

Сюда, где степь граничит с лесом,  
Растущим около Суры,  
Шли мужики, чтоб строить Пензу,  
Заткнув за пояс топоры.

И город срублен был на славу,  
И крепкой обведен стеной.  
Стал пограничною заставой  
Он на черте сторожевой.

Прошли века. И город снова  
Стоит на страже часовым,  
Началом пояса лесного  
Он назван Сталиным самим.

Чтобы поля родного края  
Не жег, не рушил суховей,

Протянется черта лесная  
От Пензы до донских степей.

#### НА ПЕРРОНЕ

Поезд вздрогнул и тронул,  
И завертелись колеса.  
Собака бежит по перрону  
И тычется в землю носом.

Не дог и сеттер лохматый,  
Чья грудь в золотых медалях, —  
Дворняга с хвостом поджатым  
И взглядом, полным печали...

Ее провожатые гонят,  
Пинает ее носильщик.  
Хозяин собаки в вагоне.  
Собака хозяина ищет.

По снежному, белому полю  
Скорый несется поезд.  
Сосед мой собой доволен.  
Его не мучает совесть.

Его переводят в столицу.  
Оформлены все бумаги.  
Может ли он стыдиться  
Старой своей дворняги?!

## Владимир МЫШИНСКИЙ

### ОТЕЦ И ДОЧЬ



### К 80-летию В.С. Мышинского

Через четыре месяца старейшая газета нашей области «Пензенская правда» отметит 100-летний юбилей. Среди тех, кто проработал в ней четверть века и более, оставив заметный след в ее истории, — Владимир Сергеевич Мышинский (10.10.1936 — 10.10.2011 гг.).

Судьба занесла его в наши края из далекой Киргизии в начале семидесятых годов прошлого столетия. Пенза встретила Владимира Сергеевича доброжелательно, дала ему возможность безо всяких испытательных сроков проявить себя в главной газете области — сначала собкором, потом заведующим отделом культуры и учебных заведений, заместителем редактора. Гуманитарий по складу ума и образованию (филфак госуниверситета), он с головой окунулся в мир богатых литературных и художественных традиций Сурского края. Встречи с писателями, поэтами, артистами, художниками, работниками сферы культуры и образования давали журналисту немало материала для размышлений, которые воплощались потом в газетные публикации.

Интервью с людьми творческих профессий, зарисовки о них, отчеты, репортажи со всевозможных культурно-массовых мероприятий, рецензии на книги, спектакли, заметки и размышления публициста на злободневные темы — вот далеко не полный перечень жанров, которыми свободно владел журналист. Если собрать его публикации в газете, то получится не один том вполне добротных материалов о литературно-художественной, культурной жизни нашего региона.

В.Г. Белинский считал журналистику частью литературы. Применительно к жанровым, тематическим пристрастиям В.С. Мышинского в официальной партийной, а потом и правительственной газете — это, пожалуй, тот самый случай сближения журналистики с литературой.

Недавно друзья, родные, коллеги по газетному цеху отметили 80-летие со дня рождения В.С. Мышинского. Вечер его памяти прошел в Литературном музее. Много добрых слов было сказано о журналисте, много сожалений о том, что не успел воплотить намеченные планы в газетные публикации. Вдова Владимира Сергеевича Р.С. Мышинская передала в дар музею более трех десятков книг мужа с автографами известных советских писателей, поэтов, артистов, художников, а также книги самого журналиста.

Журнал «Сура» предлагает вниманию читателей один из материалов В.С. Мышинского, опубликованных в «Пензенской правде» в девяностые годы. Публикация связана с именем А.И. Куприна, которого Владимир Сергеевич очень любил.

*А.И. Марынов,  
член Союза журналистов России.*

В начале сентября 1981 года солнечным, безветренным утром группа пензенской интеллигенции встречала на вокзальном перроне Пензы фирменный поезд «Сура». Ждали приезда дочери Куприна — Ксении Александровны. Приезжала она на открытие в Наровчатке музея писателя. Подошел поезд. Стоим у тамбура вагона. Вышли почти все пассажиры, а нашей гостьи нет. Встречающие заволновались: где же она? С кем-то из мужчин мы поднялись в вагон, идем по коридору и в одном купе видим двух пожилых женщин, сидящих на нижней полке.

— Ксения Александровна? — несмело спрашиваю, зрительно вспоминая фотографии Куприна, чтобы уловить фамильные черты.

— Здравствуйте, это я, — поднимается худощавая, невысокого роста женщина с серовато-синими, с татарской косинкой глазами.

— Извините, у нас тут дамский гардероб и всякое такое, дорожное. Если не трудно, помогите.

Голос ее хрипловат, но по-актерски четок и выразителен, хотя в произношении чувствуется неистребимый французский прононс, несмотря на прожитые в Москве почти четверть века после возвращения из-за границы. Несмотря на макияж, предательские морщинки опутинили лицо, было оно изжелта-болезненным, в глазах — незатухающая грусть. Это потом мы узнали, что она неизлечимо больна, а тогда она держалась молодцом: бодрая походка, приветливая улыбка. С ходу представила свою попутчицу:

— Моя подруга, тоже актриса нашего театра имени Пушкина. Играем вместе всяких комических старушек. И добавила: — Одна уже боюсь в путешествие трогаться. А в молодости, — озорно и кокетливо покрутила поднятой рукой, — ого-го! Полмира объездила.

Ее встречали цветами, сразу увезли в гостиницу «Пенза». Увидели мы ее только в Наровчатке. Там провела она целый день, гуляла по городу, знакомилась с музеем отца.



А потом были митинг, торжественное открытие музея и памятника А.И. Куприну работы В.Г. Курдова. Она была в центре внимания, восторженна и радостна. «Александр Иванович любил свою Родину, — говорила она на митинге. — Это чувство родилось у него, конечно же, в Наровчате». Но к концу торжества, чувствовалось, утомилась. Да и похолодало, то и дело начинал идти дождь.

Я подошел к ней, попросил дать интервью.

— Нет, только не сегодня. Очень устала. Впечатлений много. Счастлива, что побывала на родине папы. О Наровчате он вспоминал часто. Боже, как я благодарна, что здесь его так помнят и чтят!

Встретились мы уже в Пензе, в гостинице. Она собиралась на отдых в наш санаторий имени Володарского, поэтому говорила недолго.

— Отвыкла я от такого внимания, — начала она. — Меня так нигде не встречали. Я ведь пыталась создать музей в нашей родной Гатчине. Не получилось. Поэтому с удовольствием передала семейный архив вашим музейным работникам. Почти всю нашу переписку с родителями. В вашей области на редкость прекрасные музейные работники. Я просто в восторге от Натальи Аркадьевны Кугель, Петра Андреевича Фролова, да и других, всех не упомянешь. Истинные летописцы вашего края.

Заговорили о ее отце. Я расспрашивал, каким он был в семье, быту. Простатриваю старый блокнот семнадцатилетней давности, полувыцветшие записи, жалею, что не было тогда в «Пензенской правде» диктофонов, а в подсознании звучит ее надтреснутый голос, эмоциональная речь.

— Детство эгоистично. Это когда я готовила свои воспоминания «Куприн — мой отец», поняла, какого человека я потеряла. В детстве я жила в окружении любви, природы, животных. Меня в семье баловали. Отца я воспринимала как друга, сотоварища по играм. Самыми счастливыми моментами для меня были прогулки с папой по гатчинскому парку. Он учил меня рыбачить, кататься на лошадях. На Рождество всей семьей готовили самодельные игрушки, наряжали елку. Папа никогда не ругал меня, не повышал голоса.

Но, видно, поняв, что образ отца получается уж больно добреньким, Ксения Александровна быстро-быстро заговорила:

— Конечно, отец не был агнцем. Часто, уезжая по делам из Гатчины в Петербург, мог надолго пропасть. Добрейший человек, но, когда выпьет, становился озорным, буйным, даже бешеным: татарская кровь.

Она замолчала, задумалась.

— Я делю свою и родителей жизнь на до и после бегства за границу. Мой веселый и жизнерадостный отец как-то поник в Париже. Чужая жизнь, чужая земля — все ему было немило. Он даже про французскую сирень говорил, что она пахнет керосином. Почитайте его письма друзьям — какая там жуткая тоска!

Сейчас, когда опубликовано столько мемуарной и критико-библиографической литературы об А.И. Куприне (особенно основательные научные труды

наших земляков О.М. Савина «Слово об Александре Куприне», П.А. Фролова «Я люблю Россию...»), наша короткая беседа вряд ли добавит что-то новое в куприниану. Просто в те дни все это публиковалось в местной печати коротко, репортажно. Свой же журналистский долг вижу в том, чтобы передать впечатление от той встречи, тем более вскоре после этого Ксении Александровны не стало.

Тогда она была очень искренна, взволнованна. Видимо, сказалась поездка на родину отца, вся пензенская атмосфера народной любви к великому творчеству своего земляка.

— Вы знаете, какое самое большое чувство я вынесла от поездки в Наровчат? — спросила она. — Меня всегда удивляло: откуда у папы такая любовь к земле, природе? Я помню, с каким удовольствием, даже азартом он занимался нашим огородом и садом в Гатчине. В одном рассказе, уже в эмиграции, он с тоской и радостью вспоминал, как выращивал огромный бело-розовый картофель, ядреную петровскую репу, египетскую свеклу, лук, морковь, чеснок. Я помню, как по-крестьянски трудился он в поте лица на своих грядках, как по-детски радовался богатому урожаю. «Киса, глянь, какой богатырище!» — кричал он мне, показывая огромную морковь. Сейчас думаю: откуда эта тяга к земле? Так вот, по-моему, от наровчатского детства, от рассказов родных о своем доме, усадьбе, где были, как я теперь узнала, и сад, и конюшня, и курятник, и коровник. А иначе откуда взяться его мечте о собственном доме, саде с огородом? Дальше-то была казарменная, скитальческая жизнь.

Вскоре К.А. Куприна уехала в Ахуны на отдых, устроенный ей областным руководством. Там по нашей просьбе ее сфотографировал журналист В. Елшанский, его фотографию мы публикуем впервые. Вскоре Ксения Александровна умерла в Москве. Она была любимой дочерью Александра Ивановича. Отец ласково называл ее Кисой, а она его — Пуп-Сашей. Их прах покоится рядом на Волковском кладбище в Петербурге.

Прошло почти 17 лет с той встречи, сейчас ей было бы 90. А ровно 60 лет назад не стало ее отца. Помянем же их, чьи родословные корни в земле пензенской.

*«Пензенская правда». 25 августа 1998 г.*

**Владимир ЛЕЗИН**

**ВРЕМЯ  
МЕРИТЬ**

**Стихи**



СКВОЗЬ

— Почём квадратный метр неба? —  
Спросил вчера у Бога.  
Когда вставать мне в очередь на вечный монумент?  
Архангелы залатывают ямы на дорогах?  
К вам завтра намечается с визитом президент?

А что здесь значит надпись: «пришедшие с Востока»?  
Смотрю: сидит Конфуций.  
Поодаль — Лао-цзы.  
Читают «Комсомолку» с всеведеньем пророка,  
Как умирал Цзэдун в тумане над Янцзы,

Как пахнет коммунизмом в далёком горнем граде,  
Там каждому вручается бесплатно партбилет.  
Там говорят, что выборы проходят «смеха ради».  
По радио вещается, что даже секса — нет!

Скажи мне, милый Бог, здесь платят коммуналку?  
Дают ли отопление всем вовремя в сезон?  
Рязанский светлый грешник с утра за минералкой  
Спешит и прокликает вчерашний самогон.

Плюётся он камнями  
В сухой закон горбатого.  
Скажи мне милый Бог, кому сдаются комнаты?  
Я видел Иисуса здесь, в который раз распятого,  
На красном сельском знамени с тату серпа и молота.

**ДЕБЮТ**

Лежит, блюёт и кается. Ушедший он, непонятый.  
Всему ведь есть предел!  
Он близок к президенту?  
Скажи мне, милый Бог, кому сдаются комнаты?

А можно мне пожизненно свою отдать в аренду?

ПРОЖГЛИ?

Нечётным арканом на картах таро  
Нелепый день выпал, как с левой руки,  
И чёрная кошка разлила ведро  
Тоски по запёкшимся струпьям строки.

От Черного моря до чёрного горя  
С денарием тройки — рукою подать,  
Как пепельный ветер Содомы с Гоморры  
В этнический хаос завертит кровать —

И встретится Будда датскому принцу  
На жжёных страницах «Доктрины» Блаватской.  
Кровать превратится за день в колесницу  
И станут родными Обломов и Чацкий.

Затянется время ударом в баклуши,  
И Пушкин попросит у властных жидов,  
Чтоб вышли из офисов мёртвые души  
И пали оковы наёмных рабов,

Пути бурлаков, Агасфера, скитальцев  
Замкнулись на площади возле Кремля,  
Но строй перемелет когтища повстанцев,  
Раздаст всем кредиты и место жилья.

Нечетным арканом на картах таро  
Нелепый день выпал, не с той встал ноги,  
И вылилась жизнь опустевшим ведром,  
Что жгли, прожигали и, видно, прожгли.

ЭСХАТО

Когда  
Свободный сын земли,  
Способный стать творцом метафор,

Испьёт остатки бытия  
Из апатичных  
Сущных амфор —

В труху сотрутся города.  
Иерихонская труба,  
Как резонанс,  
Разрушит стены.

Давите из себя раба  
Под каблуком  
Глухой системы,  
Что туже лонжи, крепче лба!

Быть может,  
Правнуки людей  
Сойдут из Шамбалы Тибета  
И на предгорье судных дней  
Увидят скопища скелетов,

Под пеплом телли Вавилона  
В плаще евангельских мистерий,  
Останки храма Соломона,  
Руины канувших империй,

В золе — московские куранты,  
В песке — обломок пирамиды,  
И побредут искать атланты  
Прибрежье новой Атлантиды.

\* \* \*

Когда давным-давно на грани  
Разлома внутренней брони,  
Когда в душе на поле брани  
Гремят фронтальные бои,

Когда воткнутся в горло спицы  
И провернутся невзначай,  
Когда седьмую ночь не спится  
И сон — неведомый причал,

Когда скрипит, как половица,  
Твоя бездонная печаль,

Когда в сознание растворится  
Начало жизненных начал,

Когда захочется напиться  
И пасть у плахи палача...  
Перед глазами жизнь промчится,  
Как оборот в замке ключа,

Как тонет тонущего эхо,  
Под акробатом рвётся нить,  
И ты в поту и с нервным смехом  
Летишь в дыру,  
Пытаясь жить...

### ВРЕМЯ МЕРИТЬ КЛЕПСИДРОЙ

Брось весло,  
Засучи рукава  
На откосе песчаного мыса.  
Твой корабль скрутила по швам бечева,  
Трюмы, полные сажу, уйдут на дрова  
Для подножия старого пирса.

Суши вёсла,  
Кури не взятяг.  
Для покойника спущена мачта.  
Ты — воскресший потомок отпетых бродяг,  
Помесь зека, бомжа и лохматых дворняг,  
Стережущих всю жизнь гауптвахту.

Брось весло.  
Загорелый бурлак  
Тащит бриг в мелководные выси.  
Тебе кажется: ты — сумасбродный дурак,  
Что плывет против ветра,  
А жизнь — бумеранг:  
Ничего от тебя не зависит...

# Юрий ГУЗЁНИН

## КОЛОКОЛЬЧИКИ



**Рассказ**

*И цветы, и шмели, и трава, и колосья,  
и лазурь, и полуденный зной...\**

Всё это было в моей жизни. Был и я, юный шалопай, едущий в телеге, примостившись в ней сбоку, на краю, и сбивающий ногами головки цветов и колосьев, лакомящихся нектаром шмелей и бабочек.

Они были в моей жизни и раньше. Были и радовали меня своей простой, на первый взгляд, расцветкой. Они пленяли меня, казались неразлучными со мной друзьями, попутчиками. От первого до последнего моего вздоха. Они сопровождали меня всюду, как сопровождали и тогда — польстившегося на городскую беззаботную жизнь и разодетого по такому поводу во всё новое и, несомненно, «модное». Пижонская серая кепка, красная рубашка с длинным отложным воротом, широкий чёрный клёш и на несуразно толстой подошве ослепительно начищенные ботинки. За которые и цеплялись, безнадежно и отчаянно, цветы, шмели, трава и колосья...

Больше всего мне запомнились колокольчики. Они подкупали меня своей непосредственностью, своею искренностью. Бедные, отчаянные смельчаки. Стремясь удержать меня, они, наивные, падали на мои новомодные ботинки и, казалось, издавали сердечный, мелодичный то ли стон, то ли звон — «динь». А когда, слабые и беспомощные, отпускали меня, то издавали другой то ли стон, то ли звон — «дон». И плакали капельками росы...

Так и ехал я по необъятному лугу под колокольчиковый перезвон. Потом был ручей в безымянном овраге, переходивший по ходу своего течения в небольшие затоны и дающий водопой различной живности в полуденный зной. На одном из таких затонов возница, тихий и безмолвный дядя Иван, остановившись, подсвистывая, поил

лошадь. Мухи, слепни и оводы живой сеткой облепили вздрагивающий круп животного. Но она, отбиваясь от них жёстким длинным хвостом, не отрываясь, всё тянула и тянула в себя живительную влагу, не замечая сновавших перед её мордой паучков и водомеров. Я же торопился, потому что жёлто-зелёный «ку-курузник», издали походивший на большого кузнечика, должен был с минуты на минуту появиться в небесной лазури и сесть у затерявшегося в ромашковом поле небольшого домика местного аэродрома, обсаженного белоствольными берёзками. Я боялся опоздать и недовольно поглядывал на неторопливость степенного возницы. Старый, мудрый дядя Иван. С высоты своего житейского опыта, усаживаясь в телеге, он только и бросил-то мне, едва оперившемуся птенцу:

— Торопись не торопись, всё едино. От себя не уйдёшь...

Срок настанет, Господь сына блудного спросит:  
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»\*

Как он тогда был прав. И я, уже повзрослевший, вспомнил его, прилетев в родное село на жёлто-зелёном собрате того самого «кукурузника».

Не дождавшись попутки, испепеляемый зноем и иссушаемый жаждой, я побрёл по пыльной просёлочной дороге домой один. А когда дошёл до заветного ручейка, то плюхнулся в него на руки... в новом, с иголки костюме и кожаных, фасонистых полуботинках. Плюхнулся и тянул сквозь зубы, до ломоты, до онемения во рту, нестерпимо холодную ключевую воду. Тянул... и чувствовал, как нечто сильное, животворное, вливается в меня. Наполняет меня. И, побеждая, вытесняет из меня хлорированную городскую жизнь. Паучки и водомеры сновали перед моим лицом, лезли в рот, в глаза, в ноздри, а я, не обращая на них внимания, всё пил и пил, глотал большими глотками ту первозданность настоящей жизни, от которой я когда-то необдуманно и суетливо ушёл. Я пил и слышал, что где-то там, на нескошенном ещё лугу, заливаются весёлым перезвоном счастливые колокольчики: «день — дон, день — дон».

И забуду я всё, вспомню только вот эти  
Полевые пути меж колосьев и трав.  
И от сладостных слёз не успею ответить,  
К милосердным коленам припав.\*

*\*В рассказе использовано стихотворение И.А. Бунина  
«И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»*



**Ирина МОНАХОВА,  
Вячеслав НЕФЁДОВ**

## **МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ СПЛЕТЕН ПОД ВИДОМ ЛЕРМОНТОВЕДЕНИЯ**

**О статье Л. Беловой**



В журнале «Сура» (№ 3, 2016) напечатана статья Л. Беловой «Лермонтов и Белинский: пристальный взгляд из нашего времени», которая производит впечатление довольно гадкое — какое-то копание в «грязном белье», приуроченное к трагической юбилейной дате. Автор этой статьи из домислов и сплетен о биографиях Белинского и Лермонтова старается слепить некую сомнительную «версию» событий.

Для создания этой сомнительной «версии» в статье искусственно преувеличивается значение письма Белинского и повести Соллогуба в биографии Лермонтова. В статье сообщается, в частности, о следующих событиях: Лермонтов «легкомысленно» (как это преподносится в статье) сочинил сам о себе «молодецкую» байку о якобы очень доступных для него трех-четырёх аристократках (с которыми он одновременно состоит в связи и благодаря этому уже не нуждается в посещении борделя) и рассказал этот собственный анекдот о себе издателю-редактору журнала «Отечественные записки» Краевскому; кроме того, поэт неосторожно обидел чем-то некую высокопоставленную даму, приобретая в ее лице себе врага, плетущего против него интриги; эта дама в отместку заказала пасквиль на Лермонтова в виде повести, в главном герое которой светская публика могла бы узнать поэта (такого рода повесть написал Соллогуб).

И это только некоторая часть всех тех сложных обстоятельств, в которых находился в высшем свете Лермонтов. Словом, вокруг поэта сложился целый клубок интриг, вызванных отчасти злонравием светского общества, а отчасти рискованными действиями самого поэта. Таковы были обстоятельства его жизни, которые, наверное, не могли быть иными: его смелость и дерзость в общении со светским обществом, с одной стороны, и зависть и коварство, свойствен-

ные светскому обществу, с другой стороны, создали ту зловещую ситуацию, которая в конце концов погубила Лермонтова, о чем давно всем известно.

Однако в статье Л. Беловой поставлена экзотическая задача: за этот зловещий клубок проблем в жизни Лермонтова назначить виноватым не кого-нибудь, а... Белинского. Вот для того, чтобы «притянуть за уши» решение этой бредовой задачи, и используются всякие домыслы, предположения и фантазии — словом, «сплетни в виде версий».

С этой же целью в статье некоторые факты просто ставятся с ног на голову. Белинский, который перед Лермонтовым благоговел, так как тот был для него надеждой русской литературы (наряду с Гоголем), преподносится в статье чуть ли не его ненавистником. Посредственная (хотя внешне, может быть, и блестящая) повесть Соллогуба «Большой свет» преподносится каким-то важным явлением, которое чуть ли не определило всю дальнейшую судьбу Лермонтова. А сам Соллогуб преподносится прямо-таки близким другом Белинского, который с ним как-то особенно откровенничает.

На самом деле Соллогуб никогда не был близким другом Белинского. Белинский же был тогда уже первым критиком, всем известным, жизнь которого была занята огромной литературной работой, то есть тяжелым постоянным трудом (в отличие от светских праздных сплетников). Возможно, кому-то из этих праздных светских сплетников и хотелось представить Белинского участником их интриг и замазать его той грязью, в которой они сами находились. Но при чем тут сам Белинский? Он явно человек другого мира и других моральных качеств, не говоря уже о том, что другого масштаба личности. Он как раз, при всей сложности его натуры, отличался особенно высокой нравственной требовательностью к себе.

Странно, что сегодня вдруг возникло в этой статье Л. Беловой столь сочувственное внимание ко всем этим светским сплетням позапрошлого века. Для чего вдруг понадобилось сегодня достать их из нафталина? Почему понадобилось вдруг выдумать какой-нибудь повод, чтобы обливать грязью память Белинского? Не потому ли, что высотой своего гениального таланта и глубиной понимания творчества великих писателей он не дает покоя тем горе-«литературоведам», чей уровень не поднимается выше описания постельных подробностей жизни знаменитостей: кто с кем жил, кто с кем спал, кто о ком сплетничал.

Для того чтобы набрать в свою статью как можно больше всего «жареного», Л. Белова «пофантазировала» не только о Белинском и Лермонтове, но и о А.О. Смирновой-Россет, пользуясь тем, что вокруг этого знаменитого имени много сомнительной информации: слухов, легенд. Существуют даже ее ненастоящие мемуары («Записки», подготовленные и изданные под именем А.О. Смирновой-Россет ее дочерью) наряду с настоящими. Л. Белова уверяет читателей, что у Лермонтова был роман с этой замужней бывшей фрейлиной, причем далеко не платонический. Лермонтоведы давно уже развенчали этот миф, так полюбившийся Л. Беловой. На официальном сайте музея Лермонтова «Тарханы» есть

отзыв на ее «литературоведческие» работы, который так и называется: «Развенчивание мифов вокруг личности М.Ю. Лермонтова. Отзыв на публикацию “Фрейлина Николая I родила дочку от Лермонтова”» ([tarhany.ru>events/news/49](http://tarhany.ru/events/news/49)). В нем (в комментарии научного сотрудника музея Т.Н. Колян) говорится: «Лидия Белова создала миф о любви Лермонтова и А.О. Смирновой-Россет, в который верит ли сама (?), но в котором пытается уверить других. Даже книжку об этом написала, по сути, художественное произведение, где переиначила записки Смирновой на свой лад, как ей, Беловой, захотелось».

Таким образом, надо назвать вещи своими именами: статья Л. Беловой — не «пристальный взгляд из нашего времени», а сплетни позапрошлого века, вынутые из нафталина и раздутые, как мыльные пузыри.

В статье преувеличивается значение не только сплетен, но и самого вышеупомянутого несчастного анекдота, сочиненного и рассказанного самим Лермонтовым о себе. Этот «специфический» анекдот о трех-четырёх «доступных» аристократках преподносится в статье как некая важная и страшная тайна, которую каждый, услышав, должен был, по-видимому, строго хранить в секрете. Однако Краевский отнесся к анекдоту как к анекдоту и, услышав его непосредственно от Лермонтова, пересказал его Белинскому, а Белинский (в письме) — Боткину, в «крепких», конечно, выражениях, но то было их личное дело, так как это была их личная переписка, вовсе не рассчитанная на постороннее дамское внимание. И если некая современная дама из всего огромного литературного наследия Белинского в 13-ти томах выбирает только этот отрывок из его личного письма с «крепкими» выражениями, пристально его рассматривает и строит вокруг него целое «исследование», то это характеризует не Белинского, а низменные вкусы и пристрастия самой этой дамы.

Главное во всей этой истории заключается в том, что содержание этой незатейливой байки было придумано не кем-нибудь посторонним, а самим Лермонтовым о себе. Это обстоятельство всё ставит на свои места. Рассказывая свой анекдот о себе, причем не какому-нибудь близкому другу, а журналисту Краевскому, Лермонтов не мог не понимать, что в дальнейшем этот анекдот может получить некоторое распространение в обществе. Значит, он был вовсе не против этого, а может быть, к этому и стремился. Все-таки он был умным и проницательным человеком, а не просто «легкомысленным» объектом светских интриг (каким его стараются преподнести в статье). Таким образом, вся эта история с анекдотом и его пересказыванием в окружении Лермонтова просто выеденного яйца не стоит и ничего не значит ни в судьбе Лермонтова, ни в судьбе Белинского, но какой яркий мыльный пузырь раздувается из нее в статье Л. Беловой, какие далеко идущие выводы пытается она из него сделать!

Чтобы придать этому мыльному пузырю видимость наукообразности, Л. Белова ссылается на Полное собрание сочинений Лермонтова, в частности, на комментарии С.А. Бойко, в которых она якобы нашла мысли и предположения, сходные с ее мнениями. Однако и это тоже оказалось только ее фантазией

(мягко говоря). Как отметила научный сотрудник Государственного литературного музея С.А. Бойко, ни она в комментариях к Полному собранию сочинений Лермонтова не высказывала мыслей, сходных с тем, что пишет Белова, ни вообще таких мыслей в данном издании не содержится. Об этом С.А. Бойко подробно написала в своей реплике по данному вопросу, которую, надо надеяться, опубликует журнал «Сура». В частности, С.А. Бойко подчеркнула: «Что же касается мнения Беловой, то оно никаким образом не совпадает с моими мыслями и не заслуживает научного анализа. Осталось лишь добавить, что Беловой надо повнимательней прочесть вступительную статью к тому писем и никогда и ни в чем не “выдавать свои домыслы за неоспоримые факты”, по ее же собственному выражению».

Закономерно возникает вопрос: не слишком ли много буйной фантазии, местами переходящей в примитивное вранье, содержится в статье Л. Беловой? В конце концов подобное мифотворчество способно «бросить тень» на всё лермонтоведение. Кстати, Л. Белова, погрязнув в своих фантазиях и домыслах (если не сказать — во вранье), еще и опасается за современное состояние лермонтоведения: она видит «беду в том, что при гугчем интересе к Лермонтову» «недобросовестные люди пользуются фактическим отсутствием выверенной, объективной его биографии, выдавая свои домыслы за неоспоримые факты». Это, конечно, очень своевременное замечание. Лучше она и не могла бы написать, характеризуя саму себя именно как недобросовестного автора статьи, выдающего «свои домыслы за неоспоримые факты».

Как ничтожно значение вышеупомянутого анекдота в судьбе Лермонтова, так же ничтожно и значение посредственной повести Соллогуба «Большой свет», которая тоже в статье возводится в важнейшее событие. К этой повести Белинский относился, по существу, как к блестящему пустяку: «Нет никакой глубокости, мало чувства, много чувствительности, еще больше блеску», — написал он о ней в письме от 16 апреля 1840 года и при этом добавил: «Лермонтов думает так же» (после долгой откровенной беседы с ним). То есть Лермонтов тоже не придавал ей серьезного значения, несмотря на то, что стал прототипом одного из ее героев и, таким образом, мог оказаться в центре внимания светского общества. Было ли это так страшно для Лермонтова (как стараются преподнести это в статье)? Уж если Лермонтов сам о себе сочинял и рассказывал столь рискованный анекдот (может быть, и не один?), то чем его могла напугать какая-то повесть, чей-то художественный вымысел? Ведь этот человек был по натуре боец (так же, как и Белинский) и по своему занятию воин, а не просто легкомысленная безропотная жертва чьих-то интриг (каким его пытаются представить в статье). Такая легкомысленная безропотная жертва никогда не могла бы стать великим русским поэтом.

Лермонтов выбрал опасный путь в жизни, начиная с его «крамольного» стихотворения «Смерть поэта» — с этого начался его поединок с «завистливым

и душным» светом, это был первый шаг великого поэта и смелого человека, таков был его характер («Эта русская разудалая голова так и рвется на нож», — заметил о нем Белинский после четырехчасовой беседы с ним наедине). Лермонтов прекрасно знал, каков высший свет, каковы люди там, и не мог не осознавать, что «играет с огнем». В результате он стал великим поэтом и прожил трагическую судьбу великого поэта.

Как мелко по сравнению с этим всё то ничтожное копание в «грязном белье», которое к юбилею было устроено в статье Л. Беловой, опубликованной на страницах «Суры». Мелко и недостойно памяти Лермонтова, тем более в юбилейный год. Многие поклонники его творчества, возможно, до этой статьи и не знали вообще о каких-то «жареных» фактах его биографии, и вот теперь такого рода «фактуру» им предоставила в своей статье Л. Белова. Такие же вот любители «жареного», когда-то «жадно толпой стоявшие у трона», раньше своей ядовитой клеветой мешали жить Пушкину и Лермонтову, а теперь выплескивают аналогичное содержимое на их читателей.

К счастью, все эти мыльные пузыри сплетен не имеют отношения к истории литературы, где давно уже известны и ясны и роль Лермонтова, и роль Белинского. И подобные выплески яда не достигают тех высот. Однако современного читателя они отвлекают от знакомства с творчеством классиков, уводя его в дебри сплетен и домыслов об их светской жизни.

В завершение уместно привести цитату из «Литературной газеты» (27.07.2016), из статьи В. Камышева «Послушай! вспомни обо мне...», чтобы все-таки достойно почтить память поэта и вспомнить существенные слова о главном:

*«Информация о гибели Лермонтова в печати была негласно запрещена. О дуэлянтах вообще было не принято говорить открыто. Выход из ситуации нелепого умалчивания нашел В.Г. Белинский. В сентябрьской книжке “Отечественных записок” он напечатал рецензию на второе издание “Героя нашего времени”, в которую в завуалированной форме поместил некролог Лермонтову. Возможно, впервые масштаб дарования поэта и его место в истории русской литературы были очерчены с такой эмоциональной силой: “Уже кипучая натура поэта начала устаиваться, в душе пробуждалась жажда труда и деятельности. Уже затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые; он сам говорил нам, что замыслил написать романическую трилогию из трех эпох жизни русского общества (века Екатерины II, Александра I и настоящего времени). И вот новая, великая утрата осиротила бедную русскую литературу!.. Этой жизни суждено было проблеснуть блестящим метеором, оставить после себя длинную струю света и исчезнуть во всей красе своей...”*

Во многом под воздействием этой статьи значительная часть российской читающей публики, все те, кто знал Михаила Юрьевича, начали понимать, что Россия потеряла еще одного гения...»

P.S. Светлана Андреевна Бойко, научный сотрудник Государственного литературного музея, член и сопредседатель Московского Лермонтовского общества, прислала в редакцию свою реплику по поводу данного вопроса. Вот текст этой реплики:

«В статье Л.А. Беловой «Лермонтов и Белинский: пристальный взгляд из нашего времени» («Сура», 2016 г., № 3, с. 126) в части оценки письма В.Г. Белинского к В.П. Боткину от 16 апреля 1840 года утверждается:

«О роли доносительного письма В.Г. Белинского к Боткину, пожалуй, впервые сказала Светлана Андреевна Бойко, сотрудница Государственного литературного музея. Ей принадлежит комментарий к седьмому тому полного собрания сочинений Лермонтова, на который я здесь не раз ссылалась, — тому с письмами Лермонтова и письмами современников к нему и о нем. Мнение С.А. Бойко о роли письма Белинского в судьбе Лермонтова сходно с моим».

Это утверждение не соответствует действительности. Мне довелось быть составителем и комментатором тома писем (М.Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. VII. Письма. Москва: «Воскресение», 2001).

Однако автором комментариев к упомянутому письму является ныне, увы, покойный Е.Н. Рябов.

Да, он сделал предположение, что «основанием для вмешательства Бенкендорфа послужил перехват и перлюстрация письма Белинского с уничтожающими репутацию Лермонтова высказываниям критика» (с. 402 указанного издания).

Но у Рябова и близко в мыслях не было обвинять Белинского в каком бы то ни было доносительстве на Лермонтова.

Вдумчивый, серьезный и глубокий исследователь, Евгений Николаевич был уверен, что Белинский и не предполагал, что его досужая мужская болтовня может иметь дурные последствия.

Что же касается мнения Беловой, то оно никаким образом не совпадает с моими мыслями и не заслуживает научного анализа. Осталось лишь добавить, что Беловой надо повнимательней прочесть вступительную статью к тому писем и никогда и ни в чем не «выдавать свои домыслы за неоспоримые факты», по ее же собственному выражению.

С.А. Бойко. 1.X.2016 г.».

*С этим мнением согласны Л.М. Руднева, Т.В. Шалыганова,  
Т.В. Дюкова, В.И. Краснодарова.*

**Анастасия КОЧЕНОВА**

## **ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СТУДЕНТОВ**



Что читают современные студенты?.. Каких авторов выбирают?.. Влияет ли их выбор на то, чем они начинают жить впоследствии, а может, им вовсе не хочется подражать писателям?..

Нас заинтересовала данная тема, мы решили углубиться в неё подробнее. Мы пообщались с некоторыми молодыми людьми, проживающими период студенчества, выяснили, каковы же представления о чтении книг и литературе в целом у современных молодых людей данной возрастной категории. Оказалось, что у каждого из них взгляды абсолютно разные.

*Вот, собственно, какие ответы я получила в ходе данного опроса.*

«Я предпочитаю ужасы. Стивен Кинг — любимый автор. Также серия книг о Гарри Поттере всегда меня вдохновляла и придавала сил. А в поэзии — Владимир Маяковский».

*Валерия, 18 лет.*

По натуре Лера — удивительная девушка. Ей чуждо разочарование в жизни. С виду нежная, как одуванчик на заре, Лера обладает мощной энергетикой. Ожидая приключений от своей весьма насыщенной жизни, она их дожидается, но всё равно ищет их и на страницах книг. Несмотря на то что Валерия обожает окунаться в атмосферу фантастики, наличие в её личной домашней библиотеке сборника стихов Владимира Маяковского говорит о том, что она всё же умеет жить реальной жизнью, не заходя в мир волшебства слишком уж далеко.

«Мои любимые писатели те, с кем у меня похожее мироощущение: Чехов и Брэдбери, потому что они добрые и светлые. В пос-

леднее время я читаю преимущественно зарубежную классику. Все книги интуитивно эмоционально окрашиваю, то есть заранее знаю, какая книга какое настроение несет и что читать в тот или иной момент. Иногда хочется чего-то из 18 — 19 века, иногда современного, иногда американского, иногда русско-го. Поддаюсь порывам в выборе».

*Анастасия, 19 лет.*

Вряд ли кто-нибудь из знающих этого солнечного человека опровергнет романтичность её тонкой натуры. Она может быть сентиментальной, но всё же чувство справедливости определённо часто пребывает в её душе. Анастасия никогда не совершает ничего лишнего, поддаётся лишь своим душевным порывам в выборе, но заставить её делать то, что может показаться ей бесполезным, крайне сложно, если и возможно вообще.

«Я не очень люблю читать. Но мне нравится произведение Булгакова «Мастер и Маргарита». Привлекает меня в нём необычная сюжетная линия, возникает большой интерес: а что же будет дальше?.. Также меня привлекает фантастическая литература».

*Марина, 19 лет.*

Любопытные читатели, как правило, следят за увлекшей их историей до последнего. Такие люди зачастую выбирают произведения с весьма продолжительной сюжетной линией, а лучше всего, когда их окажется несколько, а то и более того.

«Я предпочитаю русскую классику. В основном, стихи поэтов 20 века. Это мною любимая устоявшаяся тройка — Бродский, Маяковский, Есенин».

*Александр, 19 лет.*

Поэзия редко оставляет равнодушным читателя. Только ленивый не может плениться дурманящей мелодикой стихотворения, проникновенностью поэтических строк. Александр сумел познать в этом толк. Проникнув с головой в мир поэзии 20-го столетия, начал сам творить свои стихи.

«Сейчас я читаю Уайльда, роман, мне очень нравится... Называется «Портрет Дориана Грея». Больше люблю читать о том, что может произойти со мной, чем выдумку, то есть фантастику...»

*Алёна, 19 лет.*

Алёна очень искренняя, глубокая натура. Девушку интересуют реалистичные истории, в которых описываются насущные проблемы или демонстрируется простое человеческое счастье. Современному человеку опыт предшественников необходим. Так было, есть и будет всегда.



«Я люблю романы, детективы. Уважаю таких авторов, как Сара Дессен, Джоджо Мойес, Джон Грин, Кристин Окер. Также классические произведения нравятся, например «Война и мир» Л.Н. Толстого».

*Дарья, 20 лет.*

Дарья учится в ПГУ на врача стоматолога. Честно сказать, ей чужды полёты во сне и наяву, она почти врач, явно её не пугает вид крови, в её характере присутствуют волевые черты. Однако, исходя из её ответа, мы замечаем, что тихими вечерами Даша всё же отвлекается от научной литературы и позволяет себе отдохнуть в компании любимой книги.

«Я люблю зарубежную классику. Книги английского и французского романтизма и реализма, в основном это авторы: Диккенс, Теккерей, Бронте, Остин, Мопассан. Также читаю произведения американского реализма, а именно: Фицджеральд, Хемингуэй. А из русской классики — Толстой и Достоевский».

*Зарина, 20 лет.*

Зарина — чистый аналитик. Она любит чтение, вникает в каждую книгу с удовольствием, даже если она прочла её не по собственному желанию, а исходя из задания преподавателя. Расширению её литературного кругозора это явно не мешает.

*Итак, приступим к размышлениям над всем, что сказано выше.*

Ознакомившись с ними, мы понимаем, что в каждой цитате отдельного человека заложена его личная энергетика, по сути, каждого из них друг с другом объединяет лишь то, что они знакомы с чтением книг. У многих достаточно разносторонний подход к литературному чтению: выбор падает не только на произведения русских классиков, но и на зарубежных, а также на детективы, авторами которых являются уроженцы разных стран. Между излюбленными произведениями одного и того же опрошенного студента может быть целый век, а то и более широкий временной промежуток!..

Как правило, люди заинтересовываются тем, что в большей степени похоже на них. По словам многих студентов, особенно тех, кому посчастливилось стать заядлыми книжными любителями, произведения находят их сами, неизвестным образом всплывая перед глазами во время пребывания в сети Интернет, доносятся из случайных разговоров прохожих, советов товарищей.

Не менее важен при выборе переплёт самой книги. Это касается недавно изданных книг. Если человек принимает решение о прочтении какого-либо современного произведения, он отправляется в магазин и с любопытством рассматривает все полки, лишь бы найти то, что нужно.

Такой точки зрения придерживается Мария, студентка ПГУ:

«Я люблю почитать что-нибудь современное, актуальное для меня сегодня. Так мне проще понять героев».

Также Мария поведала, что в первой половине минувшего учебного года в нашем институте прошел вечер, посвящённый современным книгам. Группы студентов представляли произведения, давали советы и рекомендации слушающим. Благодаря данному студенческому мероприятию, она познакомилась с произведением «Уличный кот по имени Боб» (автор Джеймс Боуэн, лондонский писатель), опубликованным впервые в 2012 году. Книга оставила у девушки наилучшие впечатления, она советует её к прочтению своим товарищам, и молодым людям в принципе.

«Современному человеку так необходима надежда на лучшее. Книга даёт понять, что жить нужно в надежде до последнего, о чём бы ты ни мечтал», — говорит Мария.

### *Почему студенты порой пренебрегают чтением?..*

Из высказывания одного из опрошенных мне стало понятно, что особого интереса к чтению у него не выявляется, но уважение к выдающимся произведениям и их писателям присутствует. Возможно, это восприятие было привито ещё на школьной скамье при помощи установки учителей. Такое в быту часто случается, когда человек уважает произведение, а читать, в принципе, не любит, делая это порой вынужденно, потому что в этом состоит банальная необходимость в учении. К сожалению, это явление довольно часто встречается среди представителей современного поколения. Выпускники школ, которым так и не удалось поступить в высшие учебные заведения, последовали в техникумы, колледжи, и есть значительная часть таких учеников в прошлом.

Я поинтересовалась у одной из участниц опроса, почему же у неё возникла нелюбовь к чтению. Вот такой ответ мы получили:

«Я считаю, в этом виновата лень. Меня с детства не привлекало это занятие, даже дышать тяжело становится, как только возьму в руки книгу. Лучше я посмотрю фильм по этому произведению, это для меня гораздо приятнее!»

*Марина, 19 лет.*

Все мы родом из детства, и ответившая явно позаимствовала лень именно оттуда.

### *Но почему возникают такие случаи?..*

Как утверждают такие ученики, им не интересно. После школьных уроков они отводят время на занятия, интерес к которым у них имеется. Это может

быть всё, что угодно, но выполнение домашних заданий они откладывают на поздний вечер. Я ни в коем случае не выставляю таких детей безалаберными личностями, у которых полное отсутствие талантов и знаний. Они могут бить рекорды в разных сферах, иметь дипломы за участие в спортивных соревнованиях, грамоты за художественную самодеятельность и т. п.

Не менее важно отношение учителей!.. Возможно, они банально не могут добиться интереса детей к материалу, не исключено, что они и сами не хотят заинтересовывать своих воспитанников. Однако вряд ли хоть один наставник готов признаться в этом. Ему выгоднее перевести всю вину на ученика. На самом же деле каждый из них виноват в определённой мере, но взрослым нужно, как правило, начинать с себя. В силу своего юного возраста, ребёнок психологически слаб, его порой нужно направить на преодоление самого себя. К сожалению, в данном случае об этом забывают сами взрослые либо вовсе испытывают равнодушие...

Не в менее сильной мере на любовь ребёнка к книгам и их чтению влияет семья. Человек может проявить интерес генетически. Но чаще всего родителям приходится усердно работать над своим чадом. Ознакомление с домашней библиотекой, посвящение в то, какие произведения любили в детстве его старшие родственники, пробуждает интерес к книгам в юной душе ребёнка, и тот перейдёт к прочтению того произведения, что в детстве обожал читать и слушать его дед.

Однако встречаются случаи, когда в раннем детстве семья рьяно пыталась привить ребёнку любовь к литературе. Их отпрыск ни дня не проводил без стихотворений Пушкина, его же «Сказки о рыбаке и рыбке» и, как обычно, стоя на табуретке, читал наизусть стихотворение «Бородино» Лермонтова. Соответственно, старшему поколению семьи казалось: проблема решена, и в будущем она явно не всплывёт. Такое мнение порой ошибочно, к величайшему сожалению. Человек, по мере своего взросления, продвигается по жизни вперёд, встречая трудности там, где сам, возможно, мог и не ожидать столкновения с ними. Всё зависит от степени эмоциональности человека. Если один, обладая каменным характером, абсолютно уверен в себе, то другой может разочароваться в собственных талантах, не угодив кому-нибудь из посторонних, даже тех, кто появился мимоходом в его жизни. Такому человеку запросто отбить желание не то что читать книги... Ему можно в одночасье изменить будущее, как правило, в отрицательную сторону.

*Я решила рассмотреть ситуацию этой девушки:*

«В детстве я обожала книги, их специфический запах, от которого веяло уютом. А сейчас и книги пахнуть стали иначе, и у меня интерес к ним пропал...

Но я надеюсь, что это не конец, ведь вся жизнь ещё впереди. Возможно, я ещё вернусь к этому».

*Серафима, 20 лет.*

А может ли интерес пропасть совершенно, если он серьёзно когда-либо присутствовал?.. Сложный вопрос, однозначно ответить на него невозможно, опираясь на тот факт, что люди все довольно разные. Возможно, бесследно исчезнуть он не может. Но порой, чтобы приступить к прочтению одной книги, девушке приходится дожидаться полного свободного времени, иначе ей сложно совмещать насущные проблемы и жизнь с тем миром, который царит в книге. Читая, человек полностью погружается в атмосферу этого мира, порой отвлекаясь от реальности.

«Мне лично тяжело читать книги, в том плане, что приходится разделять проблемы героев самой, где-то даже сопоставлять их со своими ситуациями в жизни... Я надолго могу задуматься об этом, мне сложно будет жить спокойно дальше».

*Анна, 20 лет.*

Я разделяю эту позицию с Анной. Ведь я, как и она, часто отказываюсь от чтения книг именно по этой же причине. Чем моложе я была, тем ярче во мне выражалось это качество. В подростковом возрасте у слишком эмоциональных личностей могут случаться ночные думы и расстройства из-за переживания за героев. Однако, я полагаю, совсем не любить читать невозможно, существуют просто незаинтересованные и ленивые товарищи, которым нужно лишь взять в руки книгу и начать её изучать, было бы время, главное дело.

Впрочем, многие факторы являются сподвижниками человека на путь к литературе и поиску предпочтений в ней. Если ребенок готов впитать любую информацию, словно губка, то в старшем возрасте это сделать будет гораздо сложнее. Однако мы получаем то, что получаем...

Достигнув периода студенчества, мы стали теми, кем стали. Возможно, ещё есть шанс исправиться в лучшую сторону, но это зависит лишь от нас самих. Нужно помнить, каковы преимущества у обсуждаемого явления, что они нам могут дать. Прежде всего, это, конечно же, расширение словарного запаса. Читающих всегда просто отличить от тех, кто этим занятием пренебрегает.

*Поговорим о статистике.*

Исходя из данных, предоставленных Всероссийским центром общественного мнения (ВЦИОМ), мы узнаём, что сегодня те, кто желает окунуться в мир литературы, стали активнее прибегать к услугам из Всемирной паутины. Чи-

тать и скачивать книги в Интернете стали в 3,5 раза чаще, чем пять лет назад (6% в 2011 г., 21% в 2016 г.). Услугами городских библиотек воспользуется примерно каждый десятый, а реже всего берут книги в библиотеках при вузах или предприятиях (2%), это равно заказам книг по почте из каких-либо интернет-магазинов. В целом отмечается, что у населения снижается потребность в чтении: если в 2011 году сказавших то, что они «практически не читают», было 30%, то на сегодняшний день уже — 39%.

*А сразу ли вы приступаете к чтению едва приобретенной книги?..*

В этом случае респонденты делятся на два лагеря: читающих сразу же вновь приобретённые книги и откладывающих «в долгий ящик» их прочтение — по 50%.

Стоит отметить, что в любви к чтению признаются 60% студентов. Несмотря на всё вышеописанное, это весьма неплохие показатели.

*Почему люди стали более холодно относиться к «живому» чтению книг?.. Неужели даже таинственно-душевный запах их страниц напрочь перестал вызывать у нас интерес?..*

Для современных людей уже не является секретом тот факт, что в век информационных технологий крайне сложно быть таким усидчивым, чтобы суметь неподвижно просидеть весь вечер за книгой. В большей степени, книги — отдушина людей из прошлого. В далёком 18 веке молодёжь обожала проводить время за книгами. Возьмём, к примеру, Татьяну Ларину из известнейшего романа Пушкина «Евгений Онегин», которая безумно любила читать. Она так прониклась чтением, что в её сознании оживали образы книжных идеалов и возрождались в её возлюбленном.

Современные же молодые девочки часто посещают кинотеатры и пропадают за просмотром фильмов в Интернете, находя свои идеалы на его просторах.

*Но всё же, почему мы стали меньше держать в руках бумажные носители информации?..*

Современному человеку проще обратиться к Интернету, нежели к домашней библиотеке, например. Разыскивая нужный материал, перебирая море разнообразных книг в поисках одной, можно провести порой целый час, а то и более, надышавшись пылью и высушив кожу пальцев от перелистывания страниц... В этом громоздкая домашняя библиотека явно уступает вездесущей Всемирной паутине. Интернет же портативен и удовлетворяет своей скоростью каждого

пользователя. Вам понадобится всего лишь несколько секунд для того, чтобы напечатать необходимый запрос, и доля секунды для отображения материала на экране вашего электронного носителя. Разве это неудобно?..

Несмотря на свои многочисленные преимущества, у Сети есть свои минусы, которых множество: начиная от банальных психологических потрясений у детей (а иногда и у взрослых...), заканчивая надоедливым мошенничеством, которое в последние годы явно процветает.. И если смотреть на это с точки зрения приобретения книг, то, если сайт не является проверенным, вам стоит лучше посетить «Книжный мир» либо библиотеку. Такой ход действий будет безопаснее как для нервной системы, так и для финансов.

Так или иначе, Интернет заразителен, вездесущ и манит со всех сторон людей разных возрастов, каждый с ним связан в той или иной мере... Родители сами порой навязывают своим маленьким деткам это явление, выставляя их фото с первых дней жизни в социальные сети, даже заводят им свои аккаунты. Впрочем, что говорить о детях. Многие пользователи не обделяют персональной страничкой даже своих питомцев!..

Позже уже не стоит удивляться, почему ребёнок отказывается читать книги, предпочитая времяпрепровождение в Сети и всяческие бессмысленные игры, совершенно не развивающие интеллект. Кстати, вследствие постоянной деградации на просторах Интернета современные дети, в отличие от школьников прошлых лет, не могут выучить наизусть стихотворения Пушкина.

Мама одного из московских второклассников жалуется, что её сын с трудом заучивает стихи великого поэта. Словосочетания, встречающиеся в его поэтических творениях: «в сеньях», «мглой волнистою» и «отдаленные седой зимы угрозы» — с трудом запоминались мальчишкой. «Сын начинал сначала, запинался, потом ругал школу, учебник, Пушкина...» — сообщила его мама. Надо сказать, за Пушкина особенно обидно. Разве виноват человек, что жил в иную эпоху?.. Наверное, это самое глупейшее из обвинений. Однако ребёнок, обессилевший от изучения его стихов, выходит, также не виноват, что родился при существующем Интернете?.. — это уже спорный вопрос. Ему ведь наверняка далеко до Александра Сергеевича, да и человек рождается во имя роста и процветания, а вот деградация — сплошной негатив.

Однако запретить посещение Интернета современному ребёнку просто нереально, когда его сверстники, уткнувшись в телефоны и планшеты, пребывают в таком положении до покраснения глаз. Но стоит выбирать, на какие сайты позволять заглядывать, а куда и вовсе стоит ограничить доступ.

Впрочем, важна правильность его использования.

Сейчас существует богатый ассортимент электронных книг. Не будет страшным то, если книга не окажется бумажной, страшно то, если родители вовремя не смогут продемонстрировать произведения русских классиков детям и не подадут повода к тому, чтобы заинтересовать и дать понять, что литературное чтение не так уж и скучно на самом деле. Оно глубокое и бескрайнее, как море, ведет человека к развитию головного мозга, расширению словарного запаса... Остальное дело за детьми.

Почему я тут рассуждала именно о детях?.. Потому что с детского возраста всё и начинается. А дальнейшее напрямую зависит от того, что происходило с нами в детские годы, об этом я говорила выше. Однако мир современных детей уже значительно отличается от той жизни, которой жили мы, когда были малы.

В завершение статьи посвящу вас в своё довольно уже далёкое прошлое.

Мой дед меня познакомил с домашней библиотекой в далёком детстве. Это держится в моей памяти с тех пор, сколько я себя помню, соответственно, Александра Сергеевича Пушкина, например, я знаю столько же, сколько и себя. Всё началось с худенькой книжечки издательства «Детская литература» в скромном синем переплёте с изображённым дедом на обложке, тянущим из реки невод. Разумеется, речь идёт о «Сказке о рыбаке и рыбке». Следом пошло изучение разнообразных стихов поэта... Чуть позже меня познакомил с М.Ю. Лермонтовым, в частности, стихотворением «Бородино», а также баснями И.А. Крылова... Надо сказать, я настолько сроднилась с великим поэтом А.С. Пушкиным, что в подготовительной группе детского сада была крайне удивлена смеху своих сверстников над его знаменитой фамилией...

Я благодарна своему деду за то, что он погрузил меня в мир литературы, это оказало мне значительную помощь при учении в школе. Мне не было трудно воспринимать то, что написано в учебниках, среди строк художественных произведений. Я училась плавно и спокойно, без значительных проблем, радуя родителей отличными и хорошими оценками. Отмечаю то, что я не хвалю сейчас саму себя, ни в коем случае. Если бы не мой дед, вероятнее всего, мне не далась бы учеба так легко, я потерялась бы среди прописных закорючек и бесконечных стопок учебников и книг.



**Александр ЗЕВАЙКИН**

**МИРЫ  
ОЛЬГИ  
ПРАВДИНОЙ**

**Отзыв о книге О. Правдиной  
«Самый длинный день лета»**

На литературных встречах меня часто спрашивают: «Что вы сами читаете и что посоветуете читать молодым?» Тут я не открою ничего нового, ибо советую всем молодым обращаться к творениям классиков и предпочтительно русских. Русскому языку можно научиться только у русского классика. Если, конечно, есть желание. А что же читаю я? Из современного? Но тут сложно что-то посоветовать. Сейчас выросли горы любовной литературы, детективные реки катят свои крутые волны, а горячие ветры «фэнтезийных» миров крутятся вокруг, как надоедливые мухи. Тут каждый выбирает по себе, и подсказать какому-либо автору — очень сложно. Сам же я не люблю чересчур распиаренных произведений: сказывается печальный опыт с «Ночным дозором». Мне больше нравятся авторы, не испорченные славой. Они более просты, естественны и лишены бескрайнего самолюбования, стекающего с каждой страницы толстого фолианта.

По роду занятий мне приходится отчитывать большое количество прозаических произведений. И как же бывает радостно натолкнуться на автора своей частоты, или, проще говоря, родственную душу. Невольно восклицаешь про себя: «О, это мое». И как будто сам написал. И удачно построенное предложение радуется, как свое, и от четкого оборота восторг подкрадывается. Вот это именно я и хотел написать, и мысли рядом витали, но не сложилось. А вот у него получилось. Это же здорово! Именно так и было со мной, когда я открыл очередное конкурсное произведение. Это был рассказ Ольги Правдиной «Визажист». Насыщенный язык повествования и резкие переходы в построении композиции произведения пробудили во мне интерес к данному автору. Вскоре я узнал, что Ольга Правдина уже имеет несколько публикаций в журнале «Странник». Так я познакомился с хозяйкой приюта и узнал о пагубном влиянии любви к Стивену Кингу. И я благодарен Случаю.



А теперь о самой книге.

Скажу сразу, что я был приятно удивлен разнообразием произведений Ольги Правдиной. Оказывается, чтобы построить свой мир, совсем не обязательно писать роман на 800 страниц. Достаточно и десяти. Например, до чего тонко выписан образ мамы-кошки в рассказе «Я — кошка». А в рассказе «Дети сумерек» автор преподносит нам свою, совершенно неожиданную теорию возникновения пасмурной погоды. Тут же неожиданный ход повествования будит в глубине души маленькую искорку догадки: «А вдруг, действительно, так оно и есть?» И еще один очень большой плюс: автор не навязывает читателю своего мнения, а лишь призывает его крепко задуматься о своем месте в жизни, о своих поступках и о их последствиях не только по отношению к людям («Счастливый билет»), но и братьям нашим меньшим («Гаишник»).

Очень хорошо, что фантастические, а именно космические, рассказы не перегружены техническими терминами, а те, что есть, приходятся к месту и дополняют сочность окраски произведения («Хозяйкин прият»).

У автора очень интересный взгляд на наш мир и на свои миры. Они переплетаются до того тонко, красиво и натурально, что порой начинаешь верить в существование доброй деревенской нечисти.

*«...Митя не отозвался. Я посмотрела в его лицо – и не узнала. Он стоял белый, словно мел, и шевелил губами, не в силах что-либо сказать. Лишь показывая пальцем куда-то за ограду. Там ворочалось что-то огромное, похожее одновременно на осьминога и на ожившее дрожжевое тесто...*

*Точно парализованная, я не могла сдвинуться с места, глядя на надвигающуюся массу. Она была огромной, серой, ноздреватой и источала волну такого ужаса, что даже бежать от неё не было сил. И всё-таки в последний момент во мне проснулось чувство самосохранения. Я с трудом оторвала ноги от земли и ринулась к дому. Но масса двигалась быстрее. Она уже накрыла Митю и настигла меня, ловя за пятки липкой ледяной присоской...*

*Вдруг наперерез «тесту» метнулось «нечто», напоминающее большую мохнатую собаку. Тишина взорвалась яростным рычанием, короткой вознёй, утробным воем – и снова всё стихло. А лохматая «собака», давшая отпор страшному монстру, с достоинством удалилась обратно в сарай. «Странно, – подумала я вяло. – У Нельки же нет собаки!»*

*Митя с трудом поднялся и принялся медленно, точно во сне, отряхиваться.*

*Уже не боясь и не таясь, я пошла прямо в темноту сарая.*

*– Эй! Не прячься! Я только хотела сказать спасибо!*

*– Не за что! – пролаял кто-то ответ» («Хваня»).*

Яркие образы и живое воображение автора будут сопутствовать читателю на протяжении всей книги. А в первой части, повествующей о нелегкой судьбе женщины в эпоху Изменений, он столкнется с искрометным юмором, который и помогает нам выживать в сложных ситуациях.

«Теперь — в другой шкаф!» — рискнула я. Наученная горьким опытом, сначала осторожно приоткрыла одну из створок. Ничего не произошло. Расхраб- рившись, потянула вторую... Деревянные каракатицы шмыгнули наружу, воло- ча за собой мою одежду.

— Стоять!!! — рявкнула я. — Но пасаран! — и попыталась захлопнуть створ- ки. Не тут-то было! Одна каракатица встала в распорку — и двери заклинило. Ни туда, ни сюда!» («Последнее изменение»).

«— Сто рублсек, досенька! — прошепелявила старуха, открыв свой без- донный рот с одним зубом и хитро подмигивая. — Бери, бери, а то нынсе са- мураи лютуют!..

— Кто-о?! — переспросила я, невольно оглядываясь в поисках невысокого крепыша с раскосыми глазами, в узорчатом кимоно и с катаной в руке.

— Это нынешняя кликуха вчерашних ментов! — грубовато пояснила сосед- ка бабульки — толстая пожилая женщина в маске со свиным пяточком, сдвину- той на затылок» («Маска»).

Рассказ датирован 2002 годом. Откуда автор мог знать?

Очень красивы лирические новеллы, собранные в четвертой части книги. Светлая, добрая, с порцией легкой иронии и завораживающим ароматом све- жих яблоч нового сорта «Антоновка». Но больше всего меня поразил «Хорал в ночи». Да просто я вспомнил эту песню сорок лет спустя. Да, это действительно было. Как удивительно, когда совершенно неожиданно встречаешь что-то давнее, забытое, волнительное в книге Ольги Правдиной.

При чтении этой книги читателю не будет скучно. Поверьте, одно сраже- ние внутри песочных часов многого стоит. Вам приходилось читать о таком? Я очень надеюсь, что этот автор и впредь будет радовать нас новыми расска- зами.

В процессе чтения у меня ни разу не возник вопрос о принадлежности этой книги к «женской прозе», как сейчас модно говорить. Здесь нет тех притор- ных моментов, что сводят на нет творения некоторых писательниц. Здесь же, напротив, автор привносит в свои рассказы женское обаяние, мудрость, ар- тистизм, в результате чего понимаешь, что это добавляет свое очарование в литературу Ольги Правдиной.

Теперь я всем буду советовать почитать книгу Ольги Правдиной «Самый длинный день лета». Почитать и послушать ее песни. Не менее глубокие и кра- сивые.

**Вера ДОРОШИНА**

**НЕТОРОПЛИВЫЙ  
РЕАЛИЗМ  
ЮРИЯ ГУЗЁНИНА**



Что бы ни трубили провозвестники новаторских течений в литературе об изжитости и несостоятельности реалистического метода, реализм остаётся той константой, точкой отсчёта, отталкиваясь от которой, танцуют свои танцы другие направления: такие порождения постмодернизма, как концептуализм, соц-арт, необарокко... А посему произведения, написанные в реалистической манере, остаются и будут не менее актуальными для значительной массы читательской аудитории, нежели произведения литературы, именующей себя «актуальной».

Каждый рассказ из дебютного сборника Юрия Гузёнина «Преамбула» основан на реальных (или вполне вписывающихся в обычную, вполне бытовую действительность) событиях, случаях. Встреча на войне односельчан – красноармейца Степана и предателя Мишки, вступившего в РОА («Земляки»); история первой и последней любви паренька-самоубийцы («История о Сашке Воронкове и его любви»); зарисовка из трудовых будней простых людей («Стая»); ночное купание юной девушки («Вместе со звёздами»), возвращение в родные места «блудного сына», некогда уехавшего в город в поисках лучшей жизни («Колокольчики»)... Сюжеты всех рассказов не высосаны из пальца, а подсмотрены в жизни и переданы с психологической глубиной и точностью оценок.

Берётся ли автор за глобальные темы и ставит ли острые нравственные проблемы? И да, и нет. Уж слишком незначительными кажутся его герои, самыми обычными и повседневными (за исключением, пожалуй, рассказа «Кто вы, сударь?», сюжет которого вписан в кровавую историю революционной Франции). А заявленную моральную коллизию писатель так и не раскрывает полностью, оставляя открытыми вопросы, пусть читатель сам на них отвечает. Здесь нет громкого социального пафоса, здесь представлено насыщенное

неявными, подспудно проступающими для читателя вечными философскими вопросами неспешное течение частной жизни. И с этой точки зрения рассказы Гузёнина тяготеют, скорее, не к традиционному реализму, а к так называемому постреализму — течению, начало которому положила поздняя проза Юрия Трифонова.

Впрочем, бог с ними — терминами (оставим формулирование литературоведов). А читатель в первую очередь оценивает текст не по принадлежности к какому-либо направлению, а по тому послевкусию, которое оставляет прочитанное. От рассказов «Преамбулы» оно ощущается как слегка горчащий привкус постоянно текущей, постоянно уходящей, но такой цветущей и звучной, полнящейся запахами и красками жизни. Автор любит её, удивляется её проявлениям, даже теми, которые на первый взгляд могут показаться аморальными или требующими жёсткой авторской оценки (самоубийство Сашки Воронкова и любовное предательство Римки Гордеевой; предательство Родины Мишкой Удаловым; душевное очерствение «фартового» Кольки; поправление собственной совести спрятавшимся под маской сударем, руководящим гильотинированием в мятущейся Франции, и уж совершенно дикий для современного человека древний иудейский обычай дефлорации умерших девиц). Но Юрий Гузёнин не спешит осуждать и призывает к этому читателей. «Вы-таки прочитали этот рассказ? И что вы имеете сказать самому себе? «Какая-таки мерзость, какая-таки гадость этот ваш поц?» Не то-ро-пи-тесь, не торопитесь это сказать!» — восклицает он в рассказе «Поцелуй поца». Собственно, а почему не осуждать, ведь сегодня этот древний обычай покажется большинству читателей просто гнусным извращением? Может быть, именно потому, что так подвижны рамки того, что вчера было благом, а сегодня стало преступлением. Потому что категоричность оценок превращает жизнь в мёртвые схемы, которых стремится избежать в своём творчестве прозаик. Потому что осудить проще, чем внимательно взглядеться, хорошо подумать и попытаться разобраться: что же именно стоит за внешней стороной тех или иных явлений. Не надо торопиться.

В заключение хочется обратиться к названию сборника: «Преамбула». Вероятно, дебютировавший автор вложил в него непосредственный смысл, подразумеваемая, что за первой книгой последуют и другие, новые. Вообще, в преамбуле к нормативным актам в концентрированной форме излагаются цели и задачи данного акта, условия, обстоятельства и мотивы, послужившие поводом для его принятия. Что ж, если приложить к литературе это понятие юриспруденции, то в «Преамбуле» Юрия Гузёнина вполне явственно проступает то, что подвигает его на писание (а читателя — на чтение данной книги), — это взгляд на мир тонкого психолога и мыслящего художника.

**Роман ДАВЫДОВ**

## **«ТЫ КАК ПРАЗДНИК В МОЕЙ СУЕТЕ»**



Фёдор Ракушин и Вячеслав Бахтин не были лично знакомы. Вообще в последние месяцы жизни Федор Николаевич, утомленный нездоровьем, не покидал своих любимых Ахун. А Вячеслав Васильевич, при всей его коммуникабельности, был в основном увлечен поэзией, рождающейся в родном педагогическом вузе.

Кончина Ракушина, как это обычно бывает, несколько взбудоражила общественность. Бахтин достал ракушинский сборник и написал две песни — «Последний снег» и «Ты как праздник в моей суете». Последнюю мы и предлагаем вашему вниманию. Кстати, в уходящем году Фёдору Ракушину могло бы исполниться девяносто...

Что же касается меня, то еще при жизни Фёдора Николаевича я положил на музыку другие замечательные его строки. Показал сочиненное своему соавтору, получил его одобрение. А после... как бы это точнее определить... смалодушничал и опубликовал созданное в одной из тетрадей фортепианного цикла «Детский мир» (московское издательство «Композитор»). Меня оправдывает только то, что новоиспеченная пьеса «Город Венеция», при всей ее сложности, оказалась самой популярной среди всей моей детской музыки.

И еще. О происшедшей метаморфозе сам Фёдор Николаевич не узнал — она произошла несколько позже. Кстати, в последнее время я подумываю о возвращении первого варианта — со стихами Фёдора Ракушина. Причем я не отказываюсь от второго — пусть они сосуществуют одновременно, в различных ипостасях.

*Бережно*

Ты как ива над горькой травой, ты, как ветер, шумишь над скло-

ненной моей головой. Ты весь ве-

чер чего-то лепечешь над скло-

ненной моей головой.

## ТЫ КАК ПРАЗДНИК В МОЕЙ СУЕТЕ

*Стихи Фёдора Ракушина  
Музыка Вячеслава Бахтина*

Ты как ива над горькой травой,  
Ты, как ветер, шумишь надо мной,  
Ты весь вечер чего-то лепечешь  
Над склоненной моей головой.

Пусть слова мои явно не те —  
Ты как праздник в моей суете,  
Хоть обычные и жесты, и речи  
В необычной твоей красоте.

А по городу ходит метель,  
И к окну наклоняется ель —  
Ты прикрой свои смуглые плечи,  
Коль такая вокруг канитель!

## НОВОГОДНЕЕ АССОРТИ



**Владимир УХАБОТИН**

ЯНВАРЬ

Январь морозный и седой —  
Природа спит во власти стужи —  
Трясет в сосульках бородой,  
Сковал все реки, словно лужи.

Лютует по ночам мороз,  
Трещат деревья гулким эхом,  
И свет стоит лучом до звёзд,  
Чудная зимняя потеха!

Он потешается в лесу,  
Раскрасит ели дивно снегом,  
Вплетёт хрустальную косу,  
Лес в сказку превратит с разбега.

В подлунном мире снег искрится,  
Деревня тихо, мирно спит,  
Дымок из труб столбом клубится,  
И снег под валенком скрипит.

**Людмила МИЛОСЛАВСКАЯ**

ОЛЕНЁНОК

Спустился один оленёнок к ручью,  
Увидел своё отраженье.



«Ты кто?» — говорит оленёнок ему,  
Взглянув на него с изумленьем.  
Ни слова в ответ. Оленёнок вздохнул  
И тихо водицу копытцем всплеснул.  
Тут брызги его окатили водой,  
Глупышка со страху помчался домой!

## **Анна ШТУРМИНА (СИДОРОВА)**

\* \* \*

Смотрите, первый снег укутал крыши...  
Любуюсь им и думаю о том,  
Что в прошлой жизни дом мой был в Париже,  
А снег вот так же падал за окном...

И думается мне, что я любила  
Мечтать бессонной ночью у огня,  
По-моему, я даже не забыла  
Привычки той, живущей до меня.

Я знаю, что была слегка беспечна,  
Любила флирт и горький шоколад,  
Надеялась, что счастье бесконечно,  
Ещё не встретив боли и утрат...

Возможно, что была придворной дамой,  
Жила в покоях старого дворца,  
И точно так же, как сейчас, упрямой,  
Вот только жаль, не вспомнить мне лица...

Я принадлежность прошлого, эпохи,  
Давно ушедшей в мир небытия.  
Живу среди обычной суматохи,  
Привычная, сегодняшняя, я.

## **Анастасия АЛЕКСЕЕВА**

### **ЗИМНЯЯ ПРОГУЛКА**

Под низкими крышами города,  
Под пологом вьюги вечерней



Пешком прогуляюсь без повода,  
Где ветер от вьюги напевней.  
Заштопают сумерки улицы,  
И окна прозреют в затишье,  
И тени от света сутулятся,  
Прикидываясь пепелищем.  
В зашторенных окнах виднеется  
Бесстрастность и плавность уюта —  
Там свет под торшерами стелется,  
Там дремлет январская смута.  
Неведома сдержанным жителям  
Взволнованность внешней погоды,  
Где машет зима белым кителем,  
Где снега и тьмы переплеты.  
Потянет тревогой и холодом,  
И в сумерках этих картинных,  
Под снежным нетронутым пологом  
И крыши, и тени едины.

## **Анна ПАНИНА**

### **ПЕНЗА**

Дорожка в лиственничных иглах,  
Вечерний опустевший рынок,  
Внезапной осенью застигнут,  
В обледенелых лужах стынет.

Дрожат палатки у мечети,  
Накрыты полиэтиленом,  
А репродуктор с минарета  
Кричит о чем-то там нетленном.

Огни на набережной резки,  
Односторонни и практичны.  
Их отраженья в зябкой речке  
Отсвечивают симметрично.

Я на ходу жую конфету.  
Рахат-лукум такой тягучий...  
Как в пуховик, луна одета  
В большую снеговую тучу.

## **Валерий РУМЯНЦЕВ (Борис ЗОРЬКИН)**

\* \* \*

Снежный пух укутал ветки.  
Зимний лес похож на сказку.  
По искрящейся салфетке  
Солнца луч скользит указкой.  
За лучом бежим на лыжах,  
Волны свежести вдыхая.  
Цель желанная всё ближе  
Меж деревьями порхает.  
Мы бежим за вдохновеньем.  
Каждый вдох нам силы множит.  
Кажется, ещё мгновение —  
И настигнем. Только что же?  
Лыжа в яму вдруг влетела.  
И — с размаху в снег паденье.  
Да, опаснейшее дело —  
Словно дичь, гнать вдохновенье!

## **Ольга СМЕРНОВА**

### **НОВОГОДНЕЕ**

Скоро, скоро Новый год:  
Бьют часы на башне,  
День грядущий в гости ждет,  
День ушел вчерашний.

Выпал снег, трещит мороз,  
Солнце ярко светит,  
И дедуля — красный нос  
Дарит радость детям.

Сказка в эту ночь придет,  
Чудо вдруг случится.  
Всем желаньям в Новый год —  
Однозначно сбывься!

**БОБЫЛЕВ Дмитрий Викторович.** Родился в 1987 г. Окончил Северный педагогический колледж. Магистрант кафедры филологического образования Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Победитель открытого Всероссийского творческого конкурса «Скажи-ка, дядя»; Всероссийского литературного конкурса имени Л.И. Ошанина (2012). Лауреат Международного фестиваля «Поэтический марафон»; Международного конкурса имени де Ришелье в номинации «Поэзия» (2012). Призёр Всероссийского конкурса поэзии «Посох и лира» (Большой финал — 2011). Дипломант II Международного литературного конкурса детского и молодёжного творчества «Во имя мира на Земле» (2011). Автор сборника стихотворений «Рыбаки». Печатался во многих коллективных сборниках, журналах и альманахах. В «Суре» публикуется впервые.

**ГОЛЬДШТЕЙН Владимир.** Родился в 1966 году на Украине. По образованию инженер-металлург. Занимался рекламой и маркетингом. Живет в США. Издал книгу рассказов, пьес и стихотворений «Первоапрельский велосипед». Публикуется в русскоязычной периодике США и России. В «Суре» публикуется впервые.

**ГОРЛАНОВ Геннадий Елизарович.** Родился в 1941 г. в Пензе. Доктор филологических наук. Профессор кафедры литературы ПГУ. Автор фундаментального труда «Теория и практика стихосложения», «Очерков истории культуры пензенского края», многих поэтических сборников, книг по литературному краеведению, более 80 научных статей. Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии им. М.Ю. Лермонтова.

**ГУЗЁНИН Юрий Викторович.** Родился в 1964 году в с. Синодское Шемышейского р-на Пензенской области. Трудился на предприятиях города связистом, электромонтажником, электромонтером, в настоящее время — строитель. Печатался в журнале «Сура», альманахе «Береста», сборниках «Пенза в поэзии», «Реванш», «Четверги». Участник поэтического клуба «Берега» при журнале «Сура». Лауреат областного фестиваля им. Д. Злобиной.

**ДАВЫДОВ Роман (Ромэн) Тигранович.** Родился в 1947 г. в Баку. Окончил музыкальное училище, Горьковскую консерваторию по классу композиции (профессор А.А. Нестеров). Работал концертмейстером Азербайджанского театра оперетты. С 1975 г. живет в Пензе. Автор органических и хоровых сочинений, романсов,

детских фортепианных пьес. Председатель Пензенского отделения Союза композиторов России.

**ДАРИН Дмитрий Александрович.** Родился в 1964 году в Ленинграде. В 1986 году окончил МГИМО МИД СССР. Автор четырех поэтических сборников. Лауреат и с 2009 года председатель жюри поэтической премии им. С. Есенина «О, Русь, взмахни крылами...». Член Высшего художественного Совета Московской городской организации Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Международной ассоциации публицистов и писателей (МАПП), доктор экономических наук. Поэзия Дмитрия Дарина переведена на испанский, французский, болгарский, польский и другие европейские языки. В настоящее время живет в Москве.

**ДЕНИСОВА Ольга Леонидовна.** Родилась в 1959 г. в поселке Евлашево Кузнецкого района Пензенской области. Окончила Государственные заочные курсы иностранных языков (по курсу французского языка). Работала заведующей абонементом Кузнецкой районной детской библиотеки. Поэт. Автор публикаций в журналах «Арион», «Иностранная литература», «Сура», коллективных сборниках «Стихотворящая лоза» (Красноярск) и «Возвращение» (Москва). Автор поэтической книги «Осколки» (2004). Член Союза писателей России.

**ДОРОШИНА Вера Анатольевна.** Родилась в 1979 г. в Пензе. Окончила факультет русского языка и литературы (отделение журналистики) ПГПУ. Поэт, журналист, литературный критик. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, дипломант Всероссийского фестиваля им. А.С. Пушкина «С веком наравне», литературной премии им. А.И. Куприна, премии журнала «Сура». Автор девяти сборников стихотворений. Член Союза писателей России.

**ЗЕВАЙКИН Александр Васильевич.** Родился в 1965 году. Литературный дебют состоялся в заводской многотиражке «Прогресс» в 1986 году с рассказом «Возвращение Атлантиды». В 1989 году состоялся дебют уже на «республиканской» литературной арене: в альманахе «Просторы» был опубликован рассказ «Тайна напитка». В 1994 году издал первую книгу под названием «Легенда», куда включил свои лучшие рассказы. Публиковался в детской газете «Диагональ». Там вышли его фантастическая повесть «Рыбачок» и фантастическая повесть «Замок Буффальда». Лауреат литературной премии имени А.Н. Терентьева (1996), литературной премии Главы

РМ (2004), премии «Рождественская звезда» (2013). Член Союза писателей РФ. В «Суре» публикуется впервые.

**ИВАШИНА Татьяна Борисовна.** Родилась в 1954 году в р/п Лунино Пензенской области в семье врачей. Окончила факультет иностранных языков Пензенского педагогического института. Работала замдиректора по воспитательной работе кооперативного училища, помощником председателя правления облпотребсоюза. Более 15 лет работала в СМИ в качестве директора по рекламе. В настоящее время — редактор одной из рекламно-информационных газет Пензы. Автор книги стихов (2004 г.).

**КНЯЗЕВ Александр Николаевич.** Родился в 1953 г. в Ленинграде. Поэт, лермонтовед, музыковед, импресарио, редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» РАН. Автор многих статей и эссе по литературе и музыке. Его работы опубликованы в научных сборниках, в журналах «Вопросы литературы», «Сура», «Журнал ПОэтов» и других московских, петербургских и региональных изданиях, в Интернете. А.Н. Князев — редактор литературоведческих научных сборников «Тарханский вестник» (ГЛМЗ «Тарханы», 1995 г.), «Глубокий и могучий дух» (Москва, 2005). Под издательской маркой JMR (аббревиатура от французского названия «Русской музыкальной газеты») вышли около двадцати CD's, в их числе диски (а также ноты) серии «Поэзия М.Ю. Лермонтова в музыке» и компакт-диски с записями фонографического наследия З.А. Долухановой и П.Г. Лисициана. Инициатор акции «Страсти по Лермонтову» (проект действует с 29 декабря 2003 года). Участник международных фестивалей «Сергей Осколков и друзья» (2008, 2011 — 2013) и «Петербургская музыкальная весна» (2010). В июне 2003 года Александр Князев был удостоен диплома Информационного управления Президента РФ в номинации «Век минувший» конкурса «Петербург. Возрождение мечты». Член Международной ассоциации «Русская культура». Член Союза писателей России. Член Союза концертных деятелей Санкт-Петербурга.

**КОЧЕНОВА Анастасия Олеговна.** Родилась в 1996 году в Пензе. Выросла в городе Будённовске Ставропольского края. В 2014 году поступила в Пензенский государственный университет на историко-филологический факультет по специальности «Журналистика», где ныне учится. В «Суре» публикуется впервые.

**ЛЕЗИН Владимир Владимирович.** Родился в 1988 году. Окончил инженерный факультет ПГСХА. Работает ветеринарным врачом

в компании Damate. Печатался в коллективных сборниках. Автор книги стихов. Лауреат Поволжского конкурса «Узнай поэта» (Пермь, 2010). В «Суре» публикуется впервые.

**МОНАХОВА Ирина Рудольфовна.** Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар критики). Автор книг: «Бог и человек: путь навстречу» (2000), «Небесное и земное. Статьи о художественном и духовном творчестве Н.В. Гоголя» (2009). Составитель книг «Н.В. Гоголь. Из писем. «Что может доставить пользу душе» (2006), «В.Г. Белинский: «Вся жизнь моя в письмах». Из переписки В.Г. Белинского» (2011), «Истинный рыцарь духа. Статьи о жизни и творчестве В.Г. Белинского» (М., 2013). Член Союза писателей России. Живет в Москве.

**МУРАШОВ Дмитрий Юрьевич.** Родился в 1971 г. в селе Беково Бековского района Пензенской области. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского. Кандидат исторических наук. Ученый секретарь Пензенской областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова. Автор книг: «Заречный: из глубины веков» (2005), «Первая Лермонтовская» (2012), «Забытое имя: Валериан Волжин» (2013), «Лермонтовка: советский формат» (2014), «Декабристы-пензяки» (2015), статей по историческому и литературному краеведению, истории России XIX — XX вв. Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова (2014).

**МЫШИНСКИЙ Владимир Сергеевич (1936 — 2011).** Родился в 1936 году в городе Великие Луки Псковской области в семье железнодорожника. Окончил Киргизский университет (г. Фрунзе, ныне Бишкек). Журналист (профессиональный стаж более 30 лет), публицист. С 1972 г. жил и работал в Пензенской области, сначала в Сердобске как собкор газеты «Пензенская правда», с 1981 года — в Пензе: заведующий отделом культуры и учебных заведений в «Пензенской правде», заместитель председателя областного комитета по телевидению и радиовещанию, с 1991 г. — заместитель редактора «Пензенской правды». Ушел из жизни 10 октября 2011 года.

**НЕФЁДОВ Вячеслав Викторович.** Родился в 1969 г. в с. Александровка Бековского р-на Пензенской области. Окончил исторический факультет Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского. Кандидат исторических наук, учёный-белинсковед, вице-президент Фонда содействия развитию русской культуры. Автор более 1500 публикаций в СМИ и научных сборниках.

Автор эссе о Белинском «Чернорабочий литературы». Лауреат премии журнала «Сура».

**ПРАВДИНА Ольга Александровна.** Родилась в 1966 г. в Чите. Окончила Пензенский политехнический институт. Работает в ПО «Старт» (г. Заречный). Автор сборника фантастической прозы «Спираль времени», поэтического сборника «Круг судьбы», циклов стихов в альманахах «Радуга Заречья», «Радуга в сердце каждого», «Подарите радугу любимым». Автор публикаций в книге «Молодая пензенская проза», альманахе «Берега», журнале «Странник».

**РОГОЖКИН Владимир Иванович.** Родился в 1956 г. Образование высшее техническое. В настоящее время проживает в Пензе. Инвалид 1 группы по зрению. Самостоятельно освоил работу на компьютере.

**ТОКАРЕВ Максим Владимирович.** Родился в 1972 г. в Пензе. Окончил дирижерско-хоровое отделение Пензенского училища культуры и искусств, Московскую государственную юридическую академию. Поэт, автор-исполнитель песен. Автор поэтических сборников «Подсолнух», «Теплый поезд воздуха», «Слова, что святы», «Звук вечности», «Вишен хоровод», «Потребзона» (поэма, стихотворения), «Посленачальность» и др., сборника рассказов и стихотворений в прозе «Новоселье». Публиковался в журналах «Сура», «Мы» (Москва), «Легенс» (Санкт-Петербург), газетах «Пензенская правда», «Аргументы и факты в Пензе», «Наш город», «Заречье» и др. изданиях. Член Союза российских писателей.

**ФЕДОРОВ Михаил Иванович.** Родился в 1953 г. в Вологде. Окончил школу-интернат физико-математического профиля при Московском государственном университете и Высшую Краснознаменную школу Комитета Госбезопасности им Ф.Э. Дзержинского. Автор многих романов и публикаций в журналах «Российская юстиция», «Роман-журнал XXI век», «Россияне», «Пражские огни». Адвокат. Член Союза писателей России.

**ХОЛЬМ Ададь.** Родился в Москве в 1974 году. Публиковался в литературных журналах «День и Ночь», «Новая Юность», «Южная звезда», «Крещатик», «Edita Gelsen»; с 2001 года был постоянным автором отдела культуры «Новых известий»; работал с периодическими изданиями «Юный художник», «Свет», «Наука и религия». Автор книги стихотворений «Альба», повести «Пир Гамаила» и многочисленных рассказов. В «Сура» публикуется впервые.

**Учредитель и издатель:**

ГБУК «Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова»

Общественный совет журнала: Г.Е. ГОРЛАНОВ, Д.Н. ЖАТКИН, Н.М. ИНЮШКИН,  
С.В. КАЗАКОВ, А.И. ЛОМОВЦЕВ, М.Н. ОСИПОВА, Ю.М. ПОЛЯКОВ, Е.А. СТОЛЯРОВА,  
А.Б. ТУГАРОВ, А.В. ТЮСТИН, Е.Г. ЧЕБАЛИНА, О.В. ЧУБАРЬ, И.С. ШИШКИН  
Редакционная коллегия: С.С. ВАХШТАЙН, Л.И. ДОРОШИНА, В.В. КЕЛЬХ,  
Ю.А. КУЗНЕЦОВ, Ф.Ю. САМАРИН, О.В. СИРОТИН, В.А. СУХОВ,  
В.В. ТЕРЕНТЬЕВ, В.А. ЮРАКОВ, Л.И. ЯШИНА

**Главный редактор**  
**Борис Владилевич ШИГИН**

**Р е д а к ц и я:**

**Лидия ДОРОШИНА** — редактор отдела поэзии  
**Олег СИРОТИН** — редактор отдела истории и краеведения  
**Сергей А. ПОНОМАРЕВ** — художественный редактор  
**Ольга МАКАРОВА** — технический редактор  
**Елена КОМЗАЛОВА** — редактор-организатор

Компьютерная верстка — **Олег СИРОТИН**  
Корректор — **Светлана АНДРЕЕВА**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ТУ 58-0009,  
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых  
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Пензенской области.

16+

**Адрес редакции:** г. Пенза, ул. Белинского, 10, тел. 63-44-20  
**Адрес учредителя и издателя:** г. Пенза, пр. Строителей, 168-а  
**Интернет-версию журнала можно прочесть на сайте**  
**областной библиотеки им. М.Ю. Лермонтова (<http://liblermont.ru>)**  
**Адреса электронной почты редакции:** borisshigin@yandex.ru (главный редактор),  
lidiy2305@mail.ru (редактор отдела поэзии), ngml@sura.ru (редактор отдела  
истории и краеведения)  
**Тел. гл. редактора — 8 937 402 22 73**

Приобрести журнал «Сура» можно в библиотеке им. М.Ю. Лермонтова

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых  
приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей.

Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция убедительно просит авторов присылать свои произведения  
в соответствующие отделы редакции. Проза принимается с распечаткой текста.  
Иллюстрационный материал соответствует качеству предоставленных оригиналов.

**Подписной индекс «Суры» 53242**

---

Сдано в набор 18.10.2016 года. Подписано в печать 18.11.2016 года. Бумага офсетная.  
Формат 60x84 1/16. Отпечатано методом офсетной печати. Усл. печ. л. 14. Уч.-изд. л. 14.  
Заказ № 1163. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в АО «Областной издательский центр».

Адрес: 440600, г. Пенза, ул. Кирова, 65/2. Тел. 52-06-64, e-mail: Oblizdat@yandex.ru